История греческой экономической мысли

Альберт Август Тревер

The University of Chicago

A HISTORY OF GREEK ECONOMIC THOUGHT

A DISSERTATION

SUBMITTED TO THE FACULTY OF THE GRADUATE SCHOOL OF ARTS AND LITERATURE IN CANDIDACY FOR THE DEGREE OF DOCTOR OF PHILOSOPHY

BY

ALBERT AUGUSTUS TREVER

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS
CHICAGO, ILLINOIS

The Project Gutenberg eBook of A History of Greek Economic Thought.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История греческой экономической мысли

Автор: Альберт Августус Тревер

Дата выхода: 30 октября 2018 [eBook #58204]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером, Дэвидом Кингом и командой Online Distributed Proofreading Team на сайте http://www.pgdp.net. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK A HISTORY OF GREEK ECONOMIC THOUGHT ***

Примечание транскриптора:

Сноски собраны в конце текста и снабжены ссылками для удобства пользования.

История греческой экономической мысли

Чикагский университет

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ДИССЕРТАЦИЯ, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ФАКУЛЬТЕТУ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ИСКУССТВ И ЛИТЕРАТУРЫ В КАЧЕСТВЕ КАНДИДАТА НА СОИСКАНИЕ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ

АЛЬБЕРТ АВГУСТ ТРЕВЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЧИКАГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЧИКАГО, ИЛЛИНОЙС

1916

Авторское право 1916 г.

Чикагским университетом

Все права защищены

Опубликовано в августе 1916 года

Составлено и напечатано

Издательство Чикагского университета

Чикаго, Иллинойс, США.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Необходимость нового толкования греческой экономической теории в свете нашей современной гуманитарной экономики представлена во введении к этой работе. Если этот том сможет в какой-то степени удовлетворить такую потребность, пробудив классика к существованию важных фаз греческой мысли, с которыми он слишком мало знаком, и напомнив экономисту о многих жизненно важных точках соприкосновения между греческой и современной экономикой, наш труд будет сполна вознагражден. Несомненно, есть ошибки как в цитировании, так и в суждениях, которые не ускользнут от внимания критика. Однако мы верим, что в целом работа представляет собой справедливое отражение мысли греков в этой важной области. В ходе нашего исследования мы, естественно, были вынуждены постоянно обращаться к реальной экономической обстановке, в которой жили греки, как к надлежащему фону для их теорий. Поэтому наша цель - опубликовать в будущем общую историю экономических условий в Греции, которая может послужить дополнением к данному изданию.

Пользуясь случаем, мы выражаем благодарность профессору Чикагского университета Полу Шори за то, что он предложил тему этой работы, а также за его многочисленные полезные критические замечания и предложения в ходе ее подготовки.

Колледж Лоуренса, Эпплтон, штат Висконсин.

1 ноября 1915 г.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение 7

1. Предыдущие работы по греческой экономической мысли.

2. Сфера, цель, метод.

3. Общая характеристика греческой экономической мысли.

II. Экономические идеи до Платона и причины неразвитости греческой экономики 14

III. Платон 22

1. Общая точка зрения.

2. Теория ценности.

3. Богатство: теория; моральное отношение.

4. Производство.

а) Сельское хозяйство.

б) Капитал.

в) Труд и промышленность:

(1) Отношение Платона.

(2) Разделение труда.

(3) Рабство.

5. Деньги: теория; моральное отношение; процент.

6. Обмен: теория; критика отрицательного отношения Платона.

7. Население.

8. Распределение: теория; отношение к трудящимся классам.

9. Коммунистические и социалистические идеи.

а) Причины подобных тенденций в греческой мысли.

б) *Республики* до Платона: Гипподамас; Фалеас.

в) *Республика* Платона.

г) *Законы* Платона.

IV. Ксенофонт 63

1. Двойная точка зрения.

2. Теория ценности.

3. Богатство: практический интерес.

4. Производство.

а) Теория; позитивный интерес.

б) Сельское хозяйство.

в) Капитал.

г) Труд и промышленность.

(1) Положительный интерес к его развитию.

(2) Разделение труда.

(3) Рабство.

5. Деньги: теория; в пользу неограниченного увеличения.

6. Обмен: предложены средства для его свободного развития.

7. Население.

8. Распределение: отношение к массам.

9. Социалистические тенденции в *доходах*.

V. Ораторы - Демосфен, Исократ 77

VI. Аристотель 81

1. Отношение к экономическим вопросам; домашнее и общественное хозяйство.

2. Теория стоимости.

3. Богатство: теория; негативное отношение к нему.

4. Производство: теория; негативная точка зрения.

а) Сельское хозяйство.

б) Капитал: теория; отрицательный интерес.

в) Труд и промышленность.

(1) Негативное отношение.

(2) Разделение труда.

(3) Рабство.

5. Деньги: происхождение; теория; проценты; причины негативного отношения Аристотеля и других греческих философов.

6. Обмен: теория; тариф; критика "хрематистики".

7. Население.

8. Распределение: теория; отношение к массам.

9. Коммунизм и социализм.

а) Негативная критика *"Республики"* Платона и других систем.

б) Позитивная теория.

VII. Малые философы, современники или преемники Платона и Аристотеля 125

1. Академия, Спевсипп, Ксенократ, Крантор.

2. Теофраст.

3. *Экономикс*; псевдоаристотелевский *Экономикс*.

4. Киренаики: Аристипп; Бион.

5. Эпикурейцы.

6. Киники: Антистен; Диоген; Кратес.

7. Псевдоплатоник *Эриксий*.

8. Телес.

9. Стоики: Зенон; Аристо; Клеанф; Хрисипп; Плутарх.

10. Коммунистические тенденции после Аристотеля.

VIII. Общие выводы о значении и влиянии греческой экономики 146

Библиография 151

Указатель 157

ГЛАВА I
ВВЕДЕНИЕ

Полный список ученых, уделявших большее или меньшее внимание экономическим идеям греческих мыслителей, приводится в библиографии в конце данной работы. На первый взгляд, список достаточно обширен. Однако следует отметить, что большинство работ не относится к недавнему времени, что многие из них посвящены в основном практической стороне экономики, что большинство крупных трудов по экономической истории затрагивают греческую экономическую и социальную теорию лишь попутно, и что почти все они написаны с общей точки зрения экономиста, а не с более детальным анализом классика. Работа Сушона, наиболее обширное, тщательное и удовлетворительное обсуждение предмета, не является исключением из этого последнего правила, и поскольку его точка зрения слишком исключительно совпадает с точкой зрения старых английских экономистов, его критика греческих теорий не всегда достаточно сочувственна. В монументальных томах Поэльмана греческие социальные теории рассмотрены досконально, но главный интерес автора заключается скорее в реальных социальных условиях, и его работа омрачена постоянным чрезмерным подчеркиванием аналогий между древним и современным капитализмом и социалистической агитацией. Более того, на английском языке нет ни одной книги, посвященной греческой экономической мысли, которая бы рассматривала этот предмет в чем-то большем, чем беглое изложение Хани и Ингрэма.[1] Таким образом, на английском языке еще есть место для работы такого типа, написанной с позиций классицизма, но с учетом потребностей студентов-экономистов двадцатого столетия.

Настоящая работа призвана удовлетворить такую потребность. Она существенно отличается от всех ранее опубликованных работ по греческой теории тем, что наша цель - не просто рассмотреть, в какой степени греческие мыслители усвоили принципы ортодоксальной экономики Рикардо и Милля. Мы также попытаемся выяснить, насколько они по гуманитарному и этическому тону своего мышления предвосхитили современную, пост-рикардовскую экономику, которая делает человека, а не собственность, высшей целью и

признает множественность человеческих интересов и стремлений, что опровергает старую теорию "экономического человека". Таким образом, наш вердикт относительно важности греческого вклада в экономическую мысль, скорее всего, будет несколько более благоприятным, чем тот, который обычно выносится.

Мы также намерены больше, чем это часто делается, подчеркнуть тот важный факт, что греческая теория, по сути, является отражением греческих экономических условий, и что истинная интерпретация этой мысли зависит от четкого понимания экономической истории Греции. Однако, как мы увидим, это отнюдь не означает, что антикапиталистические теории Сократа свидетельствуют о неразвитом состоянии торговли и промышленности в Афинах V-IV веков.

Метод изложения - преимущественно хронологический. Таким образом, идеи каждого мыслителя могут быть рассмотрены более подробно и унифицированно, а также в большей степени в связи с современными экономическими условиями, которые их породили. Кроме того, несмотря на некоторые практические преимущества тематического метода, он слишком смахивает на искусственную попытку навязать греческим мыслителям прокрустово ложе концепций современной экономики.

Общие характеристики греческой экономической мысли уже не раз перечислялись. Сейчас их можно повторить с пользой для дела, дополнив некоторыми дополнениями и необходимыми критическими замечаниями.

1. *Простота*.- Экономическая теория как отдельная наука в Греции так и не сложилась. Рассмотрение экономических проблем было побочным занятием по отношению к политике и этике. В той мере, в какой греческие мыслители обращались к этим темам, их теории отражают сравнительную простоту их экономической среды. Не предрешая вопроса о реальных масштабах капитализма в древних Афинах, нам достаточно вспомнить о широком международном масштабе наших современных коммерческих проблем, о наших гигантских производственных предприятиях с их паровой и электрической энергией, о нашем огромном богатстве и его чрезвычайной концентрации, о несметной сложности современного бизнеса и финансов, об огромных территориальных просторах современных наций, почти всех наших роскошествах и обыденных удобствах, чтобы начать ценить что-то из этой древней простоты.[2] Однако, как прямой результат этого ограничения, греки были вынуждены решать свои проблемы скорее в терминах людей, чем в терминах вещей, и поэтому их экономическое видение иногда было более ясным и верным, чем наше собственное. Аристотель заложил основу греческой экономической мысли, заявив, что главный интерес экономики - это люди, а не неодушевленное имущество.[3]

2. В результате этой простоты термины οἰκονομία и οἰκονομική, как по происхождению, так и в основном по употреблению, относились скорее к ведению домашнего хозяйства, чем к государственной экономике.[4] Домашнее и общественное хозяйство регулярно определялись как различающиеся лишь по объему.[5] Аристотель, однако, отчетливо критикует смешение этих двух понятий.[6] Более того, нет никаких оснований для часто встречающегося утверждения, что греческие мыслители никогда не поднимались выше концепции домашнего хозяйства. Трактат Ксенофонта "О *доходах Афин"* и вся философия государства Аристотеля являются достаточным ответом на подобные обобщения. Заявление профессора Баркера о том, что "политическая экономия" для Аристотеля была бы "противоречием в терминах", является крайностью.[7] В греческой путанице также есть некая важная истина, которую слишком часто упускают современные критики и государственные деятели - что общество является большим собственником, и что политика должна быть

делом, которое требует применения тех же экономических и этических законов, которые признаются для управления в частных делах.

3. *Путаница экономики с этикой и политикой*.- Утверждение о том, что греческая экономическая теория была смешана с этикой и политикой, стало общим местом. К экономическим идеям греческие мыслители пришли не в результате целенаправленного изучения проблем материального благосостояния. Все экономические отношения рассматривались прежде всего с точки зрения этики и государственного благосостояния. "Гражданин рассматривался не как производитель, а только как обладатель богатства." Подобные высказывания слишком часто принимаются в качестве окончательной критики греческих мыслителей. Хотя эта путаница и стала источником ошибок и привела к тому, что греческая экономическая мысль была односторонней и неполной, все же следует отметить некоторые важные соображения.

а) Философы Сократа - наш главный источник экономических идей греков. Поэтому не следует делать на их основе слишком поспешных выводов об общем отношении греков. Ксенофонт гораздо свободнее от этического акцента, чем другие Сократики. Фукидид полностью свободен от него, и очень вероятно, что его точка зрения была гораздо ближе к точке зрения среднего афинского гражданина.

б) Путаница была не только с индивидуальной этикой, поскольку греческая моральная философия всегда ставила своей целью благосостояние государства. Действительно, в основе этого тесного союза экономики, этики и политики лежит истинная идея о том, что государство должно подняться над внутренними распрями и объединить всех в заботе об общих интересах.[9]

в) Точка зрения греческих философов, безусловно, заслуживает не большей критики, чем точка зрения так называемой ортодоксальной политической экономии.[10] Они представляют собой две крайности. Если греческая теория не давала богатству его полного права и была открыта для обвинений в сентиментализме, то рикардианская доктрина с ее "экономическим человеком", устраняющим все другие идеалы и побуждения, была нереальной и пагубной абстракцией. Из этих двух ошибок греческая является менее предосудительной и в большей степени соответствует современному направлению экономической мысли. Лучшие экономисты сегодня все больше и больше настаивают на греческой идее, что экономические проблемы должны рассматриваться с точки зрения всего человека как гражданина общества. Современная политическая экономия "поставила на первый план человека как человека, а не богатство, и подчинила все его истинному благосостоянию". "Любовь, щедрость, благородство характера, самопожертвование и все, что есть лучшего и истинного в нашей природе, занимают свое место в экономической жизни" "Наука, которая занимается богатством, отнюдь не является "евангелием Маммоны", обязательно начинается и заканчивается изучением человека." "Es soll kein Widerspruch zwischen Ethik und Volkswirtschaft bestehen, es soll das Sittengesetz für die Wirtschaft gelten und in ihr ausgeführt werden." Такие сильные заявления, взятые наугад у современных экономистов, должны служить для смягчения нашей критики греческой путаницы. Платоновское определение экономики, предложенное одним из самых последних историков экономической мысли[14] , может быть легко принято многими современными учеными: "Экономика - это наука, которая занимается удовлетворением человеческих желаний посредством обмена, стремясь таким образом регулировать промышленность государства, чтобы сделать его граждан хорошими и счастливыми, и таким образом способствовать наивысшему благосостоянию всего общества". Утверждение Сократа, что все экономические операции должны в конечном итоге корениться в морали, что все экономические проблемы - это моральные проблемы, и

что удел экономики - человеческое благосостояние, является, таким образом, доминирующей идеей двадцатого века. И как этический интерес греческих философов заставлял их акцентировать внимание на проблемах распределения и потребления, так и сегодня именно эти фазы экономики получают главное внимание. Конечно, современная мысль более полно оценивает ту дополнительную истину, что все наши социальные и моральные проблемы в основном уходят корнями в экономические условия, хотя и это ни в коем случае не упускалось из виду Платоном и Аристотелем.

4. *Аскетическая тенденция*.- Однако нельзя отрицать, что в результате чрезмерного акцента на этическом, греческой экономической мысли мешал определенный аскетизм. Но это также было следствием пессимистических тенденций в самой греческой философии. Более того, аскетические идеи философов нельзя принять за общую позицию афинских граждан, так же как Торо можно признать критерием экономической мысли своего времени в Новой Англии.[15] Аскетизм, безусловно, был чужд уму Перикла и Фукидида. В ходе нашего обсуждения мы также обнаружим, что он представляет собой, в конце концов, лишь одну из фаз мысли самих философов.

5. *Социалистическая тенденция*. Поскольку греческую экономику в первую очередь интересовали проблемы распределения, она склонялась к социализму, как в теории, так и на практике. Это также было естественным следствием того, что индивидуальные интересы были подчинены общественному благосостоянию. Хотя во второй половине V века в Греции наблюдалось большое индивидуалистическое движение, и хотя индивидуализм и независимость часто называют выдающимися греческими чертами, эти понятия не были основополагающими политическими принципами даже в свободной афинской демократии в том же смысле, как это происходит у нас сегодня. Жизнь греческого гражданина в гораздо большей степени была прожита для государства и находилась в его абсолютном распоряжении, чем это имеет место в любой современной демократии. Таким образом, в Греции политика была социальной наукой первой важности, а высшей целью всей человеческой деятельности было воспитание хороших граждан. Поэтому вмешательство или регулирование со стороны государства воспринималось как нечто само собой разумеющееся, а установление цен, жесткое регулирование торговли зерном , эксплуатация богатых в интересах бедных и государственная собственность на крупные материальные ценности, такие как рудники, были не революционными идеями, а обычными фактами греческой жизни.[16] Поэтому тенденция теоретиков была естественной в сторону централизации власти в руках государства и преувеличенного представления о всемогуществе закона.[17] Однако, несмотря на присущую ей ошибочность, социалистическая тенденция греческой экономической мысли имела свою основную истину, которая становится аксиомой современной экономики и государственного управления - убеждение в том, что частная собственность - это не естественное право, а дар общества, и, следовательно, ее деятельность должна контролироваться обществом и служить общественному благосостоянию. Действительно, мы ни в коем случае не избежали ошибки греческих мыслителей, поскольку одной из самых распространенных ошибок государственных деятелей и политических теоретиков сегодня является переоценка эффективности закона.

ГЛАВА II
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДО ПЛАТОНА И ПРИЧИНЫ НЕРАЗВИТОСТИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Как уже говорилось выше, экономические идеи греков были несистематизированными и неполными.[18] Сохранившаяся литература до Платона содержит лишь случайные намеки на экономические вопросы. Гесиод, в интересной противоположности классическим мыслителям, подчеркивает достоинство и важность ручного труда.[19] Контраст, однако, не так велик, как кажется, поскольку труд, который он высоко оценивает, является сельскохозяйственным. Он постоянно подчеркивает его важность как главного источника богатства.[20] С другой стороны, он выступает против коммерческого духа, который начал процветать в его эпоху, и осуждает зло несправедливой наживы.[21] Его упоминание о конкуренции между ремесленниками одного и того же ремесла представляет интерес для развития промышленности в Греции.[22] Его *"Эрга"* была в некотором смысле предтечей более поздней *"Экономики"* в греческой литературе.

Своими реформами Солон доказал, что у него были здравые экономические идеи относительно важности труда, промышленности, торговли и денег в развитии государства. Он также продемонстрировал некоторую проницательность в решении проблемы бедности. Его идеи, однако, не сформулированы определенно в сохранившихся фрагментах и относятся скорее к экономической истории.[23] *Элегии* Феогниса полны моральных высказываний о богатстве, подчеркивающих его временный характер по сравнению с добродетелью.[24] Пифагору и его последователям часто отводят видное место в истории коммунизма, но это, вероятно, связано с ложной интерпретацией.[25] Однако вполне вероятно, что он выступал против зла роскоши и морализировал по поводу соотношения богатства и добродетели.[26] Демокрит написал труд о сельском хозяйстве.[27] Как и другие философы, он учил, что счастье следует искать в золоте характера, а не в материальном богатстве.[28] По его мнению, и бедность, и богатство были лишь названиями нужды и пресыщения (κόρου).[29] Богатство без понимания не было надежным приобретением, его ценность зависела от правильного использования.[30] Приобретение богатства справедливыми средствами, однако, было благом,[31] хотя неправедные приобретения всегда были источником зла.[32] Чрезмерное стремление к богатству было хуже самой крайней бедности.[33] Возможно также, что Демокрит придерживался мягкой формы теории общественного договора о происхождении общества.[34] Гераклит горько сетовал на неразумность масс и их сугубо материальный взгляд на жизнь.[35] Он проводил общую антитезу между материальным и духовным богатством,[36] и отмечал тот факт, что золото является универсальным средством обмена.[37] Гипподамас из Милета и Фалей из Халкидона предложили новые планы распределения богатства, но от Аристотеля мы имеем лишь самые общие сведения об их теориях.[38] Их системы будут рассмотрены в следующей главе.

Софисты, верные своему характеру философов крайнего индивидуализма, разработали новую теорию происхождения общества. Уже бытовавший термин φύσις, "природа", который принимался как достаточное основание для существования государства, теперь противопоставлялся "закону", νόμος, как естественное искусственному. Софисты утверждали, что в первобытном состоянии природы господствовал совершенный индивидуализм. Люди творили несправедливость, не сдерживаясь. Однако более слабые, находясь в большинстве и считая невыгодным для себя соперничать с сильными, соглашались не делать и не терпеть несправедливость и заставляли более сильное меньшинство сотрудничать в принятии решений. Так возник общественный договор, в котором природа отказалась от своего истинного инстинкта в пользу искусственной

конвенции (συνθήκη), и таким образом появилось общество.[39] Теория, поначалу, хотя и неправдивая, не была направлена на разрушение моральных устоев, а скорее противопоставлялась традиционному представлению о законах государства как "декретах боговдохновенного законодателя"." В руках таких людей, как Фрасимах[41] и Калликл,[42] она, однако, стала средством отрицания того, что жизнь по природе связана какими-либо законами, которые сильные должны соблюдать, и что сила - это единственный окончательный закон.

В соответствии со своим радикальным индивидуализмом, софисты также были пионерами в более космополитическом духе, характерном для киников и стоиков. Они преподавали учение о фундаментальной ценности и взаимосвязи людей[43] и таким образом, вместе с киниками, начали атаку на теорию, которая поддерживала рабство как естественный институт.[44] Мало что известно о других их социальных или экономических идеях. Протагор написал работу о "заработной плате", но это, вероятно, был аргумент относительно принятия оплаты софистами.[45] В любом случае, тот факт, что софисты были так готовы обогащаться за счет своих лекций, является явным доказательством того, что их учение о богатстве не было отрицательной доктриной других греческих философов.[46] Продик, по-видимому, презирал ручной труд как морально унизительный, хотя и соглашался с Гесиодом в его учении о достоинстве всякого благородного труда.[47] Он подчеркивал необходимость труда в производстве материальных благ,[48] и, как и Демокрит, был предшественником Сократа, настаивая на правильном использовании как критерии богатства.[49] Гиппий гордился своими достижениями во многих искусствах,[50] и поэтому, вероятно, не разделял предрассудков философов против ручного труда.

Еврипид, хотя и является ярко выраженным индивидуалистом, как и софисты, демонстрирует следы более древнего использования природы для объяснения необходимости государства. Он проводит параллель между общественным порядком и порядком природы, с помощью которого оправдываются закон и правительство, а также право среднего класса земледельцев на власть.[51] Он подчеркивает важность сельского хозяйства и достоинство крестьянина-земледельца (αὐτουργός), обрабатывающего свою землю, как хозяина страны.[52] Это последнее хорошо согласуется с его космополитическим духом, который он разделяет с софистами. Он выступает против искусственных различий по рождению,[53] рабства,[54] и традиционного греческого представления о неполноценности женщины.[55] Его отношение к богатству - это отношение скорее философа-моралиста, чем софиста.[56]

Фукидид обнаруживает значительную проницательность в экономических проблемах, хотя и не занимается ими напрямую. Рошер утверждает, что греческий историк как никакой другой писатель внес вклад в создание элементов своей науки, поскольку только он один из всех греческих писателей не смешивал свои экономические идеи с этикой.[57] Он признает место труда в производстве и важность материальных благ как основы для всего высшего развития.[58] Он также в некоторой степени понимает истинную природу капитала. В своем описании неразвитого состояния ранней Греции, которая жила от руки до рта, он пишет как современный экономист, описывающий примитивные условия в Европе в противовес капитализму своего времени.[59] Попытка Корнфорда[60] дискредитировать Фукидида как историка и показать, что он упустил истинную причину, экономическую, Пелопоннесской войны, не является убедительной. Корнфорд преувеличивает влияние коммерческих интересов в Афинах V века и принижает экономическую проницательность Фукидида. Однако этот греческий писатель, как и Геродот, является скорее историческим источником о реальных экономических условиях в Греции, чем экономическим теоретиком.

Если не считать фрагментарных намеков, представленных выше, греческая экономическая мысль начинается с Сократа, Платона, Ксенофонта и Аристотеля, и продолжается, в очень случайной форме, в ораторах, стоиках и их современниках. Однако, как мы увидим, даже у Сократа нет настоящей науки о богатстве в современном понимании. Причина этого отсутствия, на которую чаще всего обращают внимание, поскольку она ближе всего, заключается в том, что явления реального производства были разработаны очень слабо. Это объяснение хорошо резюмировано Хани[61] следующим образом: (*а*) экономические отношения между людьми и государствами были намного проще, чем сейчас; (*б*) международная торговля не поощрялась древними государствами, идеалом которых было скорее национальное отчуждение; (*в*) государственные финансы тогда были очень ограничены и не имели большого значения; (*г*) разделение труда не было широким; (*д*) относительное отсутствие безопасности жизни и собственности препятствовало обмену и накоплению; (*е*) во всех этих отношениях ситуация аналогична средневековой Европе.

В этих общих доводах, безусловно, много смысла. Развитие экономической мысли, конечно, должно зависеть от реальных условий, в которых живут мыслители. Мы уже признали огромную разницу между современной экономической сложностью и простотой Древней Греции. Однако вышеприведенное резюме Хэни вводит в заблуждение. Хотя идеалом Спарты было национальное исключение, это точно не было идеалом Афин и некоторых других греческих государств. Все сохранившиеся записи согласны с тем, что Афины, по крайней мере, родина теоретиков экономики, поощряли международную торговлю всеми доступными ей средствами. Разделение труда, хотя и незначительное по сравнению с мельчайшим разделением современной механической промышленности, отнюдь не было безмерным, о чем свидетельствует тот факт, что это тот пункт, в котором греческие мыслители проявляют особую проницательность. Представление о том, что греческая промышленность ограничивалась в основном домашним хозяйством и что эра капитализма еще не наступила, давно опровергнуто Мейером и другими. Предполагаемая незащищенность жизни и имущества, хотя и относительно верна, но преувеличена, по крайней мере, для Афин. Прежде всего, распространенная попытка провести аналогию между классической Грецией и средневековой Европой в экономическом плане объясняется абсолютным заблуждением. Период греческой экономической истории, соответствующий средневековью, - это скорее эпоха экономического пробуждения, между серединой девятого и концом шестого века до нашей эры.[62]

Другими причинами ограниченного развития греческой экономической мысли являются:

а) доминирование государства над отдельным гражданином, из-за чего внимание греческих мыслителей было поглощено политическими, а не экономическими спекуляциями. Утверждается, что важность индивида должна быть признана до того, как сможет развиться экономическая наука.[63] Эта причина также обычно преувеличивается.

б) Общее предубеждение в Греции против промышленности, труда для других и финансов ради них самих. То, что такое предубеждение существовало в той или иной степени, проистекало из старого аристократического чувства, моральных возражений, рефлекторного влияния рабства, духа независимости и убеждения, что досуг необходим для надлежащего выполнения обязанностей гражданина, общепризнанно. Однако предполагаемая универсальность этого чувства вызывает серьезные сомнения. Предрассудки против квалифицированного труда, вероятно, ограничивались философами-моралистами и, возможно, более аристократической частью граждан, и мы увидим в другой главе , что враждебное отношение самих философов было значительно преувеличено. Злостные последствия рабства также не могли быть столь заметны в Греции до эпохи машин.

Более того, как отмечает Мейер, предубеждение против ручного труда проявляется среди более благополучных классов в большинстве европейских стран и сегодня, однако оно, похоже, ничуть не тормозит развитие промышленности.[64]

в) Одобрение завоеваний как законного источника богатства. Это в какой-то степени верно применительно к государству, но для отдельного гражданина Афин пятого века это, конечно, не имеет значения. Апеллировать к списку законных занятий Аристотеля как к доказательству этого - значит неверно истолковывать его смысл, поскольку он думает о первобытной жизни, а не о современной Греции.[65]

г) Экономические факты - обычное явление повседневной жизни, а знакомство порождает презрение.[66] Это утверждение противоречит первой причине, приведенной Хейни. Более того, оно несколько неудачно применительно к Греции, так как приводится прямо противоположная причина популярности политических спекуляций - обыденность практической политики.

д) Возможно, самая веская причина сравнительной неважности греческой экономической мысли обычно не подчеркивается. Это тот факт, что почти единственными сохранившимися источниками являются философы Сократа, которые представляют собой прямую моральную реакцию против коммерческого духа и жадности к деньгам своей эпохи.[67] Таким образом, ограниченное развитие греческой экономики, отнюдь не свидетельствующее о примитивных экономических условиях в Греции, является прямым аргументом в пользу обратного. Конечно, человек с научным складом ума Аристотеля вряд ли не смог бы получить более четкое представление о некоторых основах экономики, чем он, если бы его экономическая среда была более сложной. Однако факт остается фактом: он и Платон - пророки нравственности, протестующие против того самого капитализма, существование которого многие современные историки пытаются отрицать в своей эпохе.

ГЛАВА III
ПЛАТО

Как уже было сказано выше, Платон был первым великим экономическим мыслителем Греции.[68] Платон, однако, в первую очередь интересовался не экономикой и не политикой, а нравственным идеализмом. По этому признаку он занимает первое место даже среди Сократов. Вся его экономическая мысль является прямым следствием этого идеализма и пронизана его влиянием. Однако, несмотря на это, он демонстрирует значительную проницательность в отношении некоторых основополагающих принципов экономики[69] и вся его *Республика* основана на экономической теории общества. Он объясняет его происхождение взаимными потребностями,[70] и почти не упоминает о врожденном социальном импульсе, столь заметном в анализе Аристотеля.[71] Однако он является предшественником Аристотеля, противопоставляя доктрине общественного договора софистов с ее толкованием права как простой конвенции естественную теорию происхождения общества. По его мысли, сами основы общества заложены в вечной справедливости. Они не являются ни результатом простой условности, ни вообще работой вдохновенных законотворцев, но сложным продуктом естественных и искусственных элементов.[72]

ЦЕННОСТЬ

Строго говоря, вклад Платона в теорию экономической ценности и определение богатства практически нулевой. Рассуждая о справедливой цене, он лишь намекает на факт меновой стоимости. Он подразумевает, что, поскольку товары обмениваются в соответствии с определенными пропорциями, они должны обладать общим качеством, поддающимся измерению, и что справедливая цена соответствует этому качеству.[73] Он не предлагает никаких предположений относительно природы этого качества, за исключением того, что, утверждая, что "ремесленник знает, какова стоимость его продукта", он, похоже, думает о труде, или стоимости производства, как о главном элементе стоимости.[74]

В других отрывках он настаивает на учении, преподанном ранее Демокритом,[75] и позднее Ксенофонтом и другими философами, о том, что так называемые товары зависят в своей ценности от способности владельца правильно их использовать.[76] Эта идея представлена в современной мысли, особенно Рёскином.[77] Теория, конечно, верна для абсолютной ценности и, в некотором смысле, даже для экономической ценности, поскольку "вся обмениваемость товара зависит от суммы способностей к его использованию" Ее нельзя сделать критерием экономической ценности, хотя смежная идея, подразумеваемая Платоном и поддерживаемая Рёскином, что врожденное качество вещи, ее способность приносить пользу или вред, является реальным элементом экономической ценности, сегодня признается. Об этом свидетельствует растущая враждебность к таким так называемым товарам, как опиум и опьяняющие напитки. Поскольку мы начали определять политическую экономию в терминах человеческой жизни, а не в терминах собственности, определение богатства, данное Рёскином, является более приемлемым: "вещи, которые природа человечества делала во все века и должна делать во все грядущие века... объектами законного желания".

БОГАТСТВО

Платону есть что сказать о богатстве, хотя он рассматривает его строго с точки зрения моралиста. Мы тщетно ищем четкого определения или последовательного отличия экономического богатства от других благ. Его термины: πλοῦτος, используемый как для обозначения материального, так и духовного богатства; χρήματα, часто интерпретируемый буквально как "полезные вещи", как основа субъективного учения о ценности, рассмотренного выше; κτήματα, "владения", и такие слова, как χρυσός и ἀργύριον. Его использование этих терминов, особенно первого, неоднозначно. Иногда он имеет в виду только материальные блага; иногда, подобно Рёскину, он включает в них все человеческие блага, интеллектуальные и моральные;[80] снова означает "чрезмерное богатство". В результате своей концепции ценности он включает в материальное богатство все те предметы, ценность которых зависит от мудрого использования и характера их обладателя.[82] Материальные блага Платон регулярно ставит на последнее место, как уступающие всем остальным благам души или тела, как простое средство, а не самоцель,[83] ибо добродетель не происходит от собственности, а собственность и все остальные блага от добродетели.[84] Материальные блага должны быть последними в мыслях человека,[85] а то, что люди повсеместно ставят их на первое место, является причиной многих бед как для государства, так и для отдельных людей.[86] Богатство не слепо, если только оно следует за мудростью.[87] Вещи, обычно называемые благами, не имеют такого названия, если их обладатель не является справедливым и достойным.[88] С другой стороны, для низких людей они являются величайшим злом.[89] Во всем этом Платон является предтечей Рёскина с его

характерными утверждениями: "Богатством является лишь столько, сколько человек может использовать, сверх того - это дурнота"; и "Богатство зависит также от жизненной силы его обладателя".

Платон особенно осуждает чрезмерное богатство и роскошь.[91] Мужчин призывают не откладывать богатства для своих детей, поскольку большое богатство не приносит пользы ни им, ни государству.[92] Главной целью хорошего законодательства не должно быть, как принято считать, сделать государство как можно богаче,[93] поскольку чрезмерное богатство и роскошь снижают эффективность производства,[94] несовместимы с высшим характером или счастьем, основанные как на несправедливом приобретении (ктῆσις), так и на несправедливой трате (ἀναλώματα),[95] порождают вырождение в человеке и нации,[96] и являются прямой причиной войны[97] и гражданских распрей.[98] Если бы это было возможно, он предпочел бы вернуться к более простой жизни прежних времен, до того как роскошь и неумеренное стремление к богатству стали доминировать в обществе.[99] Конечно, он понимает, что такое возвращение невозможно, но у него мало надежды на другое спасение от зла. Таким образом, он выражает убеждение, что чем меньше желаний, тем лучше, - доктрина, характерная также для Рёскина, Карлайла и Торо.[100]

Однако у Платона нет предубеждения против умеренного богатства. Его проповеди направлены против чрезмерного коммерциализма, который ставит деньги выше человеческих интересов,[101] , вызывая тем самым несправедливость, вырождающуюся роскошь, порочные крайности богатства и бедности, политические трансплантации, индивидуальную неэффективность и войны как внутри государства, так и за его пределами. Хотя его философия ведет к аскетизму, а его отношение к богатству, на первый взгляд, дышит этим духом, Платон все же не является аскетом в своем учении о богатстве, как часто ошибочно утверждают. Он описывает истинное отношение к богатству как то, которое принимает и удовольствия, и боль, не избегая, а овладевая ими.[102] Он признает гарантированную компетентность практически необходимым условием для развития благой жизни.[103] С другой стороны, он считает бедность злом, уступающим лишь чрезмерному богатству.[104]

Конечно, требование Платона ограничить частное и национальное богатство и его общее негативное отношение к нему, если его жестко интерпретировать, бесплодны и экономически невозможны.[105] Нужно ограничивать не бизнес, а плохой бизнес.[106] Человек или нация не могут стать слишком процветающими при условии правильного распределения и разумного потребления богатства, и мысль Платона о том, что большое процветание несовместимо с этой целью, вряд ли может быть принята современными экономистами.

Тем не менее, в его учении о богатстве есть много неизменной истины. Помимо глубокой моральной ценности его главного утверждения, мы можем вкратце перечислить несколько пунктов, в которых он замечательно предвосхитил мысли более современных экономистов-гуманитариев: (1) в том, что чрезмерное частное богатство практически невозможно без соответствующих крайностей бедности, и что такое состояние является наиболее плодотворной причиной раздоров в любом государстве; (2) в том, что крайности богатства или бедности вызывают промышленную неэффективность; (3) в распространенном убеждении, что ни один человек не может получить большое богатство путем справедливого приобретения, поскольку, даже если он не совершил сознательной несправедливости, его чрезмерное накопление было вызвано несправедливыми социальными условиями; (4) в растущем убеждении, что трата огромных частных состояний не может быть полезной ни для человека, ни для общества, но слишком часто сопровождается глупой роскошью и расточительством, которые истощают жизненную силу нации; по Платону, такие люди

являются простыми трутнями - потребителями магазина (τῶν ἑτοίμων ἀναλωτής, ... κηφήν);[107] в этом он был предшественником Рёскина, который выступал против старого популярного заблуждения, что расходы богатых, какого бы характера они ни были, приносят пользу бедным;[108] (5) в доминирующей ноте в современной экономической мысли, которую так подчеркивали Платон и Рёскин, что главная цель науки - человеческая жизнь в ее лучшем проявлении - как говорит Рёскин, "производство как можно большего числа полных дыхания, ясноглазых и счастливых сердцем человеческих существ";[109] (6) в том факте, что национальная потребность в неограниченном богатстве, как учил Платон, теперь признается, всегда была самой плодотворной причиной международных разногласий; (7) в том факте, который получает все большее признание со стороны современных экономистов и государственных деятелей, что врожденное качество объекта для пользы или вреда должно быть принято во внимание в истинном определении экономического богатства.[110]

ПРОДУКЦИЯ

Платон, похоже, не проявлял особого интереса к проблемам производства. Он был слишком увлечен предложением средств для ограничения чрезмерных приобретений. Тем не менее, он был довольно метким в использовании иллюстраций из промышленной жизни.[111] Он также, по-видимому, был первым, кто дал реальную классификацию профессий,[112] следующим образом: поставщики сырья (πρωτογενὲς εἶδος), изготовители инструментов (ὄργανα), изготовители сосудов для сохранения продуктов (ἀγγεῖα), изготовители транспортных средств (ὄχημα), производители одежды и средств обороны (προβλήματα), работники изящных искусств (παίγνιον), производители продуктов питания (θρέμμα) - довольно обширный каталог для той эпохи; если включить торговлю и ученые профессии. Но некоторые классы пересекаются, поскольку не следуют необходимому принципу деления. Он разделил производительные искусства на кооперативные (συναιτίους), которые предоставляют инструменты для производства, и основные (ἀιτίας), которые производят сами предметы.[113] Далее они были разделены на производительные искусства (ποιητικαί), которые создают нечто новое, и приобретательные (κτητικαί), которые просто приобретают то, что уже существует. К последнему классу он относил всю торговлю, науку и охоту.[114] Платон, таким образом, казалось бы, исключает торговлю и ученые профессии из истинной сферы производства. Однако это очевидно лишь в том случае, если речь идет о законном обмене. Он ясно понимал, что торговец и розничный торговец экономят время других работников,[115] и что они оказывают реальную услугу обществу, поскольку делают необходимый обмен удобным и возможным.[116] Таким образом, он признает их производителями, имеющими ценность времени и места, и его нельзя обвинить в физиократической ошибке, которая отрицает производительность всех работников, кроме тех, кто производит непосредственно из природных ресурсов.[117] Его различие производительных и приобретательных искусств, кроме того, вряд ли можно истолковать как намерение ограничить производство только материальным, хотя обучение отнесено к приобретательному классу. Такое толкование не соответствовало бы всей тенденции его мысли.[118] Его дальнейшая классификация производительных учреждений как творческих (ἕνεκα τοῦ ποιεῖν τι) или превентивных (τοῦ μὴ πάσχειν)[119] подтверждает это, поскольку многие из превентивных учреждений являются интеллектуальными и научными.

Об общем отношении Платона к экономическому производству можно судить по тому, что он настаивал на тщательном применении разделения труда для совершенствования промышленности.[120] Он, очевидно, признавал его необходимой основой всей высшей жизни. Мы видели выше, что одним из главных его возражений против чрезмерного богатства или бедности было то, что они приводили к неэффективности производства.

Сельское хозяйство. Из трех факторов производства - земли, труда и капитала - самым важным, по мнению греческих мыслителей, была земля. Отчасти это объясняется относительной значимостью сельского хозяйства, но в случае с философами главными мотивами, побуждавшими их возвращать своих современников к простой жизни на ферме, были их этическая страсть, представление о необходимости досуга для развития личности и консервативное отношение к промышленности и торговле.[121] Аристократическое чувство, все еще сильное в европейских странах, что земельная собственность является наиболее уважаемой, вероятно, также оказало некоторое влияние, хотя земля не была так явно в руках высших классов в Аттике.

Хотя восхваление сельского хозяйства было характерной чертой греческой литературы всех периодов, вначале оно не было осознанной экономической теорией.[122] Позже, к концу V века, оно стало определенной этико-экономической доктриной философов, как критика своего времени и как призыв к тому, что считалось более здоровой жизнью прежних дней.

Платон не уделяет этой теме столько внимания, сколько Ксенофонт и Аристотель. Однако его точка зрения практически та же, хотя склонность к физиократическим ошибкам не так заметна. Во втором государстве он предписывает, чтобы сельское хозяйство было единственным средством получения денег,[123] и даже вносит современную ноту сохранения в свои указания по уходу за землей, водами, источниками и лесами.[124] В этом вопросе он и другие греческие мыслители хорошо согласуются с экономикой последнего десятилетия с ее настоятельным призывом "Назад к земле", хотя современное слово, конечно, имеет более экономический акцент.

Капитал.- Хотя функция капитала, помимо природных ресурсов, была привычным фактом в афинской жизни пятого и четвертого веков до н.э.,[125] почти не рассматривается теоретиками до Аристотеля. У Платона нет ни определения капитала, ни даже признания факта его существования.[126] Его акцент на добродетели экономии, однако, и критика тех, кто тратит "накопленное богатство", подразумевают идею, что богатство должно использоваться не только для удовольствия, но и для продуктивных целей.[127] Его строгие требования к процентам показывают, что он лишь в малой степени оценивает производительную функцию денег-капитала.[128]

Труд и промышленность.- С другой стороны, Платон обладает значительным пониманием роли труда в производстве. Конечно, он разделяет с другими философами определенное предубеждение против ручного труда как унизительного для свободных людей.[129] Механические искусства вызывают порицание.[130] Свободные граждане не должны быть обременены столь неблагородными занятиями,[131] и любой человек, нарушающий это правило, должен лишиться своих гражданских прав, пока не откажется от своего ремесла.[132] Только сельское хозяйство должно быть открыто для них, и только столько, сколько не заставит их пренебречь своим высшим благосостоянием.[133] Однако этот предрассудок в некоторых отрывках Платона был прочитан с помощью принудительного толкования. Утверждение Сократа[134] о том, что ремесленники не обладают воздержанностью (σωφροσύνη), поскольку занимаются чужими делами, сделано лишь для того, чтобы втянуть Крития в спор. Утверждение, что все искусства, имеющие своей функцией заботу о теле, рабские,[135] не обязательно подразумевает предубеждение против физического труда. Такие искусства, по мнению Платона, рабские, потому что у них нет определенного принципа служения, как у гимнастики. Он просто иллюстрирует мысль о том, что это низкий тип государственного деятеля, который работает без определенного принципа ради высшего политического благополучия. Мысль, высказанная в *Политике*,[136] , что массы (πλῆθος) не могут овладеть политической наукой, является критикой неподготовленного

государственного управления, а не труда. Действительно, Платон утверждает то же самое в отношении богатых.[137]

Кроме того, следует обратить внимание на следующие факты: что предубеждение Платона против ручных искусств ограничивается главным образом *"Законами"*; что даже там его предубеждение в основном направлено против розничной торговли, а не против промышленности;[138] что в той мере, в какой реальная враждебность существует, ее истинный источник не в оппозиции к труду или промышленности *как таковым*, а скорее в политическом убеждении, что только когда у граждан есть досуг для политики, подготовленные государственные деятели могут занять место поверхностных политиков,[139] и в моральном чувстве, что постоянная преданность только физическим потребностям жизни заставляет людей пренебрегать главной целью их существования.[140]

Современные ученые, как правило, придерживаются крайностей в интерпретации Платона по этому вопросу.[141] Часто встречаются такие необоснованные обобщения, как, например, следующие: "Il ne découvre dans les professions qui tendent au lucre qu'égoisme, bassesse d'esprit, dégradation des sentiments." "Platon et Aristote voient dans le commerce et dans l'industrie deux plaies de la société; ils voudraient les extirper à'fond, si cela était possible." Одно из худших искажений совершил Рошер, выводя из *Республики* (372 и далее.), что Платон "das Leben der Gewerbetreibenden als ein Leben thierischen Behaglichkeit schildert, sie wohl mit Schweinen vergleicht." Такие нелепости, к сожалению, не редки, хотя их можно избежать при внимательном чтении, даже в переводе.[144]

Не следует также упускать из виду, что высказывания Платона о труде отнюдь не все негативны. Квалифицированный труд признается в нескольких небольших диалогах как удовлетворяющий реальную потребность цивилизации. Труженики представлены как причастные к знанию и добродетели,[145] и признаются необходимой основой всего человеческого благополучия.[146] Положительный интерес к труду и правильному развитию искусств Платон проявляет и в *"Республике"*, и в *"Законах*". Он постоянно подчеркивает необходимость того, чтобы каждый занимался своим делом и делал его хорошо, и, по его мнению, счастье состоит именно в этом, а не в безделье.[147] Действительно, чтобы каждый хорошо выполнял то дело, для которого его предназначила природа, - это и есть определение справедливости.[148] Неряшливый богач - паразит и трутень, болезнь государства. Это любимая фигура Платона как в *"Республике"*, так и в *"Законах"*, фигура, напоминающая Гесиода, первопроходца в борьбе за труд.[149] Он даже готов признать, что в конце концов не вид труда, а характер работника облагораживает или унижает любую работу.[150] В общем, его отношение к механическим искусствам схоже с отношением Рёскина, который также считает ручной труд унизительным.[151] Но, как и в случае с Платоном, главный секрет его предубеждения кроется в том, что рабочие обычно делают свою работу механически, без размышлений. Он считает, что "рабочие должны часто думать, а думающие - часто работать". На этом основании он готов классифицировать весь труд как либеральный, единственное различие - в количестве требуемых навыков.[152] Однако, в согласии с идеей Платона, он поставил бы самых грубых и наименее интеллектуальных на самую грубую работу, и это, по его мнению, было бы для них "лучшей из благотворительностей".[153] Вместе с Платоном он также убежден, что в реальных условиях труда деградации очень трудно избежать, и поэтому он сделал бы акцент главным образом на сельскохозяйственном труде, где воспитание головы и рук осуществляется более полно.[154]

Однако именно в том, что Платон постоянно настаивает на принципе разделения труда как предпосылке любого успеха в механических искусствах или где-либо еще, он обнаруживает

понимание и интерес к производительному труду. Это основная идея *"Республики"*. Она также является одним из главных положений "*Законов"*, где ее прямое применение к ремесленнику является явным свидетельством того, что он осознает экономическое значение этого принципа.[155] Для него это основа всего человеческого развития. Общество находит свой источник во взаимной нужде (ἡ ἡμετέρα χρεία). Человек не самодостаточен (αὐτάρκης). Взаимовыручка необходима даже в самом примитивном состоянии.[156] Из этой необходимой зависимости возникает разделение труда, благотворный закон, "поскольку продукт больше, лучше и легче производится, когда один человек бросает все другие дела и занимается одним делом, соответствующим его природе и в подходящее время"

Основание этого закона Платон находит в факте разнообразия натур, которые подходят людям для разных задач.[158] В этом он отличается от Адама Смита, который считает, что различия природных талантов у людей гораздо меньше, чем принято считать. Источником специализации Смит считает склонность к бартеру, которая, в свою очередь, основана на взаимозависимости людей. Таким образом, он считает, что различия в человеческой природе являются скорее следствием, чем причиной разделения труда.[159] Платон, однако, вероятно, ближе к истине, поскольку сама причина взаимозависимости заключается в разнообразии природы.[160]

Преимуществ специализации, по мнению Платона,[161] четыре, как уже говорилось выше. Она позволяет выполнять больше работы с большей легкостью, более умело и в нужное время. Второе и четвертое не упоминаются Адамом Смитом, но он отмечает рост благосостояния всех людей и развитие изобретательского гения. Он также замечает, что разделение труда вызывает рост капитала, а это, в свою очередь, увеличивает специализацию.[162] Конечно, Платон не мог оценить такой важный факт, как влияние разделения труда на развитие изобретательского гения, поскольку он жил до эпохи машин.

Платон также является предтечей Адама Смита в его признании того факта, что разделение труда зависит для своего развития от значительного увеличения размера и сложности государства.[163] Это означает умножение ремесел, развитие промышленности,[164] появление розничного торговца (κάπηλος),[165] и изобретение денег как средства обмена.[166] Признается также необходимость разделения труда между государствами. Невозможно основать город, который не будет нуждаться в импорте (ἐπεισαγωγίμων). Поэтому возникает международная торговля, а вместе с ней рождаются купечество (ἔμπορος) и класс моряков, а также все те, кто занят трудом в перевозках.[167] Таким образом, Платон, идеалист и признанный враг торговли и промышленности, развивает их непосредственно из основного принципа своей *Республики*. Он признает необходимость полноценной промышленности и торговли для существования даже примитивного государства, и его враждебность к ним фактически направлена только против того, что он называет их неестественным использованием.[168] Более того, по его мнению, одной из функций разделения труда должно быть ограничение его выполнением соответствующих задач и предотвращение его вырождения в простое приспособление для зарабатывания денег. Оно также должно привести к ограничению таких профессий для менее способных классов, поскольку правители должны быть ремесленниками свободы.[169]

Мы слишком далеко зашли бы, чтобы обсуждать разнообразные способы, которыми Платон использует свой принцип. Однако мы можем мимоходом заметить, что он применяет его к войне, в своей интересной критике гражданина-солдата;[170] к более тонким искусствам, даже когда они весьма похожи друг на друга;[171] к политике, как отмечалось выше; к справедливости и нравственной жизни в целом;[172] и интеллектуальной жизни, в своей резкой критике поверхностной разносторонности и дилетантства современной афинской

демократии, которая доверяет управление государством любому некомпетентному человеку, утверждает, что может подражать всем, и делает многоликого софиста (πολλαπλοῦς) человеком времени.[173] Хотя он начинает с разработки принципа как экономического факта, его интересует он в первую очередь как моральная и интеллектуальная максима. Тот факт, что сапожник держится до последнего, является лишь символом (εἴδωλον) справедливости.[174] Тем не менее Платон в значительной степени оценивает экономические аспекты закона, и его обсуждение отличается научностью и полнотой.[175] Иногда он доводит его применение до крайности, хотя такие случаи, возможно, подразумеваются в игривом сократовском духе.[176] По крайней мере, как и Рёскин, он понимает, что крайняя специализация должна порождать узких и односторонних людей и что прогресс восстает против ее слишком жесткого применения.[177] Он также осознает, что разделение труда разрушается в случае с бедными безработными государства, поскольку у них нет специальной работы.[178]

РАБСТВО

Платон не слеп к этическим аспектам проблемы рабства. В его первом здоровом государстве (ὑγιείνη) рабство и война явно отсутствуют, из чего можно сделать естественный вывод, что автор считал их необходимым злом более сложного государства.[179] Он осознает опасность абсолютной власти, даже в частной жизни, и считает, что немногие люди могут выдержать такое напряжение.[180] Он представляет себе человеческую природу как единство, которое не поддается абсолютному разделению на отдельные классы.[181] Хотя он не отказывается от рабства в *Республике*, он ограничил бы его варварами и теми, кто кажется непригодным для высшей жизни.[182] Оно играет удивительно малую роль в его первом государстве, и кажется, что его идеализм борется здесь с тем, что он чувствует как экономическую необходимость. В *"Законах*" он откровенно признает эту необходимость и отдает в руки рабов даже сельское хозяйство, равно как и другие отрасли промышленности.[183] Однако обращаться с ними следует не как с животными, а как с разумными людьми, в которых правильное использование может развить определенную степень нравственности и стремление к хорошей работе.[184] Конечно, его цель скорее экономическая, чем этическая - сделать рабов довольными своей участью, а значит, лучшими производителями.[185] Он не упоминает о свободе как награде за хорошее поведение, хотя в других местах предусматривает существование вольноотпущенников в государстве и оговаривает, что они не должны становиться богаче своих бывших хозяев.[186]

ДЕНЬГИ

Как Платон первым из дошедших до нас греческих мыслителей понял принцип разделения труда, так и он первым дал хоть какой-то намек на происхождение денег. Он утверждает, что они появились благодаря росту необходимого обмена, который, в свою очередь, стал результатом усиления разделения труда.[187]

Функцию денег он определяет несколько неопределенно, используя термин "знак обмена", выражение, напоминающее определение Рёскина "билет или знак права на товар". Кажется, это подразумевает, что деньги сами по себе не являются товаром, которым торгуют. В "Законах" он более четко определяет функции этого символа. Он выступает как средство обмена и как мера стоимости.[190] Последняя функция выполняется благодаря тому, что деньги являются общим знаменателем стоимости, превращая товары из несоизмеримых (ἀσύμμετρον) и неравномерных (ἀνώμαλον) в соизмеримые и равномерные.[191]

Поскольку Платон не считал деньги товаром, который можно купить и продать, и не оценивал их производительную функцию как представительского капитала, его теория процента была поверхностной. Его отношение к нему было примерно таким же, как у многих современных людей к спекуляциям фьючерсами на фондовом рынке, как к практике, противоречащей общественным интересам и политике. Применение термина τόκος к процентам Платоном[192] и Аристотелем, как будто проценты - это прямое дитя денег, вероятно, является лишь каламбурной этимологией и не имеет серьезного смысла. Поэтому ее вряд ли можно использовать, как это часто делают, для доказательства поверхностности теории Сократа. Платон, однако, не допускал ни ростовщичества,[193] ни вообще никакого займа или кредита, кроме дружеского.[194] Такие договоры должны заключаться на собственный риск заемщика,[195] и считаться законными только в качестве наказания за нарушение других договоров.[196] Он называет ростовщика пчелой, которая вставляет свое жало - деньги - в своих жертв, тем самым умоляя их и обогащаясь сама.[197]

Подобные требования к процентам были распространены в средневековой Европе, вновь появились у Рёскина,[198] и подразумеваются в современной оппозиции некоторых кругов к так называемым "нетрудовым доходам". Мотив в средневековые времена, однако, был отчетливо религиозным, а также отчасти объяснялся отсутствием развитого капитализма. У Рёскина и современных теоретиков, напротив, возражение в основе своей социалистическое. Мотив Сократа был в основном морально-политическим.

Другая ошибка Платона в отношении денег, как уже отмечалось выше, заключалась в том, что они не должны обладать внутренней ценностью для использования в быту. Он считал золото и серебро причиной вырождения государства и личности,[200] и поэтому наложил бы запрет на их использование внутри государства.[201] По его мнению, для придания валюте ценности было достаточно простого государственного фиата.[202] Эта доктрина также часто повторялась в истории экономической мысли, как, например, у Рёскина и партии гринбеков поколения назад.[203] Однако в случае Платона ошибка была не столь серьезной, поскольку он, по крайней мере, признавал необходимость драгоценных металлов для международных целей.[204] Кроме того, в предложенном им государстве столь ограниченного масштаба проблема была бы гораздо проще, и он смог бы провести различие между реальными условиями и возможностями в Греции и своим, по общему признанию, более или менее утопическим идеалом.

ОБМЕН

Обмен в греческой экономике занимал очень незначительное место по сравнению с его доминирующим значением в современной теории. Он обсуждался в основном в негативном ключе, как объект моральных и аристократических предрассудков греческих мыслителей. Однако мы находим некоторое понимание ее истинного места в экономической жизни государства. Платон разделяет торговлю, ἀλλαγή или ἀγοραστική, на αὐτοπωλική, которая продает свои собственные продукты, αὐτουργῶν, и μεταβλητική, которая обменивает продукты других. Далее он делит последнюю на καπηλική, обмен внутри государства, который он называет половиной всего обмена , и ἐμπορική, внешнюю торговлю.[205] Он находит ее происхождение в разделении труда и во взаимозависимости людей и государств.[206] Он понимает необходимость взаимного отношения как в международном, так и в частном обмене, и, таким образом, имеет более ясное представление, чем меркантилисты и некоторые современные государственные деятели. Государство должно создавать излишки своих товаров, чтобы снабжать ими другое государство, от которого оно ожидает удовлетворения своих собственных потребностей.[207]

Поскольку тарифы на импорт играли незначительную роль в жизни греков, за исключением тех случаев, когда они вводились в сумилитарных или военных целях,[208] недоуменная современная проблема защитного тарифа едва ли попала в поле зрения греческих мыслителей. Платон запретил бы ввоз некоторых предметов роскоши в качестве моральной гарантии. Он делит товары на первичные и вторичные и не разрешает ввозить последние.[209] В других местах, однако, он законодательно запрещает взимать пошлины как на импорт, так и на экспорт, хотя и не осознает значения своего предложения.[210]

Он понимал, какую функцию выполняет обмен в обществе. Он выполнял очень важную функцию, являясь посредником между производителем и потребителем.[211] Как и деньги, он служил для уравнивания стоимостей и таким образом помогал удовлетворять потребности.[212] Если ограничиться этой основной функцией, он был выгоден обеим сторонам обмена,[213] и тогда купцы и розничные торговцы принимали реальное участие в производстве ценностей.[214]

Слишком часто делается огульное утверждение, что греческий народ был враждебен торговле, и поэтому его теоретики были особенно против нее. Мы уже видели, насколько ложной является эта идея в отношении самих греков,[215] но она также нуждается в значительной оговорке в случае их писателей. Их враждебность направлена в первую очередь против мелкой розничной торговли (καπηλική), а не против обширных операций купца (ἔμπορος). Но и в этом случае их оппозиция не является полностью неизбирательной. Мы видели, что Платон ясно понимает необходимость обмена для жизни государства.[216] Он признает, что даже розничная торговля не обязательно является злом.[217] Главная причина, по которой она кажется таковой, заключается в том, что она дает свободную возможность для вульгарной жадности к неограниченной прибыли, которая является врожденной в человеке.[218] Если бы самые благородные граждане, руководствующиеся рациональными интересами, стали розничными торговцами и трактирщиками, это дело вскоре стало бы почетным.[219]

Платон, однако, ограничивает обмен его основной функцией, как она определена выше.[220] Как и Рёскин, он считает, что, когда обмен преследует лишь частную выгоду, он становится источником деградации личности и государства. Тогда оно сродни мошенническим или поддельным занятиям (κιβδήλοις).[221] Розничными торговцами в упорядоченных государствах обычно становятся самые слабые люди, которые не в состоянии выполнять другую работу.[222] Правители в *Республике* должны полностью освободить себя от пут торговли, чтобы не стать волками вместо пастухов,[223] , хотя Платон рассматривает здесь очень реальную проблему, которая до сих пор стоит перед нами, - как предотвратить взяточничество среди государственных служащих.[224] В *"Законах"* розничная торговля полностью запрещена гражданам[225] и разрешена только митикам и чужестранцам[226] и, более того, только тем, чья коррупция нанесет наименьший ущерб государству.[227] Этим чужеземцам не должно быть позволено приобретать чрезмерное богатство,[228] и они должны покинуть государство после двадцати лет проживания со всем своим имуществом.[229] Розничная торговля, даже в их руках, должна быть строго ограничена требованиями государства,[230] и ограничена рыночной площадью ради публичности.[231] Весь обмен должен быть честным, торговля должна вестись неиспорченными товарами (ἀκίβδηλον).[232] Не должно быть никаких пререканий по поводу продаж, но только одна цена должна устанавливаться на товары каждый день. Если она не принимается, товар должен быть снят с продажи до следующего дня.[233] Если возможно, исполнители законов должны стараться установить справедливый порядок цен, допускающий умеренную прибыль, и следить за тем, чтобы это соблюдалось розничными торговцами.[234] В качестве кульминации всех этих мер предосторожности

Платон хотел бы, чтобы правители позаботились о том, чтобы придумать средства, позволяющие розничной торговле не вырождаться в безудержное бесстыдство и душевную подлость.[235] При таких ограничениях он питает слабую надежду, что розничная торговля может быть освобождена от своего клейма, чтобы принести наименьший вред тем, кто ею занимается, и пользу всему государству.[236]

Нет нужды замечать, что такое отношение Платона к торговле и коммерции чуждо духу экономического прогресса и что ни одна передовая цивилизация не может развиваться на такой основе. Его обильное законодательство, как уже говорилось выше, также поражает современника наивностью и дальновидностью.[237] Никто, однако, не осознает этого в большей степени, чем сам Платон. Его следует оценивать не в духе жесткого буквализма, а с помощью сочувственной критики, которая пытается понять психологические причины его позиции. Его предложения предлагаются не как схема для реального законодательства,[238] , а скорее в духе моралиста, который, замечая, что почти неизбежное зло сопровождает розничную торговлю и коммерцию при такой природе человека, как она есть, и что коммерция, слуга человека, стала его господином, видит почти единственную надежду на спасение в ее ограничении до того, что едва ли необходимо. Вековую проблему алчного коммерциализма, который не замечает привлекательности всех других товаров, когда на карту поставлена прибыль, Платон, конечно, видел ясно и очертил рукой мастера. Эта проблема стоит перед нами до сих пор, в еще более острой форме, но протесты Платона, Рёскина и Карлайла приносят положительные плоды сегодня, в политической экономии, которая считает своей высшей целью человеческую жизнь в ее лучшем виде.

Но помимо этих общих положений, внимательное изучение мысли Платона об обмене открывает понимание некоторых специфических моментов, представляющих интерес для современной экономики, которые обычно упускаются из виду. Его протест против прежней аксиомы экономики, согласно которой главной целью торговли является прибыль, а сам факт, что товары переходят из рук в руки, обязательно увеличивает богатство страны, в значительной степени верен.[239] Коммерция ради коммерции - это явный случай неправильного выбора средств для достижения цели, что противоречит как здравой экономике, так и этике. Возражения Платона и Рёскина[240] против слишком общепринятого в бизнесе и экономике прошлого принципа, по крайней мере молчаливого, что "функция покупателя - удешевлять, а продавца - обманывать", сегодня признаются заслуживающими внимания.

Беспокойство Платона по поводу влияния ремесел или профессий на характер вполне достойно современного подражания, и это, в значительной степени, экономический, а также моральный вопрос. Циммерн[241] хорошо подметил: "Наше пренебрежение изучением влияния некоторых современных профессий на характер, когда мы постоянно настаиваем, и справедливо, на важности образования, формирующего характер, является одним из самых странных упущений, вызванных влиянием экономики девятнадцатого века".

Как мы уже видели, одной из главных целей Платона в его ограничении торговли было устранение привилегий в правительстве. Хотя его средство не было приемлемым, следует признать его замечательную оценку очень серьезной проблемы, которая все еще стоит перед нами. Более того, до сих пор не было предложено лучшего решения этой проблемы, чем отделение политики от крупного бизнеса. Именно этот принцип лежал в основе его предложения, и он соответствует тенденциям современной государственной политики.

Другим побудительным мотивом Платона в его жестком законодательстве было стремление сделать невозможным развитие крайностей богатства или бедности в государстве. И в этом

случае мы должны отдать ему должное: он ясно осознал проблему, хотя и можем критиковать его попытку ее решения. Сегодняшнее коммерческое процветание значительно обострило ситуацию, а экономика все еще не может предложить удовлетворительного решения. В конце концов, в свете современных тенденций к регулированию промышленности и торговли некоторые идеи Платона кажутся не столько "дедовскими", сколько пророческими и соответствующими здравой экономике. Его законы против продажи фальсифицированных продуктов[242] и в пользу публичности в бизнесе[243] и государственного надзора за ценами[244] имеют поразительно современное звучание.

НАСЕЛЕНИЕ

Проблема народонаселения и снабжения продовольствием, беспокоившая Мальтуса и некоторых других английских экономистов, волновала и греческих мыслителей. Этого следовало ожидать, поскольку общепризнанным фактом является то, что источник поставок зерна всегда был предметом серьезного беспокойства для Афин и многих других греческих городов.[245] Платон четко формулирует проблему и намекает на ее решение, когда говорит, что естественный прирост населения в его государстве не должен превышать экономическую основу для него.[246] В *Законах* он предлагает конкретные средства для сохранения должной численности путем сдерживания слишком продуктивных людей и поощрения противоположных.[247] Если таких общих положений окажется недостаточно, он прибегнет к колонизации.[248] С другой стороны, если население сильно сократится в результате войны или болезни, он даже откроет двери гражданства для нежелательных классов.[249] Его интерес к проблеме населения, однако, в первую очередь моральный и социальный, а не экономический. Более того, в противоположность Мальтусу, он ограничивает свое рассмотрение очень маленьким, искусственно созданным государством. Обладая узким политическим кругозором грека, он считает, что производство *множества* "счастливых сердцем" людей в государстве невозможно.[250]

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Как уже говорилось во Введении, экономический интерес греческих мыслителей был особенно велик в области распределения и потребления. Именно здесь они особенно интересны и наводят на размышления.[251] Однако они очень мало касались важных принципов распределения, сформулированных современными экономистами. Теории нескольких элементов, участвующих в распределении - заработной платы, прибыли и ренты - по большей части отсутствуют.[252]

Проблема распределения также практически не рассматривается с современной точки зрения. Мы тщетно ищем трактовку современного доминирующего вопроса об отношении между капиталом и трудом. Более того, греческие теории распределения в целом не являются порождением чувства человеческой симпатии к бедным и простым рабочим, которое так распространено сегодня. Целью, по-видимому, является скорее защита от нечестности, чем угнетение со стороны одной из договаривающихся сторон.[253] Этот недостаток греческой теории не является странным в эпоху, когда рабы заняли место машин, так что капитал и труд были в значительной степени объединены в них, а большинство свободных рабочих трудились непосредственно на благо общества или на земле.[254] Цель теоретиков, таким образом, заключается в сохранении государства, а не в облегчении положения какого-либо класса граждан.

Платон обсуждает важность правильного распределения богатства в *"Республике"*, но главным для него является тот факт, что чрезмерное богатство или бедность могут поставить под угрозу стабильность государства.[255] Как видно из вышеизложенного, некоторые из его постановлений *в "Законах*" также кажутся современными. Он поручает государственной комиссии устанавливать цены,[256] разрешает государству ограничивать свободу наследования,[257] и, возможно, даже вмешивается в обеспечение справедливой заработной платы.[258] Однако во всем этом доминирующим мотивом является стремление избежать гражданского раздора.

Прежде чем перейти к более широкой теме, теории частной собственности Платона, мы кратко обсудим его отношение к трудящимся классам.[259] Обычно утверждается, что греческие философы мало или совсем не заботились о массах. Однако в обычном понимании это утверждение очень несправедливо, особенно по отношению к Платону. Часто встречаются такие крайние утверждения, как: "Они [массы] вообще не имеют никакого значения". Платон в *"Республике"* "ручается за бесчестье, за наказание, за несчастье, за вечное рабство класса людей". "Für die des Erwerb obliegenden Personen bedarf es keiner Erziehung." "Платон, рассуждая об идеальном государстве, считает, что не стоит заниматься торговыми и ремесленными классами." "Und im übrigen will er sie [the masses], wie es scheint, durchaus sich selbst überlassen."

Конечно, как признавалось выше, интересы греческих мыслителей не были отмечены современным чувством сочувствия к рабочему. Их труды характеризуются определенным аристократическим чувством, и они не подчеркивают ценность и значимость масс. Однако они далеки от того, чтобы быть равнодушными или враждебными по отношению к ним.

Аристотель сам первым выступил с этой ложной критикой Платона.[265] Но автор *"Республики"* предвидел, что его могут неправильно истолковать, и оправдывался за свою неопределенность в деталях идеального государства.[266] Более того, критика Аристотеля не подтверждается изучением *"Республики"*. Платон достаточно ясно дает понять, что его коммунистические правила ограничиваются двумя высшими классами.[267] Неверно также, как утверждает Аристотель,[268] , что в "*Республике*" существует жесткая кастовая система. Заложен прямо противоположный принцип.[269] Миф о трех металлах представляет аристократию, основанную строго на интеллектуальном и моральном совершенстве. Никакие произвольные препятствия не мешают ни деградации, ни возвышению человека из своего класса. Это полностью зависит от обладания золотом характера и менталитета, к которому могут стремиться все. Более того, жизнь так называемой первой касты буквально посвящена наилучшему служению остальным. Если это и есть аристократия, то мы не можем иметь ее слишком много.[270]

Не оправдана и критика Аристотеля, утверждающего, что Платон делает счастье всего государства чем-то отличным от суммы его частей.[271] Он просто излагает универсально верный принцип, согласно которому ни один класс не вправе рассчитывать на счастье за счет всего государства и что в конечном счете процветание каждого связано с процветанием всех. Действительно, он вкладывает в уста Адейманта возражения Аристотеля и Гроте и удовлетворительно отвечает на них в своей иллюстрации раскрашенной статуи.[272] Вряд ли можно найти лучший пример возвышенного идеала Платона, согласно которому каждая часть должна вносить свою долю в пользу, красоту и счастье целого и что благодаря этому сотрудничеству каждый достигает наивысшей степени счастья для себя. Эта доктрина взаимозависимости - основной принцип христианства, которому Иисус и Павел учили в поразительно похожей фигуре тела и его членов[273] , хотя, естественно, платоновская идея братства более узкая по охвату.

Распространенное утверждение, что Платон не уважает ремесленное сословие, необоснованно.[274] Вся *Республика* построена на противоположном принципе, чтобы предотвратить эксплуатацию низших классов высшими; а его сравнение добрых и злых правителей с пастушьими собаками и волками[275] является предвестником знаменитых пассажей Мильтона и Раскина на ту же тему. Все классы граждан в государстве - братья.[276] Правители - спасители (σωτῆρας), союзники, пастухи (ποίμενες), кормильцы (τροφέας), наставники и друзья.[277] Это счастливое единство (ὁμόνοια), или гармония (ξυμφωνία), всех классов является для Платона высшей целью, к которой должен стремиться истинный государственный деятель,[278] и следующим по важности пунктом после коммунизма стражей является правильное регулирование богатства и бедности для ремесленников.[279] Тот факт, что он не считает ремесленников способными к политической независимости, отнюдь не означает, что он безразличен к их социальному или экономическому благосостоянию. Именно для сохранения этого он отдал бы власть в руки наиболее способных[280] и, в любом случае, ремесленники должны быть подчинены не столько внешней силой, сколько своим собственным свободным самоограничением.[281] Это само по себе является достаточным доказательством того, что Платон намеревался включить третье сословие в свою низшую схему образования, что подтверждается и другими отрывками.[282]

Следует признать, что в *"Законах"*, где он, похоже, отчаялся в высоком идеале *республики*, царит несколько иной дух. Он низводит рабочие классы до негражданства. Но и здесь он все еще озабочен тем, чтобы они получили образование, соответствующее их положению,[283] и чтобы к ним была применена справедливость.[284] Он также предусматривает недопущение существования нищих в государстве.[285] Что бы ни говорили о его аристократическом духе, поэтому его нельзя справедливо обвинить в грубом безразличии экономики начала XIX века и современного капитализма к народным массам и публике в их заботе о материальных благах.[286]

КОММУНИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Греческая теория распределения использовалась главным образом в критике института частной собственности и в предложении более или менее коммунистических систем, которые должны были прийти ему на смену. Эта тенденция, однако, не была похожа на современную ни по мотивам, ни по общему типу. Современный социализм ставит перед собой научную цель и стремится построить научную систему на основе экономических законов. Греческий социализм не имел такой цели. Он не претендовал на какое-либо отношение к экономическим законам, а откровенно представлял себя тем, чем он был, - политико-моральным чувством. По ходу дела мы будем замечать и другие моменты различия, но этот основной нельзя упускать из виду, если мы хотим понять дух или смысл греческой социальной теории.

Два соображения делали коммунистические настроения нормальными для греческого демократа. (*a*) Институт частной собственности еще не был так прочно укоренен в основах общества, как сегодня. Обычай семейного владения не был полностью забыт, а в некоторых глубинных районах, возможно, еще сохранялся.[287] В некоторых государствах часть земли, вероятно, все еще находилась в общей собственности граждан. Частое создание на завоеванных территориях клерухий, в которых земля регулярно распределялась по жребию,

и постоянно повторяющиеся революции, которые обычно приводили к конфискации земли в пользу победившей стороны, должно быть, существенно способствовали подрыву уверенности греков в частной собственности как основополагающем институте общества. Фактическое существование такого полиса, как Спарта, где частная собственность, по-видимому, не была столь абсолютной,[288] несомненно, также оказало влияние на воображение греческих мыслителей. (*b*) Как общепризнанно, греки в гораздо большей степени, чем современные, считали само собой разумеющимся подчинение отдельного гражданина государству. Мы также видели, что он был склонен превозносить силу законодательства как достаточную для проведения любых реформ, даже перед лицом экономических законов. Поэтому для него требование сделать государство распорядителем частной собственности не казалось противоестественным.[289] Однако мы должны быть начеку, чтобы не преувеличивать масштабы этих настроений среди греческих писателей и не вчитываться в них в современные социалистические доктрины.

Прежде чем перейти к обсуждению *"Республики"*, можно рассмотреть предшественников Платона в области социальных спекуляций. Некоторые пытаются найти следы коммунизма у Гомера. Однако свидетельств реального коммунизма очень мало, а откровенно индивидуалистический дух поэм говорит против него. Кроме того, эта проблема касается скорее экономических условий, чем теории.[290] О Пифагоре и его школе известно мало, но маловероятно, что он учил или практиковал настоящий коммунизм.[291]

Что касается Гипподама Милетского, то из скудного описания Аристотеля трудно составить четкое представление о его идеальном государстве[292] , но, похоже, оно не было ярко выраженным социалистическим. Он делит своих десять тысяч граждан на ремесленников, земледельцев и солдат.[293] Он проводит соответствующее тройное деление земли - священной, для обеспечения расходов на культ; общественной, для содержания солдат; частной, для владения и обработки земледельцами.[294] Таким образом, только земледельцы должны владеть землей, а вопрос о том, кто должен обрабатывать землю для военного сословия, остается в неясности.[295] Кажется вероятным, что Гипподамас предполагал, что земледельцы должны обрабатывать всю землю и владеть одной третью ее части для своего собственного содержания. Его система содержит некоторые коммунистические элементы, например, тот факт, что две трети земли являются общественными, но она определенно не является социалистической по духу и целям. Главным интересом Гипподама, скорее всего, была не система вытеснения частной собственности, а план гарантированной поддержки жреческого и военного сословий.[296]

Фалей Халкидонский, по описанию Аристотеля, гораздо ближе к современной социалистической идее.[297] Аристотель причисляет его к тем мыслителям, которые делают главный акцент на правильной системе собственности как необходимой основе гражданского мира.[298] Его главный постулат - равенство имущества и образования для всех граждан,[299] но, похоже, он указал только земельную собственность.[300] Это требование, хотя в него включена только земельная собственность, кажется, звучит по-настоящему современно социалистически. Но нигде лучше, чем здесь, мы не можем увидеть пропасть, разделяющую древний и современный социализм. Фалеас не интересуется массами. Все ремесленники должны быть общественными рабами.[301] Его интересуют скорее классы, и даже не столько они, сколько само государство . Основополагающим мотивом всей его системы является предотвращение гражданского раздора в государстве.[302]

Идеальное государство из *"Республики"* Платона часто представляется социалистами и другими современными авторами как великий прототип всей социалистической доктрины. Мы должны рассмотреть, насколько оправдана такая точка зрения. В своем знаменитом

мифе о трех металлах Платон делит своих граждан на три класса - правителей, помощников, земледельцев и ремесленников.[303] Его заветная цель здесь, как и во всей *Республике*, - обеспечить наивысшую степень счастья для всех граждан.[304] Для достижения этой цели он предусматривает самую основательную систему коммунизма, включающую всю собственность, как производственную, так и потребительскую, за исключением той, которая необходима для удовлетворения насущных потребностей.[305] Он распространяет ее даже на общее владение женами и детьми,[306] чтобы все частные интересы были сведены к минимуму.[307] Далее он предусматривает общий труд[308] и образование[309] для мужчин и женщин.

Такова, вкратце, система, предложенная в *"Республике"*.[310] При поверхностном рассмотрении кажется, что она является родителем современного социализма и коммунизма. Однако на самом деле между ними существует лишь незначительное сходство. Так называемый коммунизм Платона распространяется только на первые два класса, к которым можно отнести лишь незначительное меньшинство граждан.[311] Таким образом, массы, с которыми современный социализм имеет особое дело, его система напрямую не затрагивает. Опять же, основной мотив платоновского коммунизма - вовсе не современный мотив. Его мысль не в том, чтобы обеспечить справедливую долю для всех в продуктах промышленности. Хотя он признает важность защиты от зла крайностей богатства и бедности,[312] мотивом является не материальный интерес какого-либо класса. Это интенсивное стремление к единству и избавлению от гражданских распрей в государстве,[313] к защите от поборов, коррупции и тирании правителей,[314] и к обеспечению как можно более эффективной работы.[315] Как и Рёскин, Платон не демократ. Равенство не входит в круг его мыслей.[316] В отличие от многих современных социалистов, он понимает, что абсолютное арифметическое равенство невозможно, а если бы оно было достигнуто, это было бы величайшей несправедливостью. Он знает, что истинное равенство должно быть пропорциональным, требуя не того, чтобы каждый получал ровно столько же, а того, чтобы каждый получал свое.[317] Его третий класс, составляющий значительное большинство граждан, практически лишен политической активности, что заметно контрастирует с современным социал-демократическим духом. Его акцент - не экономический и материальный, как у современного социализма, а политический и моральный.[318]

В целом *"Республика"* содержит некоторые социалистические элементы. Платон ограничивает свободу индивида, чтобы она служила интересам целого,[319] его склонность превозносить силу закона перед лицом экономических принципов и человеческой природы,[320] его интерес к благосостоянию простых людей, его декларация против неравенства состояния, его отрицание права частной собственности для высших классов, и его предложение общины жен и детей, мера слишком радикальная для лучшего типа современного социализма,[321] все это кажется социалистическим в тенденции.

Однако тенденция к возвеличиванию власти закона и подчинение индивида государственным интересам были характерны для греческой цивилизации, а не для платоновской или социалистической. Его интерес к благосостоянию масс, как мы видели, не был в первую очередь экономическим, а имел своим скрытым мотивом сохранение мира в государстве. Его отрицание частной собственности и семейных интересов стражей, его неприятие крайнего богатства или бедности были, как мы видели выше, лишены социалистических мотивов. Более того, в своей враждебности к розничной торговле он не руководствовался современным социалистическим требованием непосредственного контакта между производителем и потребителем. Условия, вызывающие такое требование, тогда не существовали,[322] как и современная агитация за правильное распределение

прибыли от промышленности. Прежде всего, Платон не претендовал на экономическое обоснование своего коммунизма, а представлял его как моральный и политический идеал. Поэтому *"Республику"* нельзя отнести к подлинно социалистическим произведениям ни по мотивам, ни по общему плану.[323]

В любом случае, нет ничего общего между высоким моральным идеализмом так называемого коммунизма Платона и грубым материалистическим коммунизмом, который является предметом сатиры Аристофана в *"Экклезиазах"*. Дитцель[324] хорошо указал, что последний крайне индивидуалистичен, атеистичен и аморален, требуя от государства всего и без отдачи; *Республика* же, напротив, требует высочайшей морали и отречения, и является прямым протестом против таких тенденций в Афинах, на которые нападает комический поэт. Как он показывает, эти два понятия так же далеки друг от друга, как и слова "Все для себя" и "Все для всех".

Однако идея Платона о том, что общество - это точный аналог индивида в большом, вполне аналогична современному сравнению общества с организмом.[325] Оба они не правы, пытаясь задвинуть аналогию слишком далеко, но в них содержится истина глубокой важности, которая лежит в основе заметного изменения духа экономики в последние годы. Это понятие солидарности, которое требует, чтобы индивид больше не искал содержание своего бытия только в себе, но и в условиях, обеспечивающих наивысшую жизнь для всего общества.

В *"Законах*" Платон неохотно отказывается от некоторых утопических предложений *"Республики"* в пользу более практичного законодательства,[326] хотя его идеал в действительности остается неизменным. Коммунизм собственности и семьи отвергается даже для правителей, как возможный только для сверхъестественного порядка существ.[327] Как благородный идеал, однако, он все еще витает перед ним.[328] Частная собственность разрешена гражданам,[329] но под протестом, и если это осуществимо, Платон хотел бы запретить ее, как основной корень всех социальных беспорядков и коррупции.[330] Поэтому он выступал бы за возвращение к старому режиму семейного владения, в какой-то мере по образцу спартанской системы.[331] Он бы и это ограничил так, чтобы это вообще не было настоящей собственностью. Земля должна быть практически государственной собственностью, над которой граждане осуществляют лишь право пользования.[332] Она должна быть разделена на участки равной стоимости, в точности соответствующие числу граждан.[333] Естественные недостатки должны компенсироваться увеличением размера участка, и часть каждого надела должна находиться вблизи, а часть - в отдалении от города, чтобы все были в равных условиях, и одинаково готовы к защите от вторжения.[334] Чтобы ни один гражданин не мог потерять свой участок и ни один человек не мог владеть более чем одним, рекомендуется установить очень строгие правила.[335] Ни один участок не может быть куплен или продан,[336] конфискован,[337] или разделен по завещанию более чем одному наследнику,[338] и ни один гражданин, каким бы то ни было образом, не может стать владельцем более чем одного участка.[339] Проживание остальных членов семьи обеспечивается положением об общем распределении продукта земли, в подражание критскому закону.[340] Годовой продукт зерна и скота должен быть разделен на три равные части, одна для граждан, одна для их слуг, одна для ремесленников, мериков и чужестранцев. Первые две части не подлежат продаже, но каждый глава семьи должен получать от них столько, чтобы прокормить свою семью и рабов.

Из всех этих предписаний видно, что граждане Платона не владеют своими участками, а лишь пользуются ими от государства на определенных условиях. Одной рукой он отбирает то, что дает другой. При такой системе все его меры предосторожности не смогли бы

предотвратить рост еще более угнетающей бедности, если бы не удалось остановить рост населения.

Правила, ограничивающие приобретение или владение личной собственностью, еще более строги, хотя здесь не ставится задача достижения абсолютного равенства. Однако он стремится предотвратить рост неравенства состояний на самом пороге, затрудняя или даже делая невозможным для граждан неправомерное приобретение. Для них практически закрыты все денежные занятия[341] - торговля,[342] механические искусства,[343] и даже сельское хозяйство, насколько это касается их личного труда. Последнее передается рабам,[344] искусства и торговля - иностранцам, со строгими ограничениями, которые должны соблюдаться чиновниками рынка.[345] Как видно из вышеизложенного, две трети сельскохозяйственных продуктов не подлежат коммерческим сделкам.[346] Ссуда денег под проценты запрещена, и тот, кто ослушается, рискует потерять и основную сумму, и проценты.[347] Для повседневного использования частными гражданами предусмотрена крупная монета из более дешевого металла, такая, которая не пройдет ток в другой стране.[348] Не следует давать или получать приданое,[349] и не должно быть никакого накопительства, но вся продукция лотов должна ежегодно распределяться для потребления среди всего населения государства.[350] Чтобы гарантировать гарантию вдвойне, Платон запрещает своим гражданам владеть личной собственностью, превышающей четырехкратную стоимость лота,[351] или четыре мины.[352] Любая сумма сверх этого должна быть передана государству под страхом сурового штрафа за неповиновение.[353] Это должно быть достигнуто путем постановления, что все имущество, кроме лота, должно быть публично зарегистрировано, и невыполнение этого обязательства влечет за собой потерю всего, кроме первоначального лота, и общественный позор.[354]

При столь резком ограничении прав собственности Платон руководствуется главным мотивом - сделать невозможным чрезмерное богатство или бедность,[355] и гармонизировать гражданство, сведя все неравенства к минимуму.[356] Этого он намерен достичь не только с помощью вышеупомянутых ограничений, но и посредством общего образования,[357] и института *сусситии*.[358] Он делает путь к сравнительному равенству более легким, чем в своем первом государстве, выводя все третье сословие, ремесленников, купцов и земледельцев, за рамки гражданства.[359] Фактическая разница, однако, не так велика, как может показаться. В *Республике* существует равенство в высшем сословии, в то время как в *Законах* - сравнительное равенство среди граждан, составляющих только высшее сословие. Ни в том, ни в другом случае нет реального равенства во всем государстве. Платон хорошо понимает, что можно достичь лишь приблизительного равенства и что различия не только в имуществе, но и в рождении, добродетели, силе и красоте неизбежны.[360] Поэтому он установил бы налоги и раздачи в одинаковом соотношении, чтобы избежать недовольства и споров.[361] Трудности, связанные с такой схемой законодательства, он устранил бы, начав новое государство на девственной земле.[362]

Souchon[363] признает Платона из *"Законов*" настоящим социалистом и указывает на его попытку предотвратить любое неравенство и на его крайнее государственное вмешательство как на характерные элементы социализма. Платон, безусловно, приближается к настоящему социализму в *"Законах"*, а не в *"Республике"*. В дополнение к пунктам, отмеченным Сушоном, можно отметить применение системы равенства ко всему гражданству, хотя и ценой отгораживания от всех работников; сильное чувство социальной функции собственности;[364] практическое отрицание реальной частной собственности на землю; требование публичности в бизнесе, которое является одним из главных предложений по регулированию корпораций сегодня;[365] активный интерес к сохранению природных ресурсов, который, хотя

и не является социалистическим, лежит в направлении большего социального контроля;[366] и тот факт, что распределение продуктов промышленности становится практически функцией государства. Требование равенства и единства также в некоторой степени аналогично современной социалистической враждебности к конкуренции, которую Рёскин называет "законом смерти". Можно также добавить, что описание Платоном экономических противоречий его времени несколько напоминает критику капитализма современным социализмом.[369] Однако основной мотив Платона, опять же, не тот, что у современного социализма. Его цель по-прежнему в первую очередь морально-политическая, а не материальная,[370] и он проявляет меньше интереса к благосостоянию трудящихся, чем в *"Республике"*.[371] Более того, его требование равенства продиктовано точно такими же мотивами, что и в *Республике*, - не для того, чтобы улучшить положение рабочего, которого он низвел до рабства, а чтобы избежать ненавистного гражданского раздора (διάστασις) и сохранить единство государства.[372] Равенство также ни в коем случае не аналогично тому, к которому стремится современный социализм, поскольку, как видно из вышеизложенного, это всего лишь равенство внутри класса, состоящего из аристократического меньшинства государства, и совершенно не касается трудящихся масс.[373] В общем, хотя в *"Законах"*, возможно, и достаточно истинно социалистических элементов, чтобы оправдать классификацию Сушона, но если бы платоновский идеал был реализован, он был бы в основном восстановлением старого экономического режима в Греции, основанного на сельском хозяйстве и семейном владении собственностью. Такой идеал современные социалисты, несомненно, не признают как имеющий много общего с их собственным.[374]

ГЛАВА IV
КСЕНОФОН

Ксенофонт был человеком дела, чьи интересы затрагивали практическую жизнь мира со многих сторон, о чем свидетельствует широкий круг его сохранившихся произведений. Однако он также был учеником Сократа. Поэтому в своей экономической мысли он колеблется между позитивным интересом экономиста-практика и негативной критикой Сократа.[375] В целом его практическая направленность преобладает, и особенно ярко она проявляется в его сочинении *"Доходы Афин"*,[376] , а также в том, что он был первым писателем, создавшим работу, полностью посвященную экономике.[377] Дух философа-моралиста, с другой стороны, заметен везде, где чувствуется влияние Сократа, как в первых главах *Economicus* и в *Memorabilia*. Когда доминирует сократовский идеал, он, как и другие греческие мыслители, путает экономику с этикой, а частное хозяйство с государственным.[378] Он сводит экономическую науку к управлению частными владениями,[379] и вместе с Платоном и Рёскином считает, что для успешного ведения дел дома или государства необходимы одни и те же качества.[380]

ЦЕННОСТЬ

Ксенофонт решительно настаивает на полезности или пригодности к эксплуатации как необходимом качестве имущества (χρήματα, κτήματα). Под этим, однако, он понимает прежде всего не потенциальную полезность предмета, а способность владельца правильно

его использовать.[381] Даже возможность обмена не обеспечивает ценности чего-либо, если продавец не может использовать с выгодой то, что он получает взамен.[382] Эта идея ценности достаточно верна с этической точки зрения, и ее не следует оставлять без внимания, как это признают современные экономисты. Но попытка построить на этом основании теорию экономической ценности, как это делает Рёскин,[383] приведет к безнадежной путанице. Ценность - это не только индивидуальный и моральный, но и социальный и экономический факт.

Намек на меновую стоимость содержится в подразумеваемой классификации товаров как пригодных для использования или продажи.[384] Но здесь нет дискриминации между полезными вещами в экономическом и неэкономическом смысле. С другой стороны, в *"Доходах*", свободных от влияния Сократа, Ксенофонт вносит позитивный вклад в теорию стоимости. Он отмечает, что меновая стоимость товаров зависит от спроса и предложения и что этот закон в некотором смысле является саморегулирующимся благодаря тому факту, что рабочие стремятся уйти в другие сферы деятельности, когда какая-либо отрасль становится убыточной из-за избыточного предложения ее продукции.[385]

БОГАТСТВО

Двойная позиция Ксенофонта хорошо видна в его учении о богатстве. С одной стороны, он высоко ценит его и пытается вывести практические правила для его увеличения и наслаждения.[386] С другой стороны, подобно Сократу и Платону, он проводит уничижительные сравнения между экономическим и духовным богатством.[387] Как и в случае с ценностью, он не предлагает четкого определения экономического богатства (κτῆσις). Оно определяется без разбора как "все, что полезно для жизни", а "полезное" - это "все, чем кто-либо умеет пользоваться". Но, как видно выше, это чисто субъективное понятие, и оно является лишь одним из элементов экономического богатства.[389] Он также определяет его (χρήματα) как "избыток благ над потребностями", делая его просто относительным термином:[390] но здесь снова мысль скорее этическая, чем экономическая, попытка научить несколько аскетическому принципу, что богатство человека измеряется скудостью его желаний.[391] Враждебное или безразличное отношение к богатству предполагается также в сравнении его с так называемым умственным богатством и мудростью[392] и в намеке на то, что оно связано со многими заботами.[393] Однако столь заметная у Платона мысль о том, что приобретение или трата большого богатства не соответствует справедливости, не подчеркивается Ксенофонтом. Он называет счастливейшим того, кто преуспел в справедливом приобретении и наилучшим образом использует свое богатство.[394]

ПРОИЗВОДСТВО

У греков не было специального слова для обозначения производства, как у нас, поскольку промышленность, хотя и была хорошо развита, не была доминирующей чертой греческой жизни, а экономика не стала отдельной наукой. Слово ἐργασία, означающее "труд" или "дело", служило этой цели. Термин использовался для обозначения производительного труда,[395] строительства или производства,[396] работы с сырьем,[397] чаще всего сельского хозяйства,[398] промышленности в целом,[399] ремесла, торговли или другого дела для зарабатывания денег,[400] и гильдии рабочих.[401] Также использовался термин ἡ ποιητικὴ τέχνη, "производительное искусство", который более близок к конкретному, техническому выражению.[402] Таким образом, несмотря на отсутствие четкого термина для обозначения производства, утверждение Циммерна[403] о том, что у греков не было лучшего слова для обозначения "бизнеса", чем ἀσχολία, "отсутствие досуга", вряд ли оправдано.

Ксенофонт гораздо больше, чем Платон или Аристотель, интересовался проблемой практического производства. Его проницательные рассуждения о сельском хозяйстве и настоятельный призыв к Афинам увеличить свои доходы за счет систематической эксплуатации рудников, а также поощрения промышленности и торговли свидетельствуют об уме, бодрствующем в отношении экономической выгоды. Хотя временами кажется, что он почти делает войну и сельское хозяйство единственными истинными средствами производства, очевидно, что он проявляет живой интерес ко всем средствам приобретения.[404] В теорию производства, однако, его вклад невелик. В *"Экономике"* он признает важность труда и природных ресурсов в производстве, а в "*Доходах*" видит необходимость капитала.[405] Но, естественно, подобно Аристотелю и южному плантатору, он путает капитал с трудом в лице раба.[406] Басня о собаке и овце обнаруживает знание механизма производства и некоторое понимание правильного отношения между работодателем и рабочим.[407] Однако особый вклад Ксенофонта в будущую экономическую мысль состоит в том, что он осознает тот факт, что экономическое производство имеет свои определенные пределы; что одно и то же соотношение прибылей не может бесконечно увеличиваться за счет постоянного добавления большего количества труда и капитала, но что они должны быть пропорциональны наибольшей возможной прибыли.[408] Конечно, он не оценивает научного значения этого принципа. Его цель - скорее подчеркнуть опасность перепроизводства, и он даже не понимает, как необходимо применять эту опасность к серебряным рудникам. Тем не менее, как автора принципа, его можно назвать предтечей доктрины убывающей отдачи.

Как видно из вышеизложенного, Ксенофонт уделял особое внимание природным ресурсам как элементу производства, как в земле, так и в рудниках. Его большой интерес к сельскому хозяйству и восхваление его как базовой отрасли, от которой зависят все остальные источники богатства,[409] привели к тому, что его причисляют к физиократам нового времени, но такая интерпретация вряд ли оправдана. Несомненно, сельское хозяйство, по его мнению, является в высшей степени почетным занятием. Оно разделяет с войной право быть поставленным выше всех других профессий.[410] Оно дает максимум досуга и физического развития, и не является недостойным личного внимания принца.[411] Это самое приятное, самое продуктивное, самое достойное из призваний; лучшее упражнение для спортсмена, лучшая школа для воспитания патриотизма и справедливости, и оно предоставляет наибольшую возможность для проявления гостеприимства к людям и благоговения к богам.[412] Действительно, это первое из всех занятий, которое должен выбрать благородный и высокодуховный человек.[413] Здесь мы имеем самый высокий панегирик сельскому хозяйству в греческой литературе. В сущности, это здравое высказывание, и в нем содержится необходимая для сегодняшнего дня идея.

Хотя Ксенофонт признавал практическую важность капитала в промышленных предприятиях,[414] в своих трудах не развивал его теорию. Однако он высоко ценил возможность хранить излишки.[415] Термин ἀφορμή, используемый им в отношении предоставления сырья для ткачества, вероятно, означал не больше, чем он означал бы для любого афинского бизнесмена его времени.[416] Первоначально это слово означало "отправную точку", особенно в войне.[417] Позже оно стало означать "средства" или "ресурсы", с которыми человек начинает проект,[418] особенно в бизнесе. От этого общего делового употребления легко перейти к значению "финансовый капитал" банкира.[419] Другими терминами для обозначения капитала были ἐνεργά, используемый для обозначения капитала, приносящего проценты, в противоположность ἀργά, обозначающему товар, предназначенный только для использования;[420] κάρπιμα, "товары, приносящие доход", в противоположность ἀπολαυστικά, "товарам для пользования", , что наводит на мысль об

определении Милля[422] , "той части его имущества..... которую он намеревается использовать для нового производства", а также два вида капитала - "оборотный" и "постоянный"; ποιητικά, "вещи для дальнейшего производства", в отличие от πρακτικά, "вещи просто для использования";[423] κεφάλαιος, капитал в отличие от процента или дохода.[424] Термин ἔρανος, также, поскольку он стал означать "денежный вклад", часто использовался для займа и, следовательно, приближался к значению "денежный капитал".

Ксенофонт значительно более благосклонен к труду и промышленной жизни, чем другие Сократики. Он с явным одобрением цитирует Сократа, утверждающего, что делать что-то хорошо - это благо, а тот, кто ничего не делает хорошо, ни на что не годен и не любим Богом.[426] Работа гораздо лучше безделья. Он приносит больше счастья, делает трудящегося более умеренным и справедливым и является *непременным* условием независимой жизни.[427] Это сильная поддержка промышленности, и она особенно значима, поскольку относится в первую очередь к производству, а не к сельскому хозяйству. Впрочем, речь идет и о женщинах-работницах, потеря досуга которых не будет ущербом для государства. Каждого человека призывают обеспечивать себя всем необходимым и выполнять свою работу наилучшим образом,[428] , а изречение Эпихарма "За труд боги продают нам все товары" вызывает искреннее одобрение.[429] Все вышеприведенные отрывки являются гесиодовскими в их настаивании на ценности промышленности.[430] Но помимо очевидного принятия доктрины Сократа, о чем говорилось выше, Ксенофонт проявляет положительный интерес к труду. Его отношение к развитию промышленности и торговли вполне современно, за исключением того, что он не рассматривает использование труда свободных граждан.[431] Он подчеркивает, что труд является важным фактором производства почти так же сильно, как и природные ресурсы. Он также считает, что промышленная бережливость и процветание - лучшее средство для создания более спокойного и упорядоченного государства.[432]

Однако даже практичный Ксенофонт не свободен от морально-аристократического предубеждения против механических искусств (βαναυσικαί) для лучшего класса граждан. Он признает, что они справедливо осуждаются и пользуются дурной славой, поскольку ослабляют трудящегося как телом, так и душой.[433] Ремесленники не имеют досуга, который могли бы отдать ни друзьям, ни государству, а в военном государстве граждане не могут быть заняты таким образом.[434] Ремесленник также подневолен из-за своего незнания высших нравственных чувств (τὰ καλὰ καὶ ἀγαθὰ καὶ δίκαια).[435] Все это похоже на Платона, но Ксенофонт отличается от него тем, что ни в коем случае не выступает против неограниченного развития промышленности и торговли при условии, что тяжелую работу могут выполнять неграждане.

Принцип разделения труда четко сформулирован им, но и здесь он отличается от Платона тем, что его интересует в первую очередь практический и экономический, а не моральный интерес. Он представляет его как причину, по которой королевские блюда превосходят по вкусу другие, и делает острое замечание, что разделение труда не так полно применяется в маленьком городе, потому что там недостаточно потребителей, чтобы содержать человека, занимающегося одним ремеслом. В большом городе, напротив, потребителей так много, что даже сами профессии делятся и подразделяются. Таким образом, развивается гораздо большее мастерство и достигаются лучшие результаты, ибо тот, кто тратит свое время на работу самого узкого круга (βραχυτάτῳ), должен выполнять ее наилучшим образом.[436] Он не указывает преимущества разделения труда для промышленности, кроме того, что оно приводит к большему мастерству, но он проявляет особую проницательность, так ясно указывая на отношение рынка к развитию этого принципа.[437] В этом он является

предшественником Адама Смита, который отмечает, что мельчайшее разделение профессий не может существовать иначе как в больших городах, особенно в прибрежных и речных.[438] Утверждение Хэни[439] , что греки говорили только о "простом разделении труда", конечно, необоснованно в свете этого отрывка, поскольку Ксенофонт четко отделяет здесь простое подразделение от более сложного. Он говорит, что одни работают над мужской обувью, другие - над женской; одни занимаются шитьем (νευρορραφῶν), другие - кроем (σχίζων), и то же самое происходит при изготовлении одежды.[440] Этот отрывок также свидетельствует о том, что развитие промышленности в Афинах IV века должно было быть обширным. Ксенофонт также, как и Платон, обратил внимание на то, что разнообразие натур людей является основой для разделения труда[441] , хотя и не последовал за ним в его учении о том, что мужчины и женщины должны выполнять одинаковую работу.[442]

В отличие от идеалиста Платона, практик Ксенофонт воспринимает институт рабства как должное, не осознавая этических и экономических проблем.[443] Однако, руководствуясь здравым смыслом, он советует относиться к рабам с уважением. Он предоставляет им надлежащую степень свободы[444] и побуждает их делать все возможное[445] с помощью справедливой системы поощрений и наказаний. В случае с теми рабами, которые занимают доверенные должности, он советует завоевать их расположение добрым обращением и даже сделать их причастными к процветанию дома.[446] Рабство, конечно же, является состоянием, наиболее неприятным для свободнорожденных. Несчастный Эвтерос почти предпочел бы голодную смерть.[447]

ДЕНЬГИ

В своем трактате "О *доходах Афин*" Ксенофонт демонстрирует некоторую осведомленность о теории денег. Похоже, он считает само собой разумеющимся, что деньги должны иметь внутреннюю стоимость. По крайней мере, он понимает, что серебро - это товар, на стоимость которого влияет его использование как такового, а также его применение в качестве валюты.[448] Он также осознает ценность серебряной валюты для международной торговли.[449] Его наивно-восторженный аргумент в пользу неограниченного увеличения запасов серебра, однако, наводит на мысль о меркантильном заблуждении, которое отождествляет деньги с богатством.[450] Но, возможно, он просто использует в практических целях тот факт, что афиняне привыкли рассматривать серебро как металл с фиксированной и постоянной стоимостью.[451] В любом случае, он видит, что увеличение количества серебра должно сопровождаться соответствующим ростом деловой активности, чтобы его стоимость не обесценилась,[452] и его нельзя обвинить в ошибке меркантилистов, согласно которой страна обедняется из-за экспорта денег.[453] Он также должен был ясно понимать важность стабильности стоимости валюты, поскольку он считает необходимым показать, что увеличение производства серебра не приведет к снижению его стоимости, и что серебро является наименее изменчивым из монетарных металлов.[454] Несмотря на увлеченность своим тезисом, которая заставляет его преувеличивать стабильность серебра, он не упускает из виду прямое влияние спроса и предложения на него,[455] так же, как на золото[456] и другие товары.[457] Он также демонстрирует некоторое понимание количественной теории соотношения между золотом и серебром.[458] Нет необходимости добавлять, что, в сильном контрасте с Платоном, его отношение к драгоценным металлам, особенно к серебру, весьма благоприятно.[459]

ОБМЕН

Ксенофонт не представляет никакой теории обмена,[460] хотя откровенно заинтересован в развитии коммерции и торговли. По его мнению, чем больше они развиваются, тем лучше для Афин.[461] Он полон практических предложений по стимулированию коммерческой деятельности.[462] Он настолько убежден в первостепенной важности широкой торговли для нации, что в духе современного коммерциализма настаивает на необходимости мира ради нее.[463] По его мнению, рост торговли означает не только материальные, но и социальные и политические выгоды, поскольку большее процветание, больше труда и лучшее распределение означают большее удовлетворение, а значит, и меньшую опасность революции в государстве.[464] Он не испытывает ни малейшего предубеждения других Сократиков против искусства денежников, что может служить предостережением против слишком быстрого принятия их позиции в качестве обычного приговора афинских граждан.[465] В его практических предложениях по развитию торговли есть намек на защитный принцип. Он советует предоставить определенные преимущества судовладельцам, чтобы побудить их увеличить перевозки.[466] Но цель не в том, чтобы ограничить преимущества афинскими торговыми судами или ограничить импортную торговлю. Скорее наоборот. Он обогатил бы город данью с импорта и экспорта, взимаемой для целей суммирования и доходов,[467] и , а также создал бы общественную купеческую мореходку для сдачи в аренду купцам, как дополнительный источник дохода.[468]

НАСЕЛЕНИЕ

В противоположность Платону и Аристотелю, проблема населения не представляет для Ксенофонта никаких трудностей. Он не считает целесообразным устанавливать предел численности населения государства. Напротив, он считает одним из преимуществ своего плана в "*Доходах"*, что таким образом город станет очень многолюдным, а значит, земля около рудников вскоре станет такой же ценной, как и в самом городе.[469]

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Ксенофонт гораздо меньше, чем Платон, озабочен проблемой распределения. У него нет предложений по поводу заработной платы, прибыли или цен, нет идеального государства, в котором должно быть реализовано справедливое распределение, нет стремления к равенству или жалоб на зло крайнего богатства или бедности. Как и Платон, он хотел бы избежать гражданских разногласий в государстве,[470] но путем увеличения производства и обмена, а не их ограничения. В притче Сократа о собаке и овце он предлагает теорию прибыли, но его мольба обращена к работодателю, а не к работнику. Право первого на долю в прибылях предприятия основано на его службе в качестве надзирателя за работой и защитника рабочих.[471]

Наш автор не раскрывает определенно своего отношения к бедным слоям населения, но представляется вероятным, что он мало интересовался ими, за исключением тех случаев, когда их состояние могло повлиять на судьбу государства. Он, конечно, был против предоставления им полных политических прав[472] и, вероятно, предпочел бы систему, подобную той, что описана *в "Законах*" Платона, где все свободные граждане имеют достаточный доход, чтобы они могли в значительной степени отдавать свое время государству, и , где все рабочие являются рабами. Он и не думал предлагать более бедным гражданам работать в шахтах или даже делать это иностранцам, а предлагал, чтобы каждый гражданин имел доход от трех государственных рабов.[473]

Хотя Ксенофонта обычно не относят к социалистам Греции, он, возможно, даже ближе, чем Платон, подходит к одной из фаз современного социализма. Как и Платон, он выступает против крайнего индивидуализма в политической и частной жизни своего времени.[474] Он также раскрывает греческое чувство социальной обязательности частной собственности.[475] И снова, как и Платон и современные социалисты, он превозносит силу закона для преобразования экономических или социальных условий.[476] Но, отстаивая современную доктрину социализации промышленности, руководствуясь экономическими, а не моральными или политическими мотивами, он продвинулся дальше Платона и Аристотеля и приблизился к современному социализму.[477] Как видно из вышеизложенного, однако, его экономический мотив - не интерес к благосостоянию масс, ибо по его схеме все они были бы рабами. Он желает лишь ликвидировать бедность среди граждан.[478] Он хотел бы, чтобы государство стало предпринимателем не только в одной, но и во многих отраслях промышленности. Государственное торговое мореплавание,[479] государственная собственность на рабов,[480] государственная эксплуатация рудников,[481] государственные здания возле рудников для сдачи в аренду чужакам,[482] - все это входит в его план. Богатые должны финансировать эту схему, но их прибыль составит 18, 36 или даже 200 процентов.[483] Компании должны быть организованы так, чтобы исключить индивидуальный риск.[484] Таким образом, бедности больше не будет, воцарится изобилие для всех, и наступит эра процветания и безопасности для государства.[485]

Одним словом, его тезис заключается в том, что то, что частный капитал может сделать для обогащения только себя, государственный капитал может сделать с большей выгодой для обогащения всего гражданства,[486] доктрина, которая поражает истинно современной социалистической нотой.

ГЛАВА V
ОРАТОРЫ - ДЕМОСФЕН, ИСОКРАТ

Хотя аттические ораторы представляют собой очень важный источник для наших знаний об экономических условиях в Афинах, они дают мало определенного материала для истории греческой экономической мысли. С точки зрения теории, их главная ценность заключается в том, что все они проявляют положительный интерес к богатству и всем явлениям практической экономики. В этом отношении они представляют собой разительный контраст с негативным отношением Сократа и, таким образом, служат для корректировки нашего представления об экономических идеях среднего афинского гражданина. Особого рассмотрения требуют только Демосфен и Исократ.

Положительный интерес Демосфена к торговле и финансам уже был отмечен в некоторых отрывках,[487] , и этот факт настолько очевиден во всех его орациях, что дальнейшие цитаты излишни. Вместо этого мы можем вкратце отметить некоторые незначительные намеки на негативное моральное отношение философов. Он подчеркивает преобладающее влияние денег, искажающее суждения людей.[488] Он восхваляет простую жизнь предыдущего поколения и критикует частную роскошь своего времени.[489] По его словам, считается редким, чтобы деловой человек был одновременно усердным (φιλεργόν) и честным (χρηστόν).[490] В его утверждении, что бедность заставляет свободных людей обращаться к

ручному труду (δουλικά) и что многие свободные женщины (ἀσταί) были подтолкнуты напряжением времени к таким профессиям,[491] , кажется, подразумевается некоторое аристократическое предубеждение против простого труда. На подобное отношение к торговцам и дельцам денег, по крайней мере, указывает его вопрос о том, что является худшим (πονηρότατον) элементом в государстве .[492] Его презрительное упоминание о Стефане как о том, кто ссужает деньги под проценты, пользуясь чужой нуждой,[493] слегка напоминает о философском предубеждении против процентов, хотя здесь он, несомненно, имеет в виду ссуды только на потребление, причем под непомерно высокий процент.[494] Но эти следы сократовского отношения к богатству не имеют большого значения перед лицом очевидного экономического интереса, который характеризует все оратории Демосфена.

Исократа можно в некотором смысле причислить к Сократу, и он проявляет больше их духа в отношении к богатству, чем другие ораторы. Он хотел бы, чтобы люди стремились к честному характеру, а не к богатству, поскольку не всегда приобретение приносит выгоду, а трата - убыток. Результат зависит скорее от случая и добродетели.[495] Благородный характер имеет большую ценность, чем большое богатство,[496] ибо хорошая репутация не покупается (ὠνητή) за деньги, но сама является источником материальных благ, и она бессмертна, тогда как богатство лишь преходяще.[497] Материальное и духовное богатство противопоставляются, таким образом, в истинно сократовской манере;[498] подчеркивается правильное использование,[499] и противопоставляется обычная ненасытность и несправедливость делателей денег.[500] Глупость и разврат названы обычным сопровождением богатства, в отличие от умеренности, характерной для бедных и скромных людей.[501] Но, как и Платон, Исократ не считает ни роскошь, ни скупость идеальным состоянием,[502] и ясно осознает дурное влияние бедности, вызывающей недовольство и гражданские распри в государстве.[503]

Но, несмотря на эту морализаторскую тенденцию, он согласен с другими ораторами, высоко оценивая экономическое значение ручных искусств.[504] Он также с явной гордостью указывает на обширную торговлю Афин по сравнению с другими государствами,[505] и одним из его главных аргументов в пользу мира является то, что таким образом город наполнится купцами, чужеземцами и мериками.[506] Вся эта мольба о мире, которую он основывает в значительной степени на экономических преимуществах, имеет явно современный оттенок. Он хорошо понимал важность промышленного развития для общего процветания демократии. Почти аристотелевским языком он рассказывает о том, как в старые добрые времена богатые имели обыкновение давать бедным старт в бизнесе (ἀφορμή), будь то сельское хозяйство, торговля или искусство.[507] Этот позитивный экономический интерес подтверждается также его акцентом на рост мастерства, который возникает в результате применения разделения труда.[508]

Исократ, как и Платон, был особенно против гражданских распрей и крайнего индивидуалистического коммунизма, который требовал передела земель и отмены долгов.[509] В идеальном прошлом его мечты не было крайностей богатства и бедности, частная собственность была в безопасности, а революции не разрушали государство. Теперь же, напротив, все изменилось. Спарта - единственное государство, которое не раздирают ожесточенные партийные распри.[510] Он противопоставляет высокое уважение, которым пользовались богатые люди в его детстве, нынешнему завистливому недовольству. Быть известным как богатый человек теперь почти равносильно тому, чтобы считаться преступником, и за это нужно извиняться.[511] Такое отношение к богатым, на которое жалуется Исократ, важно в свете аналогичных тенденций в нашей сегодняшней демократии.

И снова, в согласии с Платоном и Аристотелем, Исократ выступает против доктрины простого арифметического равенства и настаивает на том, что истинное равенство распределяет каждому то, что соответствует его возможностям.[512] Но хотя он и враждебен к грубому типу коммунизма, он делает главной характеристикой идеального прошлого благородное чувство общности и дух сотрудничества. В то счастливое время общее благо стояло на первом месте в мыслях всех, каждый заботился об интересах других, бедные не завидовали богатым, а богатые помогали бедным.[513] Временами он даже приближается к современным гуманитарным чувствам в отношении обездоленных классов. Он определяет истинное национальное процветание как состояние, при котором ни один гражданин не испытывает недостатка в средствах к существованию[514] и считает, что бедняков вполне можно простить за их безразличие к общественному благосостоянию в их беспокойстве о ежедневных средствах к существованию.[515] Он также утверждает несколько социалистический принцип, который так подчеркивал Платон, что характер государства будет подобен характеру правителя.[516]

ГЛАВА VI
АРИСТОТЕЛЬ

В трудах Аристотеля мы находим гораздо более богатый источник для истории греческой экономической мысли. Хотя ни одна его работа не посвящена экономике, он оставил множество трудов на различные темы, как памятник своей удивительной разносторонности и неутомимой деятельности.[517] Из них *"Политика"* и *"Этика"* особенно плодотворны в плане экономических идей, хотя, как и в случае с Платоном, этот материал является побочным по отношению к основной дискуссии. Его общее отношение к богатству и некоторым его проблемам, как мы увидим, часто в значительной степени совпадает с платоновским. Его экономическое видение было предвзято тем же этико-аристократическим духом. Однако его практический, научный ум позволил ему рассмотреть многие экономические вопросы более подробно, более непосредственно и более остро, чем это можно сказать о любом другом греческом мыслителе. Однако следует быть осторожным и не вкладывать в его высказывания больше смысла, чем он намеревался передать. Он не был создателем науки политической экономии,[518] хотя его понимание многих основных концепций экономики было, вероятно, более ясным, чем это часто признают современные экономисты.[519]

На самом пороге экономических спекуляций Аристотель продвинулся дальше Платона и Ксенофонта тем, что понял ошибочность смешения домашнего и общественного хозяйства. Он видел , что они различаются не только по размеру или количеству, но и по основному типу.[520] В своих последующих рассуждениях о богатстве, однако, он упустил из виду это различие и впал в старую греческую путаницу.

ЦЕННОСТЬ

Степень вклада Аристотеля в теорию стоимости оценивается очень по-разному.[521] В классическом отрывке *"Политики"* он проводит различие между двумя видами использования предмета: непосредственным, для которого он был произведен, и опосредованным - в качестве предмета обмена.[522] Это часто называют предвосхищением различий Адама Смита между потребительной стоимостью и меновой стоимостью.[523] Такая

интерпретация, однако, вряд ли оправдана.[524] Весь акцент Аристотеля в этом отрывке сделан на использовании, а не на стоимости. Обменное использование объявляется подчиненным, а контекст показывает, что цель высказывания - научить неэкономической доктрине, согласно которой обмен (μεταβλητική) - это искусственное использование, особенно когда оно преследует корысть.

Более того, в этом отрывке определение не развивается дальше, проводя различие между экономическими благами, требующими затрат на производство, и другими потребностями, которые лишены меновой стоимости в силу своей универсальности.[525] Потребность признается элементом меновой стоимости,[526] но она не отличается от экономического спроса, имеющего средства для покупки. Таким образом, все, что можно с уверенностью сказать об этом высказывании Аристотеля, - это то, что он случайно наткнулся на базовое различие, которое, если бы это было его целью, он мог бы использовать в качестве отправной точки для развития современной теории стоимости.

Некоторые другие отрывки из его трудов показывают более четкое понимание этого различия. В *"Риторике"* он утверждает принцип, согласно которому меновая стоимость измеряется редкостью, хотя это и не может быть критерием действительной ценности товара для жизни.[527] Последняя измеряется его необходимостью или практической полезностью.[528]

Параграф из *Никомаховой этики*, хотя и не рассматривает проблему напрямую, также свидетельствует о проницательности Аристотеля в отношении элементов экономической ценности.[529] Он был странно обойден вниманием большинства историков экономической мысли, хотя его значение признавалось редакторами *Этики*.[530] Он вырастает из его обсуждения справедливого обмена, который является частью более широкой темы справедливости. Он замечает, что для обмена необходимо пропорциональное равенство (κατὰ τὴν ἀναλογίαν ἴσον) между различными товарами,[531] поскольку труд, затраченный на их производство, не одинаков.[532] Это равенство он получает с помощью пропорции, в которой предметы обмена находятся в обратном соотношении к производителям.[533] Таким образом, уравнивание товаров основано, по Аристотелю, на оценке труда или стоимости производства в каждом случае.[534] И снова он указывает, что стандартом, которым измеряются все товары, является нужда или спрос (χρεία) на взаимные услуги,[535] тем самым превращая спрос в социальный факт, зависящий от организованного общества. Это, по его мнению, "общий знаменатель стоимости", который в конечном счете определяет фактическую основу, на которой обмениваются все товары или оказываются услуги. В других местах концепция стоимости у Аристотеля более индивидуалистична, как у Ксенофонта и Платона, но Ханей[536] упускает этот отрывок из виду, утверждая, что его понятие стоимости "чисто субъективно". Как он утверждает, рассматриваются не только "равные желания", но и равные затраты.[537] Этот спрос, или общая мера стоимости, выражается в деньгах (νόμισμα).[538]

Из этого отрывка *"Этики"* ясно, что Аристотель понимал, что экономическая стоимость определяется спросом, измеряемым в деньгах, и затраченным трудом или стоимостью производства.[539] Последний элемент, конечно, включает условие, что товар ограничен в предложении, хотя это прямо не указано.[540] Конечно, интерес философа-моралиста здесь также первостепенен,[541] как и в отрывке *из "Политики"*. Мысль сосредоточена на справедливом обмене, как фазе справедливости, а не на проблеме стоимости. Тем не менее, его рассуждения обнаруживают ясное понимание спроса и издержек производства как двух важнейших элементов экономической стоимости.[542]

БОГАТСТВО

Поскольку Аристотель лучше других греческих мыслителей понимал теорию стоимости, мы можем ожидать от него и более четкого определения понятия богатства. В *"Политике"* он называет следующие признаки подлинного (ἀληθινός) богатства (πλοῦτος): необходимое для жизни; полезное для лиц, связанных в семье или государстве; способное к накоплению (θησαυρισμός); ограниченное в объеме (οὐκ ἄπειρος).[543] Согласно Миллю,[544] с "экономической" точки зрения, богатство - это "все полезные и приятные вещи" "материальной природы", обладающие "меновой стоимостью"; а чтобы обладать меновой стоимостью, они должны быть "способны к накоплению".

Сравнивая эти два определения, следует сразу же признать, что термин "подлинный" у Аристотеля означает не "истинно экономический", как у Милля, а скорее "законное богатство" в отличие от того, которое приобретается за счет ложных финансов (χρηματιστική);[545] также, что его "необходимый для жизни" и "ограниченный в объеме" используются не в экономическом, а в моральном смысле, в отличие от роскоши и крайнего интереса к зарабатыванию денег. "Все полезные и приятные вещи" Милля представляют собой заметный контраст с этим по духу. У Аристотеля "полезное" означает "то, что служит конечному благу" (πρὸς ἀγαθὴν ζωήν), а у Милля - "то, что дает ощущение комфорта или удовольствия". Таким образом, богатство Аристотеля обязательно ограничено, в то время как богатство Милля неограниченно, поскольку, как замечает Баркер, "только бесконечность богатства может удовлетворить бесконечность потребностей". Из последующего обсуждения, однако, станет ясно, что Аристотель включает в свою категорию экономического богатства не только "необходимые вещи". Он не уточняет "материальные вещи", как Милль, но кажется вероятным, что именно это он и имел в виду.[547] Во всех отрывках, где он перечисляет различные виды богатства, включены только материальные вещи, за исключением рабов, которые считаются простыми инструментами.[548] Один из этих отрывков специально исключает интеллектуальное богатство, определяя имущество как "делимый инструмент". Использование термина "стоимость" (ἀξία), вероятно, подразумевает такое же ограничение.[550] Хотя Аристотель не упоминает меновую стоимость специально, она явно подразумевается в его определении. "Вещи, полезные для объединения государства" и вещи, "способные к накоплению", должны иметь меновую стоимость, исключая, таким образом, такие невосполнимые блага, как воздух и свет.[551] Его использование κτῆμα, "владение", и признание стоимости производства и экономического спроса в качестве основных факторов определения стоимости,[552] являются дополнительными доказательствами этого. Более того, как видно выше, в *"Этике"* он явно делает меновую стоимость атрибутом всего богатства.[553]

Из нашего сравнения двух определений следует, что, хотя Аристотель противопоставляет себя Миллю, ставя на первое место этический интерес, и хотя его определение не столь научно конкретно, оба они сходятся в признании таких качеств, как материальность, меновая стоимость и возможность накопления, в качестве необходимых атрибутов богатства. Ниже мы также увидим, что греческий философ был предшественником ортодоксальных английских экономистов в критике распространенного смешения денег и богатства.[554]

Но, несмотря на понимание ведущих принципов экономики богатства, он занимает такое же негативное моральное отношение к богатству, как и Платон, хотя его враждебность направлена прежде всего против духа, который коммерциализирует жизнь и превращает неограниченное богатство *в summum bonum*. По его мнению, эта идея, что богатство - это

сумма всех благ, является почти необходимым сопровождением обладания излишним богатством, но особенно она характерна для новых богатых (νεωστὶ κεκτημένοις).[555] Однако Аристотель слишком практичен, чтобы быть аскетом. Он понимает, что досуг (σχολή) необходим для нравственного развития и хорошей гражданской позиции и что им можно наслаждаться только на основе достаточного богатства. Поэтому для лучшей жизни желательна достаточная компетентность,[556] ибо люди должны жить не только умеренно, но и либерально.[557] Бедность порождает гражданские распри и преступления.[558] Богатство в абсолютном смысле (ἁπλῶς) всегда хорошо, хотя оно не всегда может подходить определенному человеку или быть ему полезным.[559] Каждый, таким образом, должен выбирать то, что хорошо для него, и использовать это соответственно.[560] Все это звучит более здраво, чем субъективное понятие богатства, которому учит Платон. Но именно здесь и кроется секрет трудности, как ее видит Аристотель. Именно потому, что все внешнее богатство хорошо в абсолютном смысле, возникла популярная ошибка, что оно является конечной причиной (αἰτία) всего счастья,[561] тогда как на самом деле отношение богатства к счастью такое же, как отношение лиры к мелодии. Не может быть музыки без участия музыканта.[562] Внешние блага, таким образом, не имеют первостепенного значения для жизни. На первом месте должны стоять блага души,[563] ибо добродетели жизни приобретаются и сохраняются не материальным богатством, а наоборот,[564] и люди с высоким характером и умом наиболее счастливы, даже если их богатство умеренно.[565] Распространенное мнение денежного человека о том, что богатство безгранично, противоречит природе.[566] Подлинное богатство не может быть безграничным,[567] поскольку внешние блага строго определяются их полезностью для определенной вещи. Чрезмерное богатство, таким образом, либо вредит владельцу, либо, по крайней мере, бесполезно для него.[568] Богатство также не может по праву считаться *summum bonum*, поскольку оно на самом деле не является целью вообще, а лишь набором средств для достижения цели (ὀργάνων πλῆθος).[569] Неизбежным результатом превращения ее в цель и меру всего является моральное вырождение.[570] Если мы хотим сохранить высшие интересы жизни, то она всегда должна быть подчинена им. Первое должно быть поставлено на первое место, как для человека[571] так и для государства.[572]

ПРОИЗВОДСТВО

Часто утверждают, что Аристотель отрицал само существование проблемы производства.[573] Это утверждение основывается главным образом на некоторых отрывках *из "Политики"*.[574] Эти отрывки, однако, не являются отрицанием важности производства. Их смысл лишь в том, чтобы показать, что главная цель жизни - не производство или обеспечение богатства, а его использование для продвижения высших интересов жизни. С этой точки зрения и приобретение (κτητική), и производство (ποιητική) являются подчиненными искусствами.[575] Аристотель настолько далек от того, чтобы не уделять места производству, что последующая глава *"Политики"* посвящена рассмотрению схемы снабжения, включая производство.[576] Конечно, в своем перечислении он не делает особого акцента на подлинном производстве. Промышленность едва упоминается, в то время как сельское хозяйство обсуждается подробно. Его "свободный хозяин" - скорее потребитель даров природы, чем реальный производитель.[577] К истинно производительным занятиям, которые работают на себя (αὐτόφυτον), он относит кочевника, земледельца, разбойника, рыбака и охотника, а тех, кто живет бартером (ἀλλαγῆς) или торговлей (καπηλείας), делает паразитическими.[578]

В другом отрывке финансы, строго определенные (οἰκειατάτη), ограничиваются всеми формами сельского хозяйства, и даже наемный труд (μισθαρνία) в промышленности включается в противоестественные финансы.[579] Аристотеля, таким образом, часто

сравнивают с физиократами, которые различали творческие и паразитические классы работников, поддерживали "естественный" порядок как идеал и восхваляли сельское хозяйство и "добывающие" отрасли как единственно продуктивные. Как заметил Сушон[580] , сходство, однако, лишь поверхностное. Однако тот факт, что он не видит, что обмен производит стоимость времени и места, и тот факт, что он включает наемный труд, квалифицированный и неквалифицированный, в число неестественных видов деятельности, является достаточным доказательством того, что он имел лишь поверхностное представление о принципах производства.[581] Но частое утверждение, что он включает разбойничество и войну в число производительных искусств, необоснованно, поскольку он относит их только к средствам приобретения.[582]

Аристотель почти превзошел Платона в подчинении всего производства этике, хотя и сохраняет более четкое разграничение их соответствующих целей. По его мнению, производительные искусства не являются самоцелью. Они являются средством для высшей цели нравственной жизни, первый интерес которой заключается не в производстве, а в правильном действии.[583] Как видно из нашего обсуждения Платона, такая доктрина не является плодотворной с экономической точки зрения. При слишком жесткой интерпретации она подавляет торговлю и промышленность. Однако в основе ее лежит великая истина, которую подчеркивают современные экономисты: богатство и производство должны быть подчинены общему индивидуальному и общественному благу. Кроме того, философа не следует трактовать слишком жестко и однозначно. Баркер доходит до крайности в своем утверждении, что экономическая теория Аристотеля - это всего лишь трактат по "этике семейной жизни" и что "фундаментальная характеристика его идеи производства - это реакционный архаизм, который упраздняет все механизмы цивилизации в пользу самообеспечивающейся фермы и небольшого количества бартера"." Также необоснованно утверждение Бонара, что "Аристотель считает ниже своего достоинства" уделять практическим деталям сельского хозяйства и промышленности "более чем беглое внимание". Такие детали не входили в план его работы и, конечно, считались бы неуместными в современном общем тексте по экономике. Экономическая доктрина Аристотеля в целом, конечно, гораздо шире, чем семья, и, хотя и основана на этике, представляет собой нечто большее, чем этический трактат. Как видно из вышеизложенного, он признает необходимость умеренного приобретения богатства как для процветающего государства, так и для добродетельного человека, и требует лишь, чтобы интересы человека были поставлены на первое место.[586]

Из всех факторов производства Аристотель, как и другие Сократики, больше всего интересуется природными ресурсами. Особенно он подчеркивает сельскохозяйственную жизнь. По его мнению, это единственно верная основа "естественных финансов", поскольку финансовые средства должны быть заложены в самой природе.[587] Естественные финансы (οἰκειατάτη) включают только правильное знание ухода за землей, скотом, пчелами, птицей и другими природными ресурсами.[588] Это естественно, поскольку не зарабатывает за счет других, как розничная торговля и другие методы ложных финансов. Аристотель также показывает свой интерес к сельскому хозяйству, приводя библиографию по этому вопросу. Он называет Харетида из Пароса, Аполлодора из Лемноса, "и других по другим отраслям" - намек на то, что многие подобные работы по практической экономике могут быть для нас потеряны.[589] Однако его интерес даже к этой основной отрасли не носит практического характера, как у Ксенофонта. Он относит ее к негражданским классам, наряду с торговлей и механическими искусствами.[590]

Капитал. Аристотель - единственный греческий мыслитель, давший четкое определение капитала. Определив раба как орудие труда (ὄργανον), он для более четкого разграничения проводит различие между двумя видами богатства - тем, которое используется для потребления, и тем, которое используется для дальнейшего производства.[591] В качестве примера первого он приводит кровать и платье, а второго - гребень ткача (κερκίς).[592] Он указывает, что все богатство производится для потребления, но часть его косвенно потребляется в производстве. Это приближается к определению капитала Адама Смита[593] как "той части запаса человека, которая, как он ожидает, принесет ему доход". Однако, к сожалению, греку не удается провести свое разграничение дальше. В конце концов, темой его размышлений является не капитал и не производство, а статус раба, хотя, с его точки зрения, раб и есть капитал. Он переходит к весьма неэкономичному утверждению, что жизнь состоит в действии (πρᾶξις), а не в производстве (ποίησις),[594] и завершает истинную цель своего аргумента, что раб - это помощник (ὑπερέτης), или одушевленный инструмент в царстве действия, а не производства.[595] Раб, таким образом, является инструментом для увеличения жизни или действия своего господина, который сам представлен не как производитель, а как потребитель имеющихся запасов. Таким образом, то, что справедливо претендует на плодотворное разграничение, заканчивается отрицанием первостепенной важности производства. Цель Аристотеля здесь схожа с целью Рёскина[596] и Адама Смита,[597] подчеркнуть потребление, а не производство.

В другом отрывке он повторяет свое определение капитала в других терминах. Товары классифицируются как предназначенные для "целей производства" или для "простого наслаждения", , но здесь снова не разрабатывается теория капитала. Тем не менее, эти два определения являются достаточным свидетельством того, что в понимании значения термина он продвинулся дальше своих предшественников.[599] Его разделение производства и финансов, однако, на естественное или ограниченное, которое имеет дело только с природными ресурсами,[600] и неестественное, которое является неограниченным и включает торговлю, ростовщичество и даже промышленность,[601] показывает ум, не очень заинтересованный в капитале и не понимающий его истинного экономического значения. Его утверждение в *"Этике"*[602] о том, что блудный (ἄσωτος) приносит пользу многим своими безрассудными тратами и что скупость (ἀνελευθερία) - худшее зло, чем блуд, также показывает, что он недостаточно подчеркивал значение для общества экономики, матери накопленного капитала. В этом вопросе Платон придерживается более здравой точки зрения[603] , а крайняя позиция Аристотеля, конечно, не характерна для греков в целом.[604] Его неспособность понять истинную теорию процента является еще одним свидетельством его поверхностного понимания функции денежного капитала. Он не видит, вместе с Адамом Смитом, что деньги представляют собой накопленный капитал, потенциально производительный, и что "поскольку везде что-то может быть сделано с помощью денег, везде что-то должно быть заплачено за их использование" Справедливости ради следует заметить, что, хотя он и не видел важности неограниченного экономического прогресса за счет постоянного увеличения капиталистического запаса, в конце концов, есть смысл, в котором он был прав. Существует естественный предел справедливого приобретения, и в особенности он имеет дело с индивидуумом в отношении богатства. Таким образом, он, вместе с Платоном, является предтечей современной тенденции в экономике, которая склонна устанавливать предел суммы, которую человек может справедливо заработать за всю жизнь своим трудом.[606]

Труд и промышленность. Отношение Аристотеля к труду, третьему фактору производства, сходно с платоновским, хотя он делает больший акцент на дурном физическом и моральном воздействии "банаусических" искусств. Они определяются как те, которые "делают людей

непригодными для занятий добродетелью" Они не только приводят к вырождению тела,[608] но и, будучи "наемными" занятиями, вульгаризируют душу.[609] Занятия, требующие наибольшего физического труда, наиболее "рабские". Жизнь ремесленников и рабочих подлая (φαῦλος) и не имеет ничего общего с добродетелью.[611] Гражданская молодежь не должна обучаться ни одному из нелиберальных занятий ремесленников.[612] Ни один гражданин не должен заниматься промышленным трудом или розничной торговлей, поскольку они неблагородны (ἀγεννής) и враждебны добродетели.[613] Даже все сельскохозяйственные работы должны выполняться рабами, чтобы граждане имели досуг для личного развития и служения государству.[614] В дополнение к другим своим возражениям против розничной торговли и искусств, Аристотель считает их по природе несправедливыми, поскольку они отнимают что-то у того, с кем имеют дело.[615] Действительно, производительные классы имеют лишь незначительное признание в его идеальном государстве. Их, кажется, терпят только как необходимое зло, и они находятся в состоянии ограниченного рабства ἀφωρισμένην τινὰ δουλείαν. Добродетель для них еще менее возможна, чем для рабов, и они ведут менее терпимую жизнь.[616] Весь наемный труд относится к категории "ложных финансов", которые унижают и человека, и государство.[617] Государство, которое производит множество механиков и лишь немногих гоплитов, никогда не сможет быть великим.[618]

Перед нами антитеза современной коммерческой точки зрения. Однако правда не во всем согласна с современниками, ведь высокоразвитая торговля и промышленность и общее благосостояние народных масс не всегда обязательно совпадают. Кроме того, вряд ли справедливо слишком жестко трактовать Аристотеля. Он прекрасно понимал необходимость ремесленников и всех других промышленных рабочих для государства.[619] Основная тяжесть его нападок была направлена против розничной торговли. Как и у Платона, его предрассудки имели моральные и политические корни,[620] и были направлены скорее против крайнего применения труда и против его ложной цели, чем против самого труда. Он настаивал на том, что даже интеллектуальный труд, доведенный до крайности и преследующий неверную цель, может стать столь же деморализующим.[621]

Вот доктрина, которую наш современный век, ставящий даже образование на хлеб и масло и стремящийся убить инициативу и видение путем крайней специализации, вполне мог бы рассмотреть. Даже латинская литература, когда она преподается, как это слишком часто бывает, только как синтаксическая шлифовка, чтобы подготовить учителей к тому же безрассудству, является не более одной из гуманитарных наук, чем промышленная химия.[622] Кроме того, Аристотель и Платон, несомненно, правы в своем убеждении, что необходимое крайнее приложение сил к физическому труду для зарабатывания хлеба насущного неизбежно препятствует умственному и моральному развитию и надлежащему выполнению обязанностей гражданина. И наши современные демократии с их хвастовством всеобщим избирательным правом все еще остаются чем-то вроде фарса, пока экономические условия таковы, что у массы населения не остается времени думать ни о чем, кроме как о том, как обеспечить себя предметами первой необходимости. Настаивание Аристотеля на досуге для жизни гражданина - это не требование аристократической праздности.[623] Это также не "состояние джентльмена" Джоуэтта или просто идеализированное представление о "внутреннем состоянии", в котором "интеллект, свободный от забот практической жизни, заряжается энергией или отдыхает в сознании истины". Это скорее требование освобождения от материальных забот, чтобы обеспечить наивысшую степень активности в саморазвитии и политическом служении.[624]

Можно также заметить, что Аристотель, особый защитник рабства и презритель физического труда для свободных людей, в свободные моменты проявляет настоящий интерес к промышленности. Один из его аргументов против коммунизма состоит в том, что он отнимет у гражданина желание работать.[625] Он отвергает праздную жизнь и находит счастье в действии.[626] Он считает практическое знание сельского хозяйства необходимым для успешного экономиста,[627] и определяет справедливых как тех, кто живет за счет собственных ресурсов или труда, а не наживается за счет других, особенно фермеров, которые живут за счет земли, которую они обрабатывают.[628] Выше мы также видели, что он делает труд одним из главных факторов, определяющих стоимость, и, следовательно, самым важным элементом производства.[629] Более того, он показывает, что на практике понимает важность продуктивной занятости для граждан демократии. Он советует богатым наделять бедных участками земли (γήδια) за счет общественных доходов, или же давать бедным начало (ἀφορμή) в другом деле и таким образом обращать их к промышленности.[630]

Что касается разделения труда, то Аристотель мало что добавляет к теории Платона и Ксенофонта. Он соглашается с Ксенофонтом в том, что оно подразумевает необходимое различие между работой мужчин и женщин.[631] Он также применяет этот принцип более широко, чтобы включить в него всю природу, тогда как Платон, кажется, ограничивает его применение человеком. Природа (ἡ φύσις), замечает он, не производит вещи, как дельфийский нож, в нищете (πενιχρῶς), чтобы служить многим целям, но каждую для одной цели (ἓν πρὸς ἕν).[632] Как и Платон, он делает принцип взаимности (τὸ ἴ σον ἀντιπεπονθός), из которого возникает разделение труда, спасительным элементом в государстве.[633] Он так же категоричен в применении закона к политике и гражданству.[634]

СЛАВИЕ

Мы видели, что упоминания о рабстве у Ксенофонта и Платона носят случайный характер и свидетельствуют о некой неосознанной наивности в отношении реальной социальной проблемы. Однако ко времени Аристотеля критика софистов потрясла основы всех традиционных институтов, а их тезис о том, что рабство противоречит природе, стал через киников выдающейся социальной теорией.[635] Мысль по этому вопросу выкристаллизовалась в две ведущие доктрины: одна включает благожелательность в справедливость и, следовательно, отрицает право на рабство; другая отождествляет справедливость с господством более сильного и, следовательно, поддерживает рабство как основанное на простой силе.[636] Практичный Аристотель, сторонник рабства не по традиции, а по осознанной вере в его экономическую необходимость, занимает позицию посередине между двумя противоположными теориями. Он отстаивает старую точку зрения о естественном рабстве, но отвергает основание простой силы в пользу морали и благожелательности.[637] Его тезис состоит в том, что рабство - это естественное и необходимое отношение в человеческом обществе, а не случайное или условное. Раб, будучи собственностью, которая представляет собой множество орудий (ὀργάνων πλῆθος), является одушевленным орудием (ὄργανον ἔμψυχον), способствующим жизни (πρὸς ζωήν).[638] Он так же необходим для лучшей жизни гражданина, как и неодушевленные орудия, и будет необходим, пока все орудия не будут работать автоматически, как мифические фигуры Дедала или треножники Гефеста.[639] Раб - это слуга в сфере действия (πρᾶξις), а не производства (ποίησις). Он не производитель товаров (ποιητικός), но услуг (πρακτικός),[640] и подобно тому, как собственность есть лишь часть или член (μόριον), целиком принадлежащий чему-то другому, так и раб, как собственность, целиком принадлежит своему господину и не имеет истинного существования помимо него.[641] Из этих фактов

очевидна вся природа и власть раба. Тот, кто, будучи человеком, является всего лишь собственностью, - естественный раб, поскольку он по природе не является своим собственным господином, а принадлежит другому, в котором он находит свое истинное существование.[642] Как заметил Баркер, этот вывод первой части аргументации Аристотеля неизбежен, если принять его предпосылки о тождестве "орудий" и собственности, но это нереальное тождество.[643] "Естественное" (φύσει) - спасительное слово в его аргументе, но "человеческое" (ἄνθρωπος) опровергает его, как практически признает философ впоследствии.

Теперь он переходит к вопросу о том, существует ли на самом деле этот "естественный" раб его гипотезы, для которого такие отношения справедливы, или же всякое рабство противоречит природе, как утверждают некоторые. Он отвечает утвердительно. Принцип господства и подчинения он объявляет основным законом всей жизни.[644] Люди с рождения предназначены для того или иного состояния, и их развитие следует этой природной склонности.[645] Этот закон можно наблюдать в неодушевленных вещах,[646] в естественном подчиненном отношении тела к душе, домашних животных к человеку, женщины к мужчине, ребенка к родителю и подданных к правителям.[647] Таким образом, все, кто способен только к физическому служению, находятся в таком же отношении к высшим натурам, в каком тело находится к душе, и являются рабами по природе.[648] Это единственное отношение, для которого раб естественно приспособлен, поскольку он может постигать разум, сам не обладая им, находясь на полпути между животными и истинно разумными людьми.[649] Обычно природа также различает тела и души свободных и рабов, приспосабливая их к соответствующим сферам и функциям.[650]

Эти отношения рабства, утверждает Аристотель, не только естественны и необходимы, но и полезны для тех, кто так устроен.[651] Подобно тому как телу полезно правление души, а домашним животным - правление человека, так и "естественному рабу" явно выгодно, чтобы им управлял разумный господин. Это универсальная истина, где бы один класс людей не уступал другому, как тело душе.[652]

Откровенные признания философа, в которых он выступает против доктрины, что рабство основано на простой силе, являются роковыми для его первого аргумента о естественном рабе. Он признает, что природа не всегда исполняет свой замысел; что души свободных иногда находятся в телах рабов, и наоборот;[653] что в любом случае трудно различить качество души;[654] что утверждение, что рабство не является ни естественным, ни выгодным, имеет в себе долю истины, поскольку иногда существуют просто законные рабы, или рабы по соглашению;[655] что рабство, основанное на простом могуществе без добродетели, несправедливо;[656] что военные пленники могут быть порабощены несправедливо;[657] что только те, кто действительно заслуживает этого, должны встретить эту судьбу;[658] что случайности жизни могут привести в рабство даже самых благородных из людей;[659] и что только негреки являются неблагородными и достойными этого.[660] Он даже настаивает на том, что термины "рабовладелец", "свободный", "раб", когда они правильно используются, подразумевают определенную добродетель или ее отсутствие, и поэтому, чтобы быть справедливым господином, нужно быть морально выше.[661] Вопрос о наличии у рабов высших добродетелей он признает сложной проблемой, поскольку утвердительный ответ разрушает его различение "естественного" раба, и в то же время отрицание этих добродетелей у него как у человека кажется парадоксальным.[662] Нельзя также избежать трудностей, установив для раба просто различие в степени добродетели, поскольку различие между правителем и подданным должно быть одним из видов.[663] В любом случае, воздержание и справедливость необходимы даже для хорошей службы раба.[664] Таким

образом, Аристотель уклоняется от затруднения и снимает вопрос, заключая, что и господин, и раб должны разделять добродетель, но по-разному, в соответствии со своим положением.[665]

Этим признанием он ставит рабов на более высокую ступень, чем свободных ремесленников, поскольку отрицает добродетель для таких классов, так как она не может быть произведена в них, кроме как при контакте с хозяином.[666] Таким образом, он делает рабство гуманитарным институтом, а раба - настоящим членом семьи.[667] Но самым роковым для его теории признанием является согласие с тем, что раб *как* человек может быть предметом дружбы,[668] и отстаивание его освобождения в качестве награды за хорошее поведение. При этом попытка провести различие между ним *как* рабом и *как* человеком полностью разрушается, и существование естественных рабов фактически отрицается.[669] Таким образом, великий защитник рабства в античном мире самой своей защитой отрицает его право на существование в качестве естественного института. Его фактическая концепция отношений, по сути, недалека от идеала Платона, союза для наилучшего взаимного служения правителей и управляемых, в котором раб получает от своего господина моральную меновую стоимость за свою физическую службу.[670]

В отношении Аристотеля к рабству также есть определенная экономическая и моральная правда: как заметил Рёскин,[671] высшая цивилизация и культура должны иметь в своей основе ручной труд, и единственное оправдание такой ситуации заключается в предположении, что одни от природы приспособлены к высшей, а другие - к низшей сфере.[672] Такие современные работники формально не являются рабами, но Аристотель настаивал бы на том, что они находятся в еще худшем состоянии, поскольку лишены гуманизирующего и морализирующего влияния разумного хозяина. Правдоподобность такого утверждения хорошо иллюстрируется жалким состоянием множества негров после Гражданской войны, а также безнадежной жизнью значительной части современной промышленной армии. Более того, экономическое рабство многих простых тружеников сегодня менее оправдано, чем домашнее рабство, за которое ратовал Аристотель, поскольку оно слишком часто означает жизнь в праздности и самообольщении для хозяев, вместо того греческого досуга, который давал возможность для более высокой деятельности.[673]

ДЕНЬГИ

В теорию денег Аристотель вносит существенный вклад. Он согласен с Платоном в том, что деньги возникли в результате роста необходимого обмена, который, в свою очередь, стал следствием усиления разделения труда. Однако, в отличие от Платона, он дает подробную историю развития денег.[674] До их изобретения все обменивались по бартеру.[675] Но с развитием торговли бартер стал затруднительным, и было принято решение о едином средстве обмена.[676] Было выбрано нечто, что было товаром, имеющим внутреннюю ценность (ὁτῶν χρησίμων αὐτὸ ὄν) и с чем было легко обращаться (εὐμεταχείριστον) в жизненных делах, например, железо, серебро или другой металл.[677] Сначала он был необогащенным, определялся только размером и весом.[678] Наконец, чтобы избежать неудобств, на него наложили клеймо (χαρακτήρ), обозначающее количество (σημεῖον τοῦ πόσου).[679] Так возникло использование денег как удобство в необходимом обмене, но, возникнув, они стали основой лживых финансов и розничной торговли, которые преследуются как наука наживы.[680] Все это хорошо согласуется с общепринятыми фактами, но насколько сильно отличается точка зрения Аристотеля от точки зрения современного историка экономических институтов, показывает его последнее утверждение, да и вся

обстановка этого отрывка. Его история денег лишь сопутствует его цели показать, что деньги являются родителем и самой жизнью ложных финансов, которые он осуждает.

Он также более четко, чем другие греческие теоретики, определяет функцию денег. Он ясно признает две функции, отмеченные Платоном,[681] , но рассматривает их гораздо более подробно. Его рассуждения вытекают из его теории распределительной справедливости, представленной в *"Этике"*.[682] Деньги были введены в качестве обменного представителя спроса (ὑπάλλαγμα τῆς χρείας),[683] , поскольку разнообразные товары должны быть приведены к какому-то общему знаменателю.[684] Таким образом, они являются средством обмена, выступая в качестве меры всех низших и высших ценностей, делая их соизмеримыми (συμβλητά).[685]

Другая признанная важная функция денег - это гарантия (ἐγγυητής) будущего обмена. Они представляют собой постоянную, а не временную потребность и, таким образом, являются стандартом отложенных платежей.[686] Значение денег в выполнении этих функций, по мнению Аристотеля, велико. От них зависит возможность честного обмена, а то и само существование организованного общества.[687]

Он также яснее, чем Платон и Ксенофонт, определяет отношение между деньгами и богатством. Он резко критикует существующую в его время меркантилистскую теорию, которая отождествляла богатство с количеством текущей монеты (νομίσματος πλῆθος).[688] Однако за этим он сразу же следует более развернутое изложение противоположной ошибки киников, согласно которой деньги - это просто мусор (λῆρος), ценность которого зависит исключительно от условностей (νόμῳ). Эта теория, указывает он, основана на том, что, если деньги перестанут признаваться законным платежным средством, они станут бесполезными; что они не удовлетворяют никакой прямой необходимости; и что человек может голодать, как Мидас, даже обладая ими в избытке.[689]

Здесь Аристотель несколько двусмысленно выражает свое отношение к этой доктрине. Он не возражает, что деньги не обязательно теряют ценность, когда перестают быть законным платежным средством, и что аналогичный аргумент можно использовать для доказательства того, что одежда не является богатством. Вместо этого он использует эту идею как средство опровержения противоположной ошибки, которая для него более неприятна, и на ее основе погружается в обсуждение истинных и ложных финансов.[690] Из этого, а также из отрывка в *"Этике"*, можно сделать вывод, что он согласен с доктриной киников о деньгах. Он утверждает, что они были введены соглашению (κατὰ συνθήκην); что из-за этого они называются νόμισμα, поскольку их ценность не естественная, а юридическая; и что они могут в любой момент быть изменены или бесполезны.[691] В свете других свидетельств, однако, кажется вероятным, что здесь он хотел подчеркнуть лишь тот факт, что общее согласие общины необходимо, прежде чем что-либо может быть использовано в качестве символа требования. Говоря о том, что деньги могут стать бесполезными, он, вероятно, имел в виду сами деньги, а не их материал, что, конечно же, верно. Его решительная оппозиция меркантильной теории денег, как основы ложных финансов, привела к тому, что он стал выглядеть приверженцем противоположной ошибки. О том, что на самом деле он признавал необходимость внутренней стоимости как атрибута денег, ясно свидетельствует другой отрывок, где он это уточняет. Он говорит, что материал, выбранный в качестве денег, был товаром и легко поддавался обработке.[692] Это может означать только то, что он подвержен спросу и предложению, как и любой другой предмет обмена. Этот вывод подтверждается другим отрывком, в котором говорится, что стоимость денег колеблется, как и стоимость других вещей, только не в такой степени.[693] Более того, в его перечислении различных видов богатства деньги регулярно фигурируют.[694] Поэтому кажется очевидным, что он не стал

жертвой ни той, ни другой ошибки, а признал, что, хотя деньги являются лишь представительным богатством, сами они - товар, стоимость которого меняется в зависимости от спроса и предложения, как и других товаров.[695] Поскольку он понимал использование денег как стандарта отложенных платежей, он также ясно видел необходимость стабильного денежного стандарта.[696]

Хотя Аристотель определяет деньги как представительское богатство, он, как и Платон, не понимает их значения как представительского, а значит, производительного капитала.[697] В его глазах такое использование денег несправедливо и противоречит природе. Он считает ростовщичество (τοκισμός) значительной частью этого ложного финансирования, которое превращает деньги из их истинной функции в предмет торговли.[698] Те, кто ссужает небольшие суммы под высокий процент, достойны презрения,[699] а мелкое ростовщичество (ἡ ὀβολοστατική) - самая неестественная и жестокая форма хрематистики, поскольку заставляет деньги воспроизводить деньги.[700] Следует, однако, заметить, что его критика направлена главным образом против мелких процентов, и что он, по-видимому, думает не о "крупных займах под залог целого груза, а о мелких займах нуждающимся беднякам под большие проценты." Хотя весь его рассказ о фальшивых финансах демонстрирует враждебность к драгоценным металлам, как их основной причине и источнику индивидуального и национального вырождения,[702] все же он ясно оценивает их необходимую функцию в государстве, и его враждебность фактически направлена против духа коммерциализма. Деньги, средство, узурпировали место цели, пока и домашняя, и государственная экономика не стали означать лишь вульгарное искусство приобретения.[703]

Обычное объяснение того факта, что греческие теоретики не смогли понять производительную силу денег, заключается в том, что кредиты почти полностью шли на потребление и поэтому выглядели как угнетение бедных.[704] Это объяснение, однако, не согласуется с фактами афинской жизни, по крайней мере во времена Аристотеля. Из *частных ораций* Демосфена ясно, что в Афинах его времени действительно существовала обширная банковская и кредитная система для продуктивных целей.[705] Более того, враждебное отношение к процентам и кредиту было не правилом, а исключением, поскольку именно Демосфен, а не философы, должен быть признан выразителем общественного мнения по этому вопросу. Он считал, что в деловом мире кредит имеет такое же значение, как и сами деньги,[706] и объявлял того, кто игнорирует этот элементарный факт, простым невеждой.[707] Действительно, ростовщики были, по его мнению, самой основой процветания государства.[708] Предрассудки Платона и Аристотеля представляют собой лишь исключительную позицию чистого моралиста, который из-за сомнительной тактики ростовщиков, несправедливости и жадности в некоторых сферах современной деловой жизни стал критиковать все денежные операции.[709]

ОБМЕН

Аристотель в *"Политике"* и *"Этике"* подробно рассматривает тему обмена.[710] Он утверждает, что он возник из естественной ситуации (κατὰ φύσιν), и определяет ее как "тот факт, что у людей было больше одних товаров и меньше других, чем им требовалось." Сначала все обмены были бартерными (ἀλλαγή), и не было никакой торговли, кроме как по особой необходимости.[712] Развитие международной торговли импортом и экспортом стало возможным благодаря изобретению денег. Именно этот важный факт проводит линию раздела между старой натуральной экономикой и эпохой торговли и финансов, когда обмен и деньги стали инструментами для неограниченного индивидуального обогащения.[713]

Его теория обмена и справедливой цены вырастает из применения к обмену его определения исправительной справедливости, как среднего между двумя крайностями несправедливости.[714] Торговля справедлива, когда каждый участник ее имеет точный эквивалент (ἴσον) в стоимости, с которым он начал. Обмен является средством между прибылью и убытком, которые сами по себе не имеют должного отношения к его истинной цели.[715] Это не означает, что торговцы должны получать взамен то же самое (τὸ ἀντιπεπονθὸς κατ᾽ ἰσότητα), но эквивалентное, или пропорциональное воздаяние (τὸ ἀντιπεπονθὸς κατ᾽ ἀναλογίαν).[716] Именно этот факт пропорционального возмещения делает возможным обмен и, собственно, человеческое общество.[717] Смысл иллюстрируется пропорцией, в которой производители находятся в таком же отношении друг к другу, как и их продукты.[718] Соединяя средства и крайности, обменщики приводятся к основе пропорционального равенства (τὸ κατὰ τὴν ἀναλογίαν ἴσον).[719] Таким образом, определяется, сколько обуви, изделия сапожника, должно быть отдано за дом, изделие строителя, и цены двух товаров справедливо устанавливаются по отношению друг к другу.[720] Для справедливого обмена очень необходимо, чтобы такое пропорциональное равенство было осуществлено до того, как произойдет воздаяние или фактическая передача. В противном случае один получит оба превосходства (ἀμφοτέρας τὰς ὑπεροχάς), и равенство станет невозможным,[721] так как стоимость производства вещей очень различна.[722] Действительно, сами искусства не могли бы существовать, если бы выгода для потребителя не была сходна по количеству и качеству с затратами для производителя.[723]

Общим элементом в различных товарах, который делает их соизмеримыми, является потребность, или спрос (ἡ χρεία), на взаимные услуги.[724] Но на основе сиюминутной потребности или в режиме бартера справедливый обмен был бы практически невозможен, поскольку конкретные потребности A и B в любой данный момент вряд ли совпадают. В таком случае обмен был бы грубым игнорированием издержек производства. Этого удалось избежать благодаря введению денег в качестве заменителя спроса,[725] символа общей, а не конкретной потребности. Таким образом, становится возможным справедливый обмен, ибо деньги, как представитель общей потребности, всегда одинаково востребованы всеми, и, как общий знаменатель стоимости, только они дают возможность обменивать пропорциональные количества каждого товара.[726]

Основополагающая предпосылка теории справедливого обмена Аристотеля, согласно которой, если каждая сторона не получает равное количество стоимости, одна сторона должна потерять то, что приобретает другая, подверглась резкой критике Менгером.[727] Он возражает, что определяющим фактором в обмене является не равная стоимость обмениваемых товаров. Напротив, люди торгуют только тогда, когда рассчитывают улучшить свое экономическое положение. "Если они хотят улучшить свое экономическое положение, то не для того, чтобы глейхес геген глейхес хинзугебен; а для того, чтобы их бедурфнисы были настолько полными, что при наличии гегенизированных верхельтниссен диес цулассиг цу бефридиген". Каждый отдает другому только столько своего товара, сколько необходимо для обеспечения этой цели, и именно эта конкуренция на открытом рынке устанавливает цены". Баркер[728] также критикует Аристотеля на том основании, что он не учитывает спрос в своей теории справедливой цены. Он утверждает, что если бы издержки производства были единственным элементом, который необходимо учитывать, то доктрина могла бы быть правильной, но с учетом спроса можно покупать по низкой цене и продавать по высокой без всякой несправедливости.

Разумеется, теория, согласно которой при обмене один обязательно теряет то, что приобретает другой, несостоятельна. И все же есть что сказать в пользу Аристотеля. Он, как

и Менгер, признавал, что обмен, осуществляемый розничными торговцами, не согласуется с его идеей справедливой цены. Именно по этой причине он возражает против розничной торговли. Он представляет обмен не таким, какой он есть, а таким, каким, по его мнению, он должен быть. Его доктрина, в двух словах, заключается в том, что главной целью обмена является прибыль, *определяемая как экономическое удовлетворение взаимных потребностей*, а не прибыль в долларах и центах. Равенство, к которому он стремится, заключается не столько в равенстве стоимости в оболах и драхмах, сколько в том, чтобы каждый получал равное количество экономического удовлетворения. В этом и заключается истинная позиция, а когда, как это часто бывает, в процессе обмена преобладает лишь цель заработать деньги, то прибыль слишком часто достигается за счет другой стороны. Такой обмен, конечно, не означает экономического прогресса или всеобщего процветания. Он просто делает возможным увеличение неравенства богатства и бедности. Распространенная идея о том, что бизнес обязательно увеличивает богатство государства, во многом ошибочна. Рёскин, хотя, как и Аристотель, придерживался крайних и односторонних взглядов, бил в корень этой ошибки. Он также заявил, что результатом обмена должна быть выгода, а не прибыль, и отверг идею о том, что сам факт смены товаров обязательно означает всеобщее обогащение.[729] Центральная истина в их протесте должна быть высказана, хотя оба ошибались, недостаточно признавая, что труд, вовлеченный в обмен, создает добавленную стоимость времени и места, а потому имеет право называться производительным. Они также не учли факт необходимого риска, связанного с обменом, который должен быть возмещен справедливой дополнительной прибылью. По поводу захвата рынков и манипулирования ценами ради индивидуального обогащения у современных экономистов и государственных деятелей, наряду с Аристотелем и Рёскином, быстро появляются только слова протеста.

Более того, вопреки утверждению Баркера, спрос, как элемент цены, занимает видное место во всей этой дискуссии об Аристотеле. Он, однако, возражает против того, чтобы позволить эффекту спроса чрезмерно преодолевать издержки производства, вызывая тем самым неравенство и несправедливость. Согласно его идее, каждый получает эквивалент по стоимости того, что он дает, в том смысле, что это результат пропорционального влияния как затрат, так и потребностей.[730] Тем не менее, мы можем наблюдать прекрасный пример непоследовательности в том, что, несмотря на его настойчивое требование справедливого обмена, он, кажется, рассматривает монополию как законный принцип финансирования как людей, так и государств,[731] хотя его намерением в этом отрывке, возможно, было обсудить реальные условия, а не идеализировать.

Естественно, философ не проявляет никакого интереса к налогу на импорт как средству развития промышленности и торговли своего государства, поскольку он особенно желает ограничить и то, и другое. Однако он не закрывает глаза на преимущества экспортной и импортной торговли для нации,[732] но регулировал бы их с этической, а не экономической целью.[733] Его доктрина обмена как формы производства обсуждалась выше,[734] и будет затронута далее на следующих страницах. Его общая критика того, что он называет "ложными финансами" или "хрематистикой" (χρηματιστική), требует более подробного рассмотрения.

Мы видели, что он признает необходимость ограниченной формы обмена, свободной от цели наживы, и считает такую торговлю естественной и соответствующей той

взаимозависимости, которой требует природа.[735] Он называет ее самой связью социальной организации,[736] и даже считает международную торговлю необходимой для процветания государства.[737] Мы также видели, что он заходит так далеко, что советует богатым в демократическом обществе давать бедным старт в бизнесе,[738] но что обмен в его распространенной форме является для него методом мошенничества, в котором один приобретает то, что другой теряет.[739]

На основе этого предрассудка он строит свои аргументы в пользу внутренней экономики (οἰκονομική) в противовес ложным финансам.[740] Поэтому мы рассмотрим всю его теорию этих отношений в этом пункте, поскольку термин "хрематистика", хотя и более всеобъемлющий, чем обмен (μεταβλητική), имеет в качестве преобладающего элемента торговлю либо товарами, либо деньгами (καπηλική), и эти два термина часто используются им как синонимы. Он использует слово χρηματιστική в нескольких значениях - обычно для обозначения неестественных финансов, или искусства зарабатывания денег путем обмена товаров или денег; иногда как синоним κτητική, общего термина для всего дела приобретения, включая как естественные, так и неестественные финансы;[741] опять же, для естественных финансов, которые являются частью домашней экономики. Его путаница частично проистекает из тщетной попытки отделить земельную собственность от общей промышленности и торговли.

Его главное утверждение состоит в том, что существует жизненно важное различие между домашним хозяйством, будь то домохозяин (οἰκονόμος) или государственный деятель, и искусством приобретения или финансов, как это обычно делается. Основная функция финансового искусства заключается в обеспечении, а функция домашней экономики - в использовании того, что обеспечено.[742] Существует, однако, множество методов приобретения (κτητική; χρηματιστική), некоторые из которых действительно относятся к сфере домашней экономики.[743] Обеспечение всем тем, что дано самой природой, как необходимым для человеческого существования, то, если этого еще нет под рукой (ὑπάρχειν), принадлежит должным образом к домашнему хозяйству.[744] Оно и использует, и обеспечивает подлинное богатство, такое, которое ограничено в количестве (οὐκ ἄπειρος), но достаточно для независимости (αὐτάρκεια) и хорошей жизни.[745] Но использование такого богатства является его главным делом.[746] Другой вид приобретения, неограниченный, или хрематистика, противоречит природе и не относится к области домашней экономики.[747] Эти противоестественные финансы, поскольку они занимаются главным образом обменом денег и других товаров, можно назвать розничной торговлей (καπηλική).[748] Хотя сама по себе она ложна, она является логическим перерастанием (κατὰ λόγον) истинной формы обмена, которая ограничена действительными потребностями[749] в результате изобретения денег.[750] Но истинная причина его стремления - удовлетворение злого и неограниченного желания материальных вещей.[751] Он производит деньги только через обмен деньгами (δι1α χρημάτων μεταβολῆς),[##] и его начало и конец - неограниченная валюта.[752]

Эту ложную форму приобретения часто путают с необходимым обменом, поскольку и то, и другое имеет дело с деньгами.[753] Их цели, однако, совершенно различны. В последнем случае накопление денег (αὔξησις) рассматривается как средство, а в первом - как высшая цель жизни.[754] В целом, таким образом, Аристотель учит, что необходимая хрематистика имеет отношение к снабжению и использованию жизненных потребностей, является естественной (κατὰ φύσιν или οἰκειοτάτη) и ограниченной,[755] ее главной функцией является надлежащее распоряжение продуктами.[756] Это почетное занятие,[757] зависящее главным образом от плодов и животных,[758] и предполагающее практические знания о запасах (κτηνή), земледелии, пчеловодстве, деревьях, рыбе и птице.[759] Ложные же финансы

противоестественны, бесчестны и обогащаются за счет другого.[760] Главным делом его является торговля (ἐμπορία), включая морскую (ναυκληρία), внутреннюю (φορτηγία) и цеховую (παράστασις) торговлю.[761] Она также включает в себя ростовщичество (τοκισμός) и наемный труд, как квалифицированный, так и неквалифицированный (μισθαρνία ἡ μὲν τῶν βαναύσων τέχνων ἡ δὲ ἀτεχνῶν).[762]

Аристотель выделяет и третий вид финансов (χρηματιστική), который имеет общую природу с обоими вышеописанными. Он имеет дело с природными ресурсами и их продуктами, а также с вещами , которые, хотя и полезны, но не являются плодами (ἀκάρπιμα), например, с рубкой дерева (ὑλοτομία) и горным делом во всех его отраслях (μεταλλευτική).[763] Смысл может быть лучше понят, если вместе с Эшли[764] мы заметим, что οἰκονομική характеризуется не только непосредственным приобретением продуктов природы, но и личным использованием их, тогда как неестественные финансы не имеют ни одного из этих качеств. Средний вид, таким образом, похож на первый тем, что предполагает непосредственное приобретение природных ресурсов, но похож на второй тем, что приобретает не для непосредственного личного пользования, а для обмена. Таким образом, он состоит не столько из самих искусств, сколько из обмена, который на них основан.

Рассуждая о так называемых ложных финансах, Аристотель, таким образом, демонстрирует явно враждебное отношение к любому широкому развитию обмена. Посредник рассматривается как паразит и неизбежно вырождается в силу самого факта своей деятельности.[765] Как видно из вышеизложенного, его критика, несомненно, была направлена главным образом против подлого и нечестного духа в реальной розничной торговле и денежном ростовщичестве его времени.[766] Однако и здесь, как и в рассмотренном выше отрывке из *"Этики*", его предрассудки не позволяют ему понять, что обменщики могут быть настоящими производителями и что, в конце концов, даже предполагаемые ложные финансы не безграничны, а четко ограничены экономическим спросом.[767] Еще хуже то, что он включает наемный труд любого рода в понятие неограниченного приобретения только потому, что он обладает некоторыми другими качествами этого типа экономики, хотя он, конечно, не стремится к неограниченному обогащению даже в такой степени, как сельское хозяйство.[768] Однако ему следует отдать должное за то, что он стал предшественником современной гуманитарной экономики, которая настаивает на том, что конечной целью всей экономики должно быть правильное потребление, а приобретение должно быть низведено до своего истинного места средства, высшей же целью является благосостояние человека.[769]

НАСЕЛЕНИЕ

Аристотель проявляет интерес к проблеме населения по отношению к средствам существования в своей критике Платона за то, что тот ограничил количество имущества и сделал его неделимым, не предусмотрев при этом слишком высокой рождаемости.[770] Он утверждает принцип, что если имущество должно быть ограничено, то должно быть соответствующее ограничение на увеличение населения,[771] и что за политикой "дай волю" должна следовать растущая бедность.[772] Поэтому он критикует спартанский закон за поощрение самых больших семей.[773] Однако очевидно, что, как и в случае с Платоном, его интерес к этой проблеме продиктован главным образом морально-политическими мотивами. Она проистекает лишь из его желания ограничить индивидуальные приобретения в искусственно созданном небольшом государстве и ни в коем случае не является для него вопросом мирового продовольственного снабжения.[774]

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

В отрывке *из "Этики"*, рассмотренном выше,[775] Аристотель подходит к научной теории распределения. Он замечает, что справедливое распределение будет средним между двумя крайностями несправедливости.[776] Однако, в отличие от некоторых современных людей, он понимает, что это не будет означать равные доли для всех. Должно быть одинаковое соотношение между людьми, или услугами, и вещами.[777] В "взаимном обмене услугами" должен действовать закон пропорционального возмещения.[778] Другими словами, каждый должен получать эквивалент того, что он вносит.[779] Таким образом, распределение должно происходить в соответствии с определенным стандартом ценности или пустыни (κατ᾽ ἀξίαν τινά).[780] Если индивиды неравны, то их доли не могут быть равными, и это является плодотворным источником споров, когда равные получают неравные доли, а неравные - равные.[781] С другой стороны, Аристотель признает, что определить этот стандарт, по которому должно происходить справедливое распределение, - дело непростое.[782] В этот момент он снова ясно показывает, что его первостепенный интерес к этой проблеме не экономический. Он называет четыре возможных стандарта - свобода, богатство, благородное происхождение и общее превосходство - и все они носят ярко выраженный политический характер.[783]

Хотя он настаивает на справедливом распределении богатства между гражданами, вряд ли можно сказать, что он проявляет такой же интерес к благосостоянию простых людей, как Платон. У него было не очень идеальное представление о человеческой природе в целом. Он счел бы не только нецелесообразным, но и нежелательным широко применять свою доктрину досуга. Как видно из вышеизложенного, он включает весь наемный труд в ложные финансы, а всю промышленность, включая сельское хозяйство, отдает на откуп рабам и чужеземцам. Жизнь как механика, так и торговца представляется ему благородной.[784] Он советует принять меры, чтобы держать рабочих в повиновении и подчинении.[785] Его несправедливая критика *"Республики"* Платона на том основании, что она недостаточно подчеркивает благосостояние частей государства и недостаточно четко определяет статус общин, обнаруживает дух, который не полностью игнорирует массы.[786] Его требование, чтобы ни один гражданин не испытывал недостатка в средствах к существованию,[787] его обеспечение *сусситии* для всех,[788] его настойчивое требование, чтобы на рынке не господствовала простая экономическая корысть,[789] и его акцент на важности сильного среднего класса в государстве,[790] - все это показывает, что, по крайней мере, в интересах сохранения государства, он в какой-то степени заботился об экономическом благосостоянии всех классов. Было бы неверно делать вывод из его предложений о помощи массам в условиях демократии, что он предложил бы аналогичные советы для идеального государства. Более того, его главный акцент в этом отрывке сделан на идее Милля, что простая помощь бедным из рук в руки расточительна, и что необходимо помочь им стать экономически независимыми.[791] Тем не менее его предложение показывает, что он ясно видел связь, существующую в демократии между экономическим состоянием масс и стабильностью государства.[792] Он говорит, что истинный друг народа (ἀληθινῶς δημοτικός) увидит, что массы не очень бедны, ибо лучшей гарантией прочного благосостояния государства является прочное процветание подавляющего большинства населения. Поэтому он советует богатым жертвовать деньги на предоставление земельных участков или капитала для мелких предприятий нуждающимся беднякам.[793] Однако, хотя внешне этот совет кажется благоприятным для общинников, на самом деле это благоразумное предложение для высших классов, апеллирующее к их эгоистическим интересам избежать таким способом опасности появления недовольного пролетариата.[794] Тем не менее, общая экономическая позиция Аристотеля позволяет включить его вместе с другими греческими

мыслителями в высказывание Рошера: "Die hellenische Volkswirtschaftslehre hat niemals den grossen Fehler begangen, über dem Reichtume die Menschen zu vergessen, und über der Vermehrung der Menschenzahl, der Wohlstand der einzelnen gering zu achten."

Аристотель ясно выражает свое отношение к институту частной собственности и другим связанным с ним вопросам, как в своей критике других мыслителей, так и в собственных позитивных предложениях идеального государства. Благодаря своим возражениям против систем Фалея и Платона он приобрел репутацию великого защитника частной собственности в Греции. Мы увидим, насколько верна такая его интерпретация. Наше рассмотрение его теории может быть сведено к некоторым темам, которые являются основополагающими для проблемы распределения.

Он признает, что в доктрине экономического равенства может быть определенная мудрость.[796] Попытка уравнять владения может несколько предотвратить гражданскую рознь.[797] Однако она способна вызвать смуту со стороны эксплуатируемых классов,[798] и такие меры облегчения удовлетворят массы лишь на время, поскольку они, как известно, ненасытны.[799] Поэтому, по его мнению, более разумным средством является уравнивание желаний, а не собственности,[800] , которое должно быть осуществлено путем надлежащего образования и правильной конституции, при которой высшие классы не будут угнетать, а массы будут сдерживаться. Здесь мы имеем еще один веский аргумент против более радикального типа социализма. Он напоминает современную доктрину о частной собственности как общественном фонде,[801] и представляет собой явную антитезу между отношением греческих мыслителей и современной социал-демократии.[802]

Аристотель утверждает далее, что уравнивание собственности было бы бессильно предотвратить что-либо большее, чем просто мелкие преступления, поскольку самые грубые из них являются результатом неумеренных желаний, а не неспособности обеспечить жизненно необходимые вещи.[803] Кроме того, существует множество других естественных жизненных неравенств, которые могли бы вызвать недовольство.[804] Это разумное замечание, которое часто упускают из виду современные радикальные социалисты, хотя его автор мог бы возразить, что такие личные различия также делают невозможным постоянное равенство собственности. Однако на его предыдущий аргумент, что безнравственность и преступления являются результатом неумеренных желаний, а не экономической необходимости, сегодня можно ответить результатами исследований о связи заработной платы с моралью.

Доктрина коммунистического равенства, проповедуемая некоторыми теоретиками в Греции V-IV веков и сатирически описанная Аристофаном,[805] не имела для Аристотеля никакой привлекательности. Для него это был всего лишь тонко завуалированный индивидуализм. Он видел эгоистическую предвзятость как олигархов, так и демократов и признавал, что все люди - плохие судьи в вопросах, которые касаются их самих.[806] Чрезмерный индивидуализм радикальных демократов его времени, позволявший большинству конфисковывать собственность меньшинства во имя ложного равенства, был ему так же ненавистен, как и Платону.[807] Как видно выше, он настаивал на том, что нельзя требовать экономического или политического равенства, кроме как на основе равенства служения.[808] Эксплуатация со стороны радикальной демократии была, в его глазах, так же плоха, как правление тирана,[809] и безжалостный индивидуализм классов был не лучше.[810] Как и Платон, он противопоставил бы им обоим общий интерес и объединил бы массы и классы в стремлении реализовать высшую нравственную жизнь индивида через государство.[811] Он опроверг теорию софистов об общественном договоре и справедливости как простую условность.[812] Как заметил Стюарт, он понимал, что "более мощные причины, чем простое восприятие материальной

выгоды, привели людей в социальный союз и удерживают их в нем". Каждый гражданин, считал он, не является собственным господином, но все принадлежат государству. Каждый является членом (μόριον) общественного организма, и забота каждого, естественно, связана с благом целого.[814]

Дальнейшая критика Аристотелем предложений Фалея и Платона о равенстве имущества, не имеющая большого значения, сводится к следующему: Они не приняли мер предосторожности, чтобы соответствующим образом регулировать численность населения.[815] Они не установили должного предела между роскошью и скупостью для индивидуального имущества.[816] Система Платона не является основательной, поскольку допускает неравенство в личной собственности, что также справедливо в отношении его собственных предложений.[817] Фалеас не включил личную собственность в свою систему равенства.[818] Подобные строгости, похоже, исходят из его педантичного желания критиковать непоследовательность. Однако, возможно, он яснее, чем Платон, понимал опасность пресса нищеты, который в конечном итоге должен быть следствием системы, подобной той, что изложена *в "Законах*".[819]

Наш автор также решительно отрицает как мудрость, так и осуществимость коммунизма в *"Республике"*.[820] Он утверждает, что предложенный Платоном семейный коммунизм основан на ложном принципе, что государство должно состоять из подобных элементов,[821] и показывает, что он не должен достичь своей цели - гармонии, поскольку платоновское "все" должно означать всех вместе взятых.[822] Но это должно привести, если осуществится, к уменьшению преданности,[823] и, таким образом, к отсутствию той самой гармонии, к которой стремились,[824] , поскольку одним из главных источников привязанности в мире является исключительная собственность.[825] Поэтому он счел бы такую меру более подходящей для третьего сословия, поскольку ослабление их привязанностей может привести к большему подчинению правителям,[826] еще одно яркое свидетельство пропасти, разделяющей идеал греческой политической мысли и дух современной демократии.

Более того, он считает необоснованным предположение Платона о том, что государство, чтобы быть единством, должно быть лишено всех частных интересов[827] и утверждает, что общее владение чем-либо скорее приведет к раздорам, чем к гармонии.[828] По его мнению, нынешняя система частной собственности, если она сопровождается правильным моральным тоном и надлежащими законами, сочетает в себе преимущества как общего, так и индивидуального владения.[829] Таким образом, владение собственностью должно быть частным, но в ее фактическом использовании должна присутствовать определенная дружеская общность.[830] Таким образом будет предотвращено двойное зло - раздоры и пренебрежение, которые должны быть результатом недовольства и отсутствия личной заинтересованности при коммунизме.[831] В качестве замены платоновской доктрины он предлагает свой собственный идеал взаимного равенства (τὸ ἴσον τὸ ἀντιπεπονθός) как реального цемента общества.[832] В любом случае, утверждает он, нынешнее зло проистекает не из частной собственности, а из испорченности человеческой природы (μοχθηρίαν),[833] и целью должно быть улучшение этого путем моральной и интеллектуальной культуры, а не попытка улучшения путем создания совершенно новой системы.[834] Последний метод, даже в случае успеха, приведет не только к избавлению от некоторых из нынешних зол, но и к потере нынешних преимуществ частного владения.[835]

Все вышеприведенные аргументы демонстрируют замечательную практическую проницательность и часто встречаются в современной критике социализма. Возражение, что индивидуальные усилия и промышленность будут парализованы, если их лишить стимула личной заинтересованности и собственности, хотя и является общим фактом

человеческой природы, не должно быть обоснованным против системы, где каждый имеет возможность развиваться в меру своих возможностей. В индивидуалистической системе , конечно, мало что может побудить огромную массу людей к промышленности, кроме пресловутого волка у двери. Но Аристотель думает не о массах. Современным социалистам и доктринерским реформаторам можно возразить, что зло проистекает из человеческой природы, а не из экономической системы, однако именно этот факт является дополнительной причиной, по которой система должна быть реформирована, чтобы обуздать такие неправильные тенденции. Акцент на образовании как на лекарстве от существующих бед мудр, и это вполне может быть более полно признано современными социалистами, хотя и Аристотель, и более поздние критики предлагаемых социальных реформ ошибаются, подразумевая, что эти два метода являются взаимоисключающими. Предупреждение о том, что, отказавшись от режима частной собственности, мы не только избавимся от его пороков, но и потеряем его преимущества, должно быть обдумано агитаторами против существующей экономической системы. Современные социалисты также могли бы многое почерпнуть у Аристотеля и других греческих мыслителей в отношении истинного общественного идеала, как не материалистического и эгоистического, а морального и социального. В целом можно заметить, что критика Аристотелем предполагаемого коммунизма Платона в *"Республике"* была бы гораздо более применима к современному социализму.

Что *касается сусситии*, то Аристотель предлагает систему, аналогичную той, что описана *в "Законах*" Платона.[836] Он резко критикует спартанский метод, который требовал от каждого гражданина, как богатого, так и бедного, вносить свой вклад в общую трапезу под страхом лишения гражданства.[837] С другой стороны, он восхваляет критскую систему, которая позволяла всем гражданам, включая женщин и детей, питаться за общим столом за государственный счет.[838]

Мы видели, что Платон в *"Законах*", хотя и допускает частную собственность на землю, на самом деле отрицает ее, поскольку делает продукт земли практически общественной собственностью.[839] Аристотель, несмотря на свои строгие требования против коммунизма, отстаивает весьма схожую систему землевладения. Его ограничение свободы дарения или завещания, покупки или продажи; его требования, чтобы участок никогда не покидал семью, чтобы он всегда передавался по законному наследству и чтобы ни одному гражданину никогда не разрешалось владеть более чем одним участком, - все это платоновские принципы, которые делают его несомненным сторонником семейной, а не частной собственности на землю.[840] Его коллективизм более прямой, чем в *Законах*, поскольку он делает часть земли полностью общественной, чтобы покрыть расходы на богослужение и общую трапезу.[841] Выделение участков гражданам происходит на тех же условиях, что и в *Законах*, за исключением того, что владельцы являются хозяевами продукта своих участков.[842] Несмотря на критику платоновского деления на участки, он придерживается того же плана.[843] Как и в *"Законах*", землевладельцами являются только граждане, причем в их число входят только правящие и военные классы,[844] а все земледельцы должны быть государственными или частными рабами.[845] Однако, в отличие от Платона, Аристотель не пытается избежать чрезмерного неравенства в личной собственности.[846] Он не устанавливает максимума, выше которого товары должны быть конфискованы, и не создает, как Платон, строгую систему законов, препятствующих торговле и делающих практически невозможными денежные операции. Он признает, что такие правила невыполнимы, и поэтому его законодательство более учитывает человеческую природу, несмотря на то, что его враждебность идеалу коммерции еще более выражена, чем у Платона.[847]

Из предшествующего изложения отрицательного и положительного учения Аристотеля по вопросу о частной собственности видно, что его система в значительной степени совпадает с системой второго государства Платона.[848] Кроме отмеченных выше точек сходства, он согласен со своим предшественником в том, что сильно подчеркивает власть государства над жизнью граждан. Оба настаивают на том, что гражданин принадлежит не себе, а государству, и может реализовать свою лучшую жизнь только через государство.[849] Таким образом, Аристотель далек от того, чтобы быть защитником частной собственности в абсолютном смысле. С другой стороны, его акцент на социальной обязательности индивидуального владения является если не социалистическим, то, по крайней мере, очень современным. Он, безусловно, гораздо лучший социалист, чем предполагаемый коммунист из *"Республики"*, которого он так сурово критикует. Как и Платон из "*Законов*", он является полуколлективистом. Как заметил Баркер,[850] Аристотель мыслил в терминах земли, в то время как современный социализм мыслит в терминах капитала и труда. Обе точки зрения предполагают общественную собственность и ограничение личности, и в этом отношении греческий мыслитель был социалистом по своей тенденции. Но, несмотря на их социальный дух и тенденцию к национализму, которая так сильна сегодня во всех прогрессивных странах, ни он, ни Платон не были социалистами в современном понимании ни по духу, ни по цели.[851] Поэтому любые попытки прямого сравнения с современным социализмом, скорее всего, будут причудливыми и запутанными. Какие бы аналогии между ними ни существовали, они носят весьма общий характер, и на них не следует настаивать.[852]

ГЛАВА VII
МАЛЫЕ ФИЛОСОФЫ, СОВРЕМЕННИКИ ИЛИ ПРЕЕМНИКИ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ

Малые философы, современники или преемники Сократа, в своих сохранившихся фрагментах излагают некоторые идеи о богатстве и других экономических проблемах, которые заслуживают внимания. Для удобства мы сгруппируем их всех здесь, хотя некоторые из них хронологически предшествуют одному или обоим великим философам. Преемники Платона в Академии, Спевсипп, Ксенократ и Крантор,[853] продолжали учение сократиков о богатстве, в отличие от более крайних доктрин киников и стоиков.[854] Однако в их трудах, вероятно, меньше внимания уделялось экономическим вопросам, поскольку их главным интересом была практическая индивидуальная этика, а не политическая мораль Платона и Аристотеля, хотя известно, что Ксенократ написал *"Экономикус"*.[855]

Теофраст,[856] первый и величайший преемник Аристотеля в перипатетической школе, был автором трактата о богатстве, от которого мы знаем только название.[857] Он также, вероятно, в некоторой степени касался экономических вопросов в своих *"Этике"* и *"Политике"*, но до нас дошли лишь незначительные фрагменты обеих работ. Он проявляет несколько большее уважение к важности внешних благ, чем Аристотель, возможно, из-за своей особой любви к спокойной и неторопливой жизни ученого.[858] Однако нет никаких свидетельств того, что он заходил так далеко, чтобы приписывать положительную ценность богатству как таковому. Напротив, он советует не зависеть от него, живя простой жизнью,[859] и призывает отказаться от вульгарной показухи.[860] Как и Аристотель, он предпочитает умеренное богатство,[861] и находит его главную ценность в том, что оно позволяет человеку иметь честь делать

великолепные подарки людям.[862] Он приближается к космополитическому духу стоиков, делая акцент на естественном родстве всех людей,[863] результат расширения кругозора, вызванного объединением Греции под властью Македонской империи. Из других представителей перипатетической школы ничего интересного нет, за исключением *Евдемовой этики* и *Magna moralia*, которые были включены в наше обсуждение Аристотеля, и псевдоаристотелевской *"Экономики"*, которая будет рассмотрена на следующих страницах.

ЭКОНОМИКА

Экономики были одним из характерных типов греческой литературы, после *"Экономик"* Ксенофонта.[864] Они обсуждали богатство с этической точки зрения, касались в основном домашнего, а не общественного хозяйства, и рассматривали вопросы человеческих отношений, такие как рабство и супружеская жизнь. В целом они представляют собой подражание Ксенофонту и *"Политике"* Аристотеля и мало что интересного добавляют к экономической теории Сократа. Помимо работы, ложно приписываемой Аристотелю, о которой пойдет речь ниже, *"Экономику"* писали Антистен,[865] Ксенократ,[866] Филодем,[867] Метродор из Лампсака,[868] Иерокл,[869] Дио Хризостом,[870] Плутарх,[871] и новопифагорейцы,[872] Брайсон,[873] Калликратид,[874] Периктион,[875] и Финтис.[876]

Псевдоаристотелевская *"Экономика"*[877] не требует расширенного обсуждения, поскольку большая часть представляющего интерес материала в ней является подражанием *"Политике"* Аристотеля и *"Экономике"* Ксенофонта. Книга i в основном повторяет некоторые теории Аристотеля о домашнем хозяйстве, брачных отношениях и рабстве, с несколькими несущественными дополнениями и небольшими отличиями.[878] Книга ii почти полностью состоит из практических примеров того, как государства и правители обеспечивали себя необходимыми средствами.

Наиболее характерным моментом в учении первой книги является отделение οἰκονομική от πολιτική как особой науки.[879] Автор, однако, соглашается с Аристотелем, что функция экономики состоит как в приобретении, так и в использовании, хотя и не делает конкретных ограничений на приобретение.[880] Он выделяет четыре формы экономики - приобретение, охрана, использование и приведение в надлежащий порядок.[881] В другом месте он проводит иную классификацию по другому основанию - имперская, провинциальная, государственная и частная.[882] Каждая из них подразделяется далее, первая включает финансы, экспортную и импортную торговлю и расходы.[883]

В духе Ксенофонта и Аристотеля автор особенно превозносит сельское хозяйство. Оно является главным средством естественного приобретения богатства, другими являются горное дело и смежные искусства, источником богатства которых является земля.[884] Это самое справедливое приобретение, так как оно не приобретается у людей ни торговлей, ни наемным трудом, ни войной,[885] и оно вносит наибольший вклад в мужскую силу.[886] Розничная торговля и банальные искусства, с другой стороны, противоречат природе,[887] поскольку делают тело слабым и неэффективным (ἀχρεῖα).[888]

Работа согласна с Аристотелем в противовес Платону в его учении о том, что мужчины и женщины существенно отличаются по своей природе, и поэтому их работа должна быть различной.[889] Не предпринимается попыток оправдать рабство, хотя Аристотель следует совету даровать освобождение в качестве особой награды за верность.[890] Автор Книги II, похоже, принял как данность киническую теорию о том, что деньги не должны иметь внутренней ценности, по крайней мере для местных целей. Чеканка железных монет,[891]

оловянных,[892] бронзовых,[893] произвольная чеканка драхм с двойной стоимостью,[894] - все это предлагается, по-видимому, как надлежащее средство для выхода из финансовых затруднений. Как и Аристотель, он признает монополию проницательным и законным принципом финансирования.[895] В других местах, однако, в разительном контрасте с такими неэкономическими предложениями, автор излагает важный экономический принцип, согласно которому расходы не должны превышать доходы.[896] В соответствии с греческой практикой, он знаком с налогом на экспорт для получения дохода и как средство защиты от истощения предложения.[897]

КИРЕНАИКИ

Киренаики были предшественниками эпикурейцев в их более либеральном отношении к богатству. Аристипп,[898] основатель школы, был человеком мира, который верил в наслаждение жизнью, как она приходит.[899] Он считал, что удовольствие - это всегда благо, а все остальное имеет ценность только как средство для реализации этой цели.[900] Если быть последовательным, то он должен был высоко ценить умеренное богатство. Его принцип, согласно которому следует стремиться к достижению наивысшей степени удовольствия при наименьших экономических затратах, в какой-то мере аналогичен современной экономической доктрине наименьших средств.[901] Бион Бористенский в конце жизни стал киренаиком, но его сатиры почти полностью утрачены.[902]

ЭПИКУР И ЕГО ШКОЛА

Эпикур, хотя и был апостолом гедонизма и наследником киренаиков, преподавал учение о богатстве, несколько схожее с учением стоиков.[903] Его "счастье" заключалось в простой и благоразумной жизни. Он учил, что духовное богатство неограниченно и что мудрые довольствуются тем, что легко приобрести (εὐπόριστα);[904] что внешнее богатство, с другой стороны, ограничено,[905] и что не увеличение имущества, а ограничение желаний делает истинно богатым.[906] Он считал, что самая простая пища - лучшая,[907] как для удовольствия, так и для здоровья, что многие богатые не находят спасения от недугов,[908] что тот, кто не довольствуется малым, не будет доволен всем,[909] и что довольная бедность - величайшее богатство.[910] В соответствии со своим учением он, по-видимому, жил очень просто.[911] Однако он не впадал в крайности киников и стоиков, а учил, что мудрые будут заботиться о том, чтобы приобрести имущество, а не жить как нищие.[912] Он не проявлял склонности к коммунизму, а скорее к крайнему индивидуализму софистов, и сочувствовал их теории общественного договора.[913] Позже эпикурейство выродилось, приняв гедонистический принцип своего основателя слишком буквально. Как и софисты, эта школа оказала влияние на современную экономическую мысль благодаря своей концепции справедливости как простого соглашения о взаимной выгоде.[914]

ЦИНИКИ

Киники развили негативное отношение сократиков к богатству до крайних пределов аскетизма. Их доктрина была направлена против всех экономических интересов. Основатель школы Антистен был современником Платона, софистом в юности, но позже связал себя с сократическим кружком. Он занимает видное место в *"Симпозиуме"* Ксенофонта.[915] Он призывал вернуться к природе в прямом смысле слова.[916] Его книга о природе животных (περὶ ζώων φύσεως), вероятно, представляла примеры из мира животных как образцы для

естественной жизни человека. Как и многие писатели его времени и более позднего периода, он идеализировал жизнь первобытных и варварских народов.[917] В полную противоположность Аристотелю,[918] он объявил городскую жизнь и цивилизацию источником всякой несправедливости, роскоши и разврата. По его мнению, Зевс наказал Прометея не потому, что тот завидовал людям, а потому, что открытие огня было источником (ἀφορμή) всей женоподобности и роскоши для людей.[919] Материальное богатство было для него если не абсолютным злом, то чем-то таким, к чему люди должны быть совершенно равнодушны, ибо в сущности добро и зло могут иметь только моральный смысл.[920] Стремление к богатству или власти было напрасной иллюзией. Для человека нет ничего хорошего, кроме того, что ему действительно принадлежит,[921] а это можно найти только в душе.[922] Богатство без добродетели не только ничего не стоит, но и является плодотворным источником зла,[923] и ни один любитель денег не может быть ни добродетельным, ни свободным.[924] Таким образом, он продвинулся дальше сократовской доктрины способности к использованию в качестве критерия ценности.

Однако, презирая богатство, Антистен отстаивал достоинство свободного труда. Он считал его благом, благодаря которому обретается добродетель, источником независимости.[925] Как и остальные киники, он, несомненно, выступал против рабства. Кинический принцип, согласно которому все различия между людьми, за исключением различий в моральном облике, являются случайными, был прямым аргументом против рабства.[926] Также вероятно, что он придерживался кинической доктрины, согласно которой внутренняя ценность денег не нужна.[927]

Диоген Синопский, "философ пролетариата", стал более знаменитым, чем Антистен, благодаря своей эксцентричной личности.[928] Он довел киническое учение о богатстве до *абсурда*, применяя его буквально в своей собственной жизни. Его отречение от богатства и цивилизации было еще более категоричным, чем у его предшественника. Он учил, что богатство без добродетели хуже бедности.[929] Любители богатства подобны людям, страдающим водянкой, всегда жаждущим большего.[930] Желание денег - это источник и центр (μητρόπολιν) всех бед.[931] Добродетель не может обитать ни в богатом государстве, ни в богатом доме.[932] Бедность лучше согласуется с ней и не является настоящей причиной страданий.[933] Истинно благородные люди презирают богатство и выше того, чтобы их беспокоила бедность и другие так называемые недуги.[934]

Диоген, несомненно, был противником рабства и учил, что при надлежащих условиях простой жизни для него нет причин.[935] По его мнению, истинно свободные не были рабами, даже если они могли находиться в подневольном состоянии, но подлые были рабами, хотя и свободными.[936] Он написал *"Республику"*, в которой, похоже, выступал за фиатные деньги, чтобы заменить ненавистные золото и серебро[937] и предотвратить обширное накопление движимого богатства. Он также выступал за общность жен и детей,[938] и, возможно, за какую-то систему землевладения, отличную от частной собственности.[939] Кратес, поэт киников,[940] выражает сходные настроения презрения к богатству, высшего уважения к добродетели,[941] и прославления бедности,[942] Менипп и Моним оставили мало интересного в экономическом плане.

"ЭРИКСИАС"

Псевдоплатонический диалог *"Эриксий"* представляет особый интерес для нашего исследования, поскольку это единственное дошедшее до нас произведение греческой литературы, в котором прямо и исключительно рассматривается проблема богатства.[943] В произведении, однако, нет ничего нового, что не было бы замечено еще Сократом. Поэтому

утверждение Хайделя[944] о том, что это "несомненно самый ценный вклад античности в науку политической экономии", является преувеличением. Тем не менее, сочинение заслуживает большего внимания, чем обычно уделяется в историях античной экономической мысли.[945] Все, что было рассмотрено, в основном посвящено вопросу о его происхождении. В ней обнаруживаются точки соприкосновения с Платоном, поздними сократиками и особенно с киником Антисфеном, которому автор, по-видимому, симпатизировал больше всего.[946]

Два тезиса, составляющие цель *"Эриксии",* заключаются в том, что самые мудрые люди на самом деле являются самыми богатыми, и что материальное богатство - это зло, поскольку те, кто обладает большей его частью, являются самыми нуждающимися из всех, а значит, и самыми развращенными.[947] Лейтмотивом диалога является вопрос Сократа о богатом сицилийце: "Каким человеком он слыл в Сицилии?" Двойной тезис конкретно иллюстрируется на примере Сократа, мудрейшего, и сицилийца, богатейшего, но худшего из людей. Первая идея ярко выражена у Евтидема,[949] и в других местах у Платона и Ксенофонта.[950] Вторая - излюбленная доктрина киников и стоиков,[951] хотя общая мысль может быть прослежена до Сократа.[952]

Автор проявляет некоторую проницательность в проблеме стоимости. Как и Ксенофонт, он определяет имущество (χρήματα) как то, что полезно, и таким образом признает этот элемент в стоимости.[953] Он также различает общую и экономическую полезность.[954] Отвечая на вопрос, для какого конкретного использования богатство обладает полезностью, он предварительно утверждает, что для удовлетворения телесных потребностей,[955] идея, наводящая на мысль об органонной теории Аристотеля. Под этим он, несомненно, подразумевает пищу, одежду и кров, которые обладают свойством редкости. Однако это лишь шаг в аргументации, целью которой является тезис о том, что интеллектуальные достижения составляют важнейшую часть богатства человека и обладают вполне реальной экономической ценностью.[956] Таким образом, автор соглашается с Платоном, Ксенофонтом, киниками и стоиками в своем акценте на духовных благах. Различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью и необходимая зависимость последней от первой также выражаются в утверждении, что ничто не может иметь экономической ценности, если на него нет спроса. Деньги, которые ходят в одном государстве, могут не иметь ценности в другом, как и поместье богатого Политиона для скифских кочевников, поскольку на них не будет спроса.[957]

У *Эриксия* нет четкого или удовлетворительного определения богатства. Признается, что богатство должно быть определено, прежде чем можно будет установить его характер как добра или зла, но окончательный ответ нигде не появляется.[958] В этой неясности результата сильно напоминают некоторые из малых диалогов Платона. Кроме того, во всем произведении присутствует некая двусмысленность, подобная той, что наблюдается у Платона: между богатством в его строгом экономическом смысле и чрезмерным богатством. Однако из хода аргументации можно сделать вывод, что автор определяет богатство как состоящее из вещей, которые обладают полезностью и являются предметом экономического спроса, будь то внешние, физические или интеллектуальные блага.

Отношение *Эриксия* к богатству представляет собой крайний вариант того, с которым мы познакомились в "Сократиках", и лучше всего характеризуется как киническое. Как видно из вышеизложенного, автор считает внешнее богатство абсолютной противоположностью мудрости,[960] поскольку мудрость не только сама является средством обеспечения материальных потребностей,[961] но также и в особенности потому, что только благодаря ей любое материальное богатство становится по-настоящему ценным.[962] Когда последнее делается *summum bonum*, оно становится величайшим злом. Подобно Платону, Иисусу и

Рёскину, он настаивает на том, чтобы царство мудрости было поставлено на первое место,[963] ибо вещи получают свое доброе или злое качество от характера или знаний пользователя.[964] Иронический рассказ о том, как греческие отцы, даже из лучших классов (τῶν μεγίστων δοκούντων), побуждают своих мальчиков стремиться к богатству, поскольку без этого они не имеют никакого значения, почти на языке пастора Вагнера осуждает крайний коммерциализм нашего века.[965] Материальные блага, когда они используются неразумно, являются плодотворным источником бед,[966] а чрезмерное богатство - это всегда зло.[967] Однако политический мотив, который вызывал враждебность Платона и Аристотеля к чрезмерному богатству, в *"Эриксиях"* отсутствует.

До сих пор позиция автора не отличалась по существу от позиции Сократа, но к концу диалога в нем отчетливо проступает учение о том, что богатство *само по себе* является злом. Он утверждает, что потребности человека наиболее многочисленны в состоянии болезни, когда он находится в наихудшем состоянии.[968] С другой стороны, человек находится в наилучшем состоянии, когда у него наименьшие и простейшие потребности.[969] Но тот, кто обладает наибольшим имуществом, непременно нуждается в наибольшем обеспечении для обслуживания тела.[970] Таким образом, самые богатые, будучи самыми нуждающимися, являются самыми развращенными (μοχθηρότατα διακείμενοι) и самыми несчастными, а потому внешнее богатство по сути своей является злом.[971] Такая характерная для киников доктрина по сути своей является аскетической и подрывает сами основы экономики.

Эриксий намекает на определение капитала, проводя различие между прямым потреблением богатства и его использованием для дальнейшего производства.[972] Но определение капитала далеко от цели автора, и он ничего не делает из этого различия. Отношение денег к богатству также рассматривается вскользь. Как и Аристотель, он критикует определение богатства как "обладания большим количеством денег" на том основании, что деньги одной страны могут не проходить ток в другой и, следовательно, не могут быть истинным богатством.[974] Это наводит на мысль о кинической теории фиатных денег, поскольку в качестве примера используются ничего не стоящие деньги Карфагена, Спарты и Эфиопии.[975] Но этот аргумент оказывается слишком сильным, поскольку он был бы столь же эффективен против того, чтобы считать дом Политиона истинным богатством. Кроме того, в этой части диалога происходит своеобразный сдвиг между деньгами и имуществом. Теория автора подкрепляется аргументом, что можно придумать условие, при котором наши телесные потребности будут удовлетворяться без серебра и золота, и в этом случае эти металлы ничего не будут стоить.[976] Однако необходимость внутренней стоимости для международной валюты признается,[977] , и вряд ли можно считать вероятным, что целью диалога было утверждение, что деньги никогда не являются богатством, поскольку сам аргумент подразумевает, что нынешние деньги - это богатство.[978]

ТЕЛЕС

Фрагменты "Телеса" демонстрируют тот же крайний аскетизм киников по отношению к богатству.[979] Его главный тезис заключается в том, что обладание деньгами не освобождает от нужды и потребности.[980] Многие, кто обладает большим имуществом, не пользуются им из-за скупости и угодливости.[981] Но если богатство не используется, оно бесполезно и не может освободить от нужды или потребности.[982] Здесь мы встречаем иное применение критерия "использования", чем то, с которым мы познакомились у Сократа, *Эриксия* и Рёскина. Он основан на отказе, а не на неспособности использовать, хотя другая идея находится на заднем плане. Далее автор утверждает, что богатство не освобождает от нужды, потому что богатая жизнь всегда ненасытна (ἄπληστος),[983] и богатство не меняет нрава,[984] , посредством которого только изменением жизнь может быть освобождена от

нужды и рабства.[985] Пытаться достичь этого с помощью богатства - все равно что пытаться вылечить больного водянкой, наливая ему воду, пока он не лопнет.[986] Поэтому дается совет не обращать сыновей на приобретение богатства, а учиться у Кратеса, который может освободить их от порока ненасытности.[987]

Бедность, с другой стороны, не меняет нрава умеренного человека в худшую сторону[988] В ней нет ничего огорчительного или болезненного,[989] ведь Кратес и Диоген были бедны, но прожили свою жизнь безбедно.[990] Перенести старость в бедности не труднее, чем в богатстве, но все зависит от склонности.[991] Бедность не лишает жизнь положительных благ, но дает возможность их приобрести,[992] так как она способствует созерцательной жизни философии, тогда как богатство препятствует этому.[993] Именно бедные, а не богатые, имеют досуг.[994] Они также обязаны быть сильными (καρτερεῖν), в то время как богатые становятся женоподобными, поскольку у них нет стимула к работе.[995] Таким образом, бедность, когда она сопровождается справедливостью, должна быть более высоко почитаема, чем богатство.[996] Автор приходит к выводу, что поэтому лучше всего презирать богатство и обратиться к жизни философской, ибо это развивает щедрость вместо скупости и довольство вместо ненасытности. Такой человек пользуется тем, что есть под рукой, и довольствуется нынешними благами (τοῖς παροῦσι).[997] Заметный контраст между этой аскетической философией бедности и более здравым учением Платона, который был так же против бедности, как и против чрезмерного богатства, очевиден.

СТОИКИ

Стоики были естественными потомками киников, на которых они очень похожи в своем отношении к внешним благам. По их определению, благо должно иметь безусловную ценность (*absolutum*, αὐτελές). То, что существует только ради чего-то другого или имеет ценность только в сравнении с чем-то другим, не является благом.[998] Аналогичной доктрины придерживались и в отношении зла. Так, духовные блага считались единственным истинным богатством,[999] и тот, кто правильно относился ко всему,[1000] и правильно пользовался всем, считался духовным владельцем всего.[1001]

Основатель школы Зенон[1002] относил богатство и бедность к так называемым "безразличным" (ἀδιάφορα),[1003] как не добро и не зло *как таковые*. Как и киники, он восхвалял бедность, хотя и не в такой крайней степени.[1004] Он пошел с ними только до того, что стал настаивать на том, что богатство и бедность не имеют никакой ценности, кроме как в связи с правильным духовным отношением.[1005]

В своем утверждении, что храмы не являются особенно святыми местами, так как они являются работой ремесленников (βαναύσων), Зенон демонстрирует общее негативное отношение философов к ручному труду.[1006] Его учение о деньгах и обмене также было негативным учением моралиста, хотя его высказывания по этим вопросам имеют особое отношение к идеальному будущему.[1007] Его отношение к проблеме распределения не совсем ясно, хотя он написал *"Республику"*,[1008] , в которой он, кажется, изложил некоторые коммунистические идеи. Как и его последователи, он ожидал времени, когда весь мир станет единым государством, где не будет искусственных различий, а все люди будут братьями.[1009] Его государство утопично и анархично, без храма, суда, гимнасия, денег и обмена. Все должны носить одинаковую одежду, и не должно быть никакой искусственной скромности.[1010] Общность жен, по крайней мере для мудрых, также, вероятно, была среди его утопических планов,[1011] хотя очень маловероятно, что он придерживался этой доктрины в той грубой форме, о которой сообщается.[1012] Его государство в какой-то мере напоминает христианский идеал, как единое целое, мир-космос, объединенный любовью.[1013]

В философии стоиков наблюдается своеобразное смешение индивидуалистических и социальных представлений. В своих представлениях об идеальном будущем мире-государстве они пошли дальше Платона и других мыслителей, которые ограничивали свои сообщества небольшим городом-государством. Называя свое государство еще и "космосом", они придавали узкому индивидуализму киников позитивное социальное содержание.[1014] Кроме того, как видно из вышесказанного, их идеал, несомненно, содержал некоторые коммунистические элементы. Однако, согласно основному постулату стоицизма, выраженному Зеноном,[1015] о том, что только мудрые могут быть свободными и гражданами, мы по-прежнему сталкиваемся со старым дуализмом и антисоциалистическим идеалом. Стоики, как и киники, были, в конце концов, по сути индивидуалистами и, вероятно, верили в частную собственность, хотя и мечтали о будущем золотом веке альтруизма, когда частная собственность станет ненужной.[1016]

Хрисипп, величайший из стоиков,[1017] продолжил и расширил принцип, согласно которому добродетель - единственное абсолютное благо, а все остальные вещи безразличны и зависят от правильного использования.[1018] Но поскольку только мудрые способны правильно использовать внешние вещи, только они являются истинно богатыми.[1019] Они богаты, хотя и нищие, и благородны, хотя и рабы.[1020] Они не стремятся к богатству[1021] но при этом они хорошие экономисты, поскольку знают правильный источник,[1022] время, способ и размер зарабатывания денег. С другой стороны, никчемные люди наиболее нуждаются, даже будучи богатыми.[1023] Хрисипп, кажется, продвинулся еще дальше, преподавая отрицательное учение о том, что богатство - это зло, поскольку оно может происходить из дурного источника, - идея, наводящая на мысль о современной теории "испорченных денег". Естественно, он, как и другие стоики, был сочувственен Сократику, возражая против использования своих знаний в целях наживы.[1024]

Космополитизм стоиков вызывал у них неприятие теории рабства как естественного института.[1025] Они учили, что принудительная служба не является доказательством рабства,[1026] но что настоящие рабы - это невежественные и глупые люди.[1027] Мудрые же, напротив, одни свободны, хотя и являются рабами бесчисленных господ.[1028]

Хрисипп, как и Зенон, вероятно, мечтал о будущем идеальном государстве, где будет править высший вечный закон, а индивидуальные стремления потеряют смысл в заботе об общем благе.[1029] Если он и учил семейному коммунизму, то, несомненно, в платонической форме.[1030]

Утопические социальные теории после Аристотеля отнюдь не ограничивались теориями Зенона и Хрисиппа. Как заметил Сушон,[1031] период между концом IV и началом II веков был особенно благоприятен для подобных спекуляций. Скептическая критика софистов подготовила последующие поколения к тому, чтобы поставить под сомнение самые элементарные социальные принципы. Идеальные государства, такие как у Фалея и Платона, открыли путь для будущих подражаний. Завоевания Александра расширили кругозор грека, и он стал мыслить уже не платоновским замкнутым городом, а скорее мировым государством. Более того, полная политическая неразбериха и нестабильные экономические условия того времени пробуждали у более серьезных людей мечты об идеальном прошлом или золотом веке; идеализацию простой, "естественной" жизни так называемых "благочестивых" варваров-кочевников,[1032] или даже животного мира, в противовес "искусственным" условиям цивилизации; и преувеличение достоинств и коммунистического характера старой спартанской конституции.[1033] Социальные теории были в значительной степени стоическими по своей направленности, и поэтому

представляют собой странное сочетание индивидуалистических и коммунистических идей.[1034]

Дихеарх из Мессаны, ученик Аристотеля, описал первозданный рай, когда люди жили в согласии с природой. В тот золотой век они не зависели от животных, а питались плодами. Не было у них и имущества, которое могло бы вызвать ненависть и раздоры, пока не развилось зло частной собственности и не привело к вырождению человеческого общества.[1035]

Эфор,[1036] ученик Исократа, представлял вторую тенденцию. Он восхвалял жизнь "вскормленных молоком" (γαλακτόφαγοι) варваров-кочевников севера как верную природе и праведную.[1037] Их благочестие и простая жизнь исключали социальные пороки, возникающие из-за индивидуальной собственности,[1038] ибо их коммунизм распространялся даже на семью, и все составляли одно братство.[1039]

Третья тенденция прослеживается в трудах Исократа,[1040] Эфора,[1041] Полибия,[1042] Плутарха,[1043] и, вероятно, была присуща многим другим мыслителям, чьи работы уже не сохранились.[1044] Они идеализировали древнее спартанское общество как образец полного коммунизма, обеспечивающего полное равенство и свободу граждан. Оно было свободно от пороков роскоши, чрезмерного богатства, бедности, гражданских распрей, торговли и денежной жадности, в нем все граждане были мудрыми, и стоический идеал независимости (αὐτάρκεια) был полностью реализован.[1045]

От этого был всего лишь шаг до проецирования этих причудливых идеализаций прошлого и первобытной жизни на настоящее и будущее. Они принимали форму идеальных утопий, таких как у Зенона,[1046] или романтических описаний, претендующих на изображение идеальных условий как реально существующих, таких как нашедшие свою модель в *Атлантиде* Платона.[1047] Для полного обсуждения этого типа литературы читатель может обратиться к работе Поэльмана.[1048] Здесь мы должны сделать лишь беглое замечание.

Теопомп, ученик Сократа, описал "меропийскую" страну.[1049] Его целью, однако, было, вероятно, развлечение читателя, а не социальные реформы, о чем свидетельствует фантастический характер его рассказов. Они изображают не только идеальные коммунистические условия, но и государство нечестивцев (πονηρόπολις), и грубо подчеркивают якобы имевшее место свободолюбие этрусков.[1050]

Киммерийское государство Гекатея, идеализация царства фараонов, имело более серьезную социальную цель.[1051] В нем описывается государство, в котором все завоеванные земли поровну делятся между гражданами, а земельная собственность не может быть продана. Люди свободны от жадности к наживе, гражданских распрей и всех вытекающих из них бед. Идеал заключается не в наибольшем увеличении богатства, а в развитии граждан до высшего социального идеала.[1052]

Эвгемер написал "Священную хронику" (ἱερὰ ἀναγραφή)[1053] об идеальном обществе на острове близ Индии, управляемом жреческой аристократией. Здесь труд был в большом почете. Ремесленники относились к жреческому сословию, земледельцы - ко второму, а пастухи были наравне с воинами.[1054] Вся земля и другие средства производства были общими, кроме дома и сада (κήπου).[1055] Земля не обрабатывалась коллективно, но и земледельцы, и пастухи приносили свои продукты в общий склад для общего потребления.[1056] Таким образом, не нужны были ни деньги, ни торговое сословие.

Джамбул в своем "Солнечном государстве" превзошел в своих коммунистических идеях даже Эвгемера. Он описывает своего рода рай для солнцепоклонников на экваторе. Здесь на деревьях никогда не созревают плоды, а граждане не теряют своей силы и красоты. Вся социальная и экономическая жизнь находится под коммунистическим режимом. Существует коллективная собственность на все средства производства, и каждый должен выполнять свой вид работы.[1058] Коммунизм распространяется и на семью.[1059] Таким образом, греческая экономическая и социальная спекуляция, которая всегда содержала социалистические элементы, заканчивается коммунизмом для всего гражданства, настолько основательным, что включает в себя как продукты, так и средства производства, и требует нивелирования даже естественного неравенства, вытекающего из различных видов труда.

ГЛАВА VIII
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ О ЗНАЧЕНИИ И ВЛИЯНИИ ГРЕЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Наши выводы относительно важности и влияния греческой экономической мысли были полностью представлены в предыдущем обсуждении. Однако краткое резюме результатов может оказаться полезным сейчас, в завершение нашего исследования. Как мы видели выше, несмотря на то, что греческая мысль в этой области была побочной по отношению к моральным и политическим спекуляциям, и несмотря на определенные философские предрассудки и ограниченное экономическое видение, ее вклад отнюдь не является чисто отрицательным. Мы видели, что он включал в себя признание одним или несколькими греческими мыслителями таких важных принципов, как что общество берет свое начало во взаимных потребностях, в естественном развитии рода и семьи, а не в искусственном общественном договоре; что государство - это большая предпринимательская ассоциация, в которой действуют примерно те же экономические законы, что и в частном хозяйстве; что конечной целью экономики является не собственность, а благосостояние человека; что критериями экономической ценности являются внутренняя полезность, экономический спрос и издержки производства; что богатство должно обладать качеством хранимости; что истинное богатство состоит только из товаров, которые служат благосостоянию человека; что тремя факторами производства являются земля, труд и капитал; что деньги возникли в результате необходимого обмена; что они служат средством обмена, стандартом стоимости и билетом отложенных платежей; что они должны обладать внутренней стоимостью, более стабильной, чем стоимость других товаров; что их не следует путать с богатством, а следует понимать в их истинной функции как представительское богатство; что кредит должен играть чрезвычайно важную роль в деловых операциях как представительский капитал; что сельское хозяйство является базовой отраслью, от которой должны зависеть все остальные; что разделение труда является основополагающим принципом, лежащим в основе любого обмена; что оно приводит к определенным важным экономическим преимуществам и что его широкое применение зависит от большого коммерческого развития; что взаимность является основополагающим принципом в обмене, также как и в социальной структуре; что обмен выполняет законную социальную функцию, создавая ценности времени и места; что промышленная экспансия ограничена законом убывающей отдачи; что главной целью обмена должна быть не прибыль, а удовлетворение экономических потребностей; что

торговля только ради нее самой не обязательно увеличивает национальный магазин, а может породить лишь экономическое неравенство; что крайности богатства и бедности приводят к промышленной неэффективности, социальным раздорам и преступности; что чрезмерное индивидуальное богатство обычно не совместимо со справедливым приобретением или справедливыми расходами; что оно также обязательно влечет за собой соответствующие крайности бедности; что коммерческий дух в нациях является главной причиной международных разногласий; что целью экономики является потребление, а не производство, и что безрассудное потребление приводит к большим экономическим потерям; что все экономические проблемы являются моральными проблемами; что частная собственность - это не естественное право, а дар общества, и поэтому общество может должным образом контролировать ее деятельность; что в человеческой природе существует определенное единство, которое противостоит доктрине естественного рабства; что человек должен иметь возможность для развития личности в соответствии со своими способностями, помимо простой борьбы за физическое существование; что истинное экономическое равенство требует не равных долей для всех, а долей, пропорциональных способностям и заслугам; и что благотворительные дары только для потребления являются плодотворной причиной бедности и праздности.

Помимо признания этих принципов, мы видели, что многие практические предложения по улучшению экономических и социальных условий, которые сегодня серьезно обсуждаются, были впервые предложены греческими мыслителями. Меры по отделению государства от крупного бизнеса, государственный контроль над естественными монополиями, сохранение природных ресурсов, государственный контроль над торговлей и коммерцией, включая регулирование цен и тарифов, гласность в бизнесе, законы о чистых продуктах питания, социализация промышленности и ее продукции - все это впервые было предложено греками. С другой стороны, мы видели, что практически все современные биржевые аргументы против социализма были давным-давно представлены Аристотелем, и что идеал греческого социалиста был в первую очередь не материалистическим и эгоистическим, как у современных, а моральным и социальным.

Такой перечень позитивных экономических принципов и практических предложений, безусловно, должен дать грекам право на признание в области экономической мысли. Но судить о них следует, прежде всего, не по их позитивному вкладу в экономическую теорию или практическому характеру их законодательных предложений, а по тому, насколько они осознали существование великих экономических и социальных проблем, которые до сих пор требуют своего решения. С этой точки зрения мы увидели, что Платон и Аристотель особенно ярко проявили свою экономическую проницательность. Кроме того, остается еще тот выдающийся факт, что греки были предшественниками моральных, гуманитарных и социальных акцентов в современной экономике. Уже одно это должно отвести им особое место в эволюции экономической мысли и сделать невозможным вывод Сушона: "Ces mépris [G. B. Say] pour nous apparaître plus justifiés que les admirations de Roscher."

Однако влияние греческой мысли на более позднюю экономическую теорию, по-видимому, не было очень прямым или обширным, вероятно, из-за случайного характера их спекуляций. Конечно, средневековая экономическая мысль во многих отношениях представляет собой непрерывную преемственность с греческой. В своем акценте на морали, в своих учениях о ростовщичестве, справедливой цене, важности сельского хозяйства, обмене ради прибыли и в своем общем консервативном отношении к деньгам и коммерческому развитию средневековые мыслители очень похожи на Сократа.[1061] Несомненно, во многом это сходство можно объяснить прямым влиянием Аристотеля, что особенно очевидно в работах

Фомы Аквинского и Николая Оресма.[1062] Однако в значительной степени экономические идеи Средневековья были прямым следствием экономических и религиозных условий, в которых жили авторы.[1063] В последующие века некоторое греческое влияние можно проследить в Адаме Смите, физиократах,[1064] в писателях-утопистах, таких как Мор, и в мыслителях XVIII века, таких как Руссо.

Обычно утверждается, что экономическая мысль прошлого века практически не испытала влияния греческих идей. Но наша предыдущая дискуссия ясно показала, что Платон и Ксенофонт, по крайней мере, доминировали в экономическом мышлении Рёскина. Если нужны дополнительные доказательства, достаточно обратиться к именам греческих мыслителей в указателе к монументальному новому изданию его работ, который мы часто цитировали выше. Он откровенно и с энтузиазмом выставляет себя апостолом "греческой теории экономики". Но, несмотря на некоторые утопические и экстравагантные идеи, он все больше признается авторитетами в области экономики как один из главных факторов развития политической экономии до ее нынешнего морального и гуманитарного акцента.[1066] Его отказ от абстрактного "экономического человека", его настойчивость на человеческих, моральных и социальных идеалах в экономике, его попытка расширить определение экономической ценности и богатства, подчеркнув истинную полезность, его постоянный акцент на правильном потреблении, а не на производстве, Его требование, чтобы все имели возможности в меру своих способностей, его оппозиция политике *laissez-faire* в экономике и политике, его акцент на правильном образовании - все это принесло богатые и постоянные плоды в последние несколько десятилетий, и все это, как мы видели выше, чисто греческие идеи. Таким образом, косвенно, через Рёскина, греческая экономическая мысль оказала мощное влияние на эволюцию экономики XIX века, и поэтому в словах Вагнера, процитированных Онкеном,[1067] не только для немецкой, но и для всей современной экономики, есть много правды: "Es ist im Grunde uralter wahrhaft classischer Boden, auf den jetzt die deutsche ökonomische und soziale Theorie und Praxis sich bewusst wieder stellen." Характеристика Сушоном греческой экономики как "морального этатизма" вполне может быть применена ко многому в современной экономической мысли.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ниже приводится библиография, включающая: (*а*) истории экономической мысли; почти все они содержат лишь беглую главу о греческой теории, а некоторые из них в значительной степени посвящены экономическим условиям; (*б*) истории социализма и социальной теории, к которым в значительной степени применимо вышеизложенное; (*в*) главы в работах, посвященных различным этапам экономической истории Греции; (*г*) другие работы более общего типа, в которых более или менее подробно рассматриваются греческие экономические или социальные идеи; (*д*) статьи и диссертации; (*е*) издания греческих авторов, представляющие особый интерес для нашей темы. Очевидно, что перечислить многие из них невозможно, и мы ограничимся упоминанием нескольких, которые оказались особенно полезными. Работы перечислены в алфавитном порядке, для большего удобства при обращении к ним, а те, что представляют наибольший интерес, отмечены звездочками.

Адам, Джеймс ("Республика" Платона, 1902).

Adler, G. *Geschichte des Socialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart* (1899), pp. 6-52. На греч. яз.

Alesio. "Alcune riflessioni intorno ai concetti del valore nell'antichità classica", *Archivio Giuridico*, 1889.

Эшли, У. Дж. "Доктрина Аристотеля о бартере", *Ежеквартальный журнал экономики*, 1895. Интерпретация Ar. *Pol.* i. *1258b27* ff.

Barker, E. *Political Thought of Plato and Aristotle* (1906), pp. 357-404.*

Blanqui, M. *Histoire de l'économie politique en Europe* (1842; 4-е изд., 1860), I, 33-92. Несколько неразборчиво оценивает греческих мыслителей.

Бонар. *Философия и политическая экономия* (1893)*.

Brants, V. *Xenophon Economiste*, репринт из *Revue Catholique de Louvain*, 1881.*

Bussy, M. *Histoire et Réfutation du Socialisme depuis l'antiquité, jusqu'à nos jours* (1859). Поверхностно и предвзято.

Cossa, L. *Histoire des doctrines économiques* (1899) (перевод с итальянского 1876 г.), pp. 144-50.*

--. "Di alcuni studii storici sulle teorie economiche dei Greci", *Saggi di Economia Politica*, 1878, pp. 3-14.

Де Сам-Коньяцци. *Analisi dell economia publica e privata degli antichi* (1830).

Du Mesnill-Marigny. *Histoire de l'économie politique des anciens peuples* (1878, 3 vols.). Поверхностно.

De Villeneuve-Bargemont. *Histoire de l'économie politique* (Paris, 1841, 2d ed.), I. В основном о фактах.

Dietzel. "Beiträge zur Geschichte des Socialismus und des Kommunismus", *Zeitschrift für Literatur und Geschichte der Staatswissenschaften*, I (1893), 373 ff.*.

Döring, A. *Die Lehre des Socrates als soziales Reform-System* (1895).

DuBois, A. *Précis de l'histoire des doctrines économiques dans leurs rapports avec les faits et avec les institutions* (1903), pp. 23-53. Хорошая частичная библиография*.

Dühring, E. *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus* (3-е изд., 1879), pp. 19-25.

Dunning, W. A. *Political Theories Ancient and Mediaeval* (New York, 1913). Экономический материал только побочный.

Eisenhart, H. *Geschichte der Nationalökonomie* (2d ed., 1891). В основном по экономической истории.

Espinas. *Histoire des doctrines économiques* (1891), chap, i.*.

--. "L'art économique dans Platon," *Revue des Etudes Grecques*, XXVI (1914), 105-29, 36-65.*

Ferrara, J. "L'economica politica degli antichi," *Journal de Statis. de Palerme*, 1836.

Fontpertuis, F. de. "Filiation des ideés économiques, dans l'antiquité," *Journal des écon.*, September, 1871 ff.*

Francotte, H. *L'Industrie dans la Grèce ancienne* (Brussels, 1900). Разделы о греческих теориях труда и социализма.*

Глейзер. "De Aristotelis doctrina de divitiis" (диссертация, 1850), *Jahrb. für Gesellschafts- und Staatswissenschaft*, 1865.

Göttling. *De Notione servitutis apud Aristotelem* (диссертация, Йена, 1821).

Грот, Г. *Платон* (4 тома).

--. *Аристотель* (2 тома).

Guiraud, P. *La main-d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce* (1900), pp. 36-50. О теории*.

--. *La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conqûete Romaine* (1893), pp. 573-612. О социалистических идеях*.

--. *Etudes économiques sur l'antiquité* (1905), chap. i. О важности экономических вопросов в Греции*.

Хаген. *Observationum oeconomico politicarum in Aeschinis dialogum qui Eryxias inscribitur* (диссертация, 1822).

Haney, L. W. *History of Economic Thought* (1911), pp. 39-52.*

Heidel, W. A. *Pseudo-Platonica* (диссертация, Чикаго, 1896), pp. 59-61. Об Эриксии.

Herzog, C. "Communismus und Socialismus in Alterthum", *Beilage zur allgemeine Zeitung*, 1894, No. 166. Консерватор о влиянии социализма в античном мире.

Hildebrand, B. *Xenophontis et Aristot. de oeconomia publico doctrinae illustrantur* (dissertation, Marburg, 1845). Часть об Аристотеле не опубликована.

Ходерман, M. "Quaestionum oeconomicarum specimen" (диссертация, Берлин, 1896), *Berlin Studien für class. Philol. und Arch.*, XVI, No. 4. О так называемой *"Экономике"*.

Ингрэм, Дж. К. *История политической экономии* (1907), с. 7-26.*

Джоуэтт и Кэмпбелл. *Republic of Plato* (3 vols., 1894).

Kaulla, R. *Die geschichtliche Entwickelung der modernen Werttheorien* (1906), pp. 3 f. Об Аристотеле.

Kautsky, K. *Die Geschichte des Socialismus in Einzeldarstellungen* (1897), I, 1.

Kautz. *Theorie und Geschichte der national Oekonomie* (Wien, 2d ed., 1860), pp. 102-43.*

Knies, Karl. *Die politische Economie vom geschichtlichen Standpunkt* (1883). Представляет незначительный интерес для античной теории.

Loos, I. A. "Studies in the *Politics* of Aristotle and the *Republic* of Plato", *Bull. of the University of Iowa*, 1899.

Mabille. "Le communisme et le féminisme à Athènes." *Mémoires de l'académie de Dijon*, 4 série, t. 7, pp. 317 ff. (Paris, 1900).

Martiis, S. de. *Cognetti* (Socialismo antico, Turin, 1899)*.

Менгер, Карл. Искусство. "Geld", *Handwörterbuch der Staatswissenschaft* (2-е изд.), IV, 82 ff.

Ньюмен. *The Politics of Aristotle* (Oxford, 1877, 4 vols.)*.

Oncken, A. *Geschichte der Nationalökonomie* (1902), I, 27-49.

Словарь Пэлгрейва. Ст. "Аристотель". Эта и вышеупомянутая статья о "Geld" послужат достаточным уведомлением о нескольких словарях политической экономии, на которые можно сделать другие ссылки.

Platon, G. "Le socialisme en Grèce," *Devenir Social.*, January, 1897 ff.

Poehlmann, R. *Geschichte des antiken Socialismus und Kommunismus* (München, 1893-1901, 2 vols.; 2d ed., 1912, *Geschichte der sozialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt*). Подробное исследование греческих социалистических тенденций как в теории, так и на практике, хотя оно преувеличивает развитие капитализма в Греции и слишком свободно проводит аналогии между античным и современным социализмом. Наши цитаты взяты из второго издания*.

--. "Die Anfänge des Sozialismus in Europa", *Sybel's Hist. Zeitschrift*, Bd. 79, H. 3, pp. 385-451.

Rambaud, J. *Histoire des Doctrines économiques* (Paris, 1902).

Regnier, M. *L'économie politique et rurale des Grecs*.

Robin, L. "Platon et la science sociale," *Revue de metaphysique et de morale*, March, 1913 (переиздание Armand Colin, Paris)*.

Roscher. "Ueber das Verhältniss der national Oekonomik [** Nationalökonomie] zum klassischen Alterthume," *Ansichten der Volkswirtschaft*, I (1878), 1-50.*

Roscher. *De doctrinae oeconomico politicae apud Graecos primordiis* (Leipzig, 1866).

Salvio, G. Salomo. *Il concetto della schiavitu secundo Aristotile* (Rome, 1881).

--. *Communismo nella Grecia antiqua* (Padua, 1883).

Schneider. *Die staatswirtschaftlichen Lehren des Aristotles* (диссертация, Neu Puppin, 1873).

Schrohl, O. *De Eryxias qui fertur Platonis* (диссертация, 1901). В основном об авторстве *"Эриксия"*.

Schulte, J. *Quomodo Plato in legibus publico Atheniensium instituta respexerit* (dissertation, 1907).

Сьюолл, Х. "Теория стоимости до Адама Смита", *Публикация Американской экономической ассоциации*, II, часть 3. Четыре страницы об Аристотеле.

Шори, Пол ("*Законы* Платона", "*Классическая филология"*, октябрь, 1914).

Сими, мисс Э. "Экономическая теория у греков и римлян", *Экономическое обозрение*, октябрь, 1900.

Souchon, A. *Les Théories économiques dans la Grèce antique* (1898; 2-е изд. в 1906 г., но с небольшими изменениями)*.

Stein, Ludwig. *Das erste Auftauschen der sozialen Frage bei den Griechen* (диссертация, Берн, 1896).

--. *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie* (Stuttgart, 1903, 2d ed.), pp. 150-82.

--. "Die staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Arist. und Platon," *Zeitschrift für die gesammte Wissenschaft*, 1853, pp. 115-82 (Tübingen).

Стюарт. *Notes to Ar.*, *Nic. Ethics* (2 vols.)*.

Сент-Илер, Б. Предисловие к переводу *"Политики"* Ариста.

Thill, J. *Die Eigenthumsfrage im klassischen Alterthum* (Luxembourg, 1892).

Thomissen. *Histoire du socialisms depuis l'antiquité jusqu'à la constitution française du 14 jan., 1852*.

Trinchera, F. *Storia critica dell' economia publia (epoca antica)* (Naples, 1873).

Vanderkindere, L. "Le Socialisms dans la Grèce antique," *Revue de l'Université de Brussels*, I, 4, pp. 241-46.

Vogel, G. *Die Oekonomik des Xenophon; eine Vorarbeit für die Geschichte der griechischen Oekonomik* (Erlangen, 1895).

Walcker, K. *Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus* (Leipzig, 1902).

Wallon. *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité* (Paris, 1879, 2d ed.). Одна глава посвящена теории рабства.

Wolf, H. *Geschichte des antiken Sozialismus und Individualismus* (1909). Просто популярное изложение.

Wilhelm, F. "Die *Oeconomica* der Neupythagoreer", *Rhein. Mus.*, XVII, No. 2 (1915), 162 и далее.

Zmavc, J. "Die Werttheorie bei Arist. und Thos. Aquino," *Archiv für die Geschichte der Philosophie* (Berlin, 1899), pp. 407 ff.*.

Zmavc, J. "Die Geldtheorie und ihre Stellung innerhalb der Wirtschaft und staatswissenschaftliche Anschauungen des Arist.," *Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft*, 1902, pp. 48-79.*

Как уже говорилось, многие из перечисленных выше работ посвящены в основном фактическим условиям, а не теории. Кроме них, в ходе нашего обсуждения цитируется множество других работ, посвященных этапам экономической истории Греции, названия которых со ссылками на страницы можно найти в указателе. Там же указаны и все другие работы, которые случайно упоминаются. Прекрасное изложение политической экономии Джона Рёскина и избранную библиографию его деятельности как социального и экономического реформатора можно найти в библиотечном издании его работ, из которого мы часто цитировали (George Allen, London, Introduction to Vol. XVII, 1905; bibliography, p. cxii).

Сноски

1. Ф. Вильгельм (*Rhein. Mus.*, XVII, No. 2 [1915], 163, n. 2) говорит: "Eine Geschichte der theoretischen Behandlung der Oekonomik bei den Griechen ist noch zu schreiben." Настоящая работа была предпринята в 1911 году.

2. Ср. Zimmern, *Greek Commonwealth*, pp. 211 ff.; но утверждение на стр. 222 является крайним: "где конкуренция и безработица являются неизвестными терминами, где почти никто не работает за деньги или зарплату".

3. Ср. Roscher, *Ansichten der Volkswirtschaft* (1878), I, chap. i, p. 7; Ar. *Pol. 1259b18-21*.

4. Ср. Plato *Rep.* 498A; Xen. *Econ.*, трактат о ведении домашнего хозяйства; Ar. *Pol.* i. p. 3, о подразделениях οἰκονομία; chap. 8, о том, являются ли финансы (χρηματιστική) частью οἰκονομική; pseudo-Ar. *Economica*; ср. *далее*, p. 63, nn. 5 и 6; p. 82, n. 1; p. 128, для более полного обсуждения.

5. Xen. *Mem.* iii. 4. 6 и далее, особенно 12; *Econ.* xx; Plato *Pol.* 259 B-C; ср. об этом отрывке Espinas, *Revue des Etudes Grecques*, XXVII (1914), 105; ср. Рёскин: "Экономия не больше означает экономию денег, чем их трату. Она означает управление домом " (*A Joy Forever*, I, 8, Allen ed., London, 1912, Vol. XVI, 19). Мы будем часто цитировать это монументальное издание Рёскина.

6. *Pol.* i. 1. 2: ὅσοι μὲν οὖν οἴονται πολιτικὸν καὶ βασιλικὸν καὶ οἰ κονομικὸν καὶ δεσποτικὸν εἶναι τὸν αὐτόν, οὐ καλῶς λέγουσιν.

7. *Political Thought of Plato and Aristotle*, p. 357; ср. Zmavc, *Zeitschr. f. d. gesammt. Staatswissenschaft*, 1902, pp. 59 f., и его ссылки на Boeckh, Meyer и Beloch; Kautz, *Die Gesch. d. Entwickelung der National Ökonomik*, p. 133, n. 5; заметку об авторстве *"Доходов"* см. *ниже*, p. 63, n. 2.

8. Ingram, *History of Political Economy*, p. 12; ср. Souchon, *Les Théories économiques dans la Grèce antique*, p. 34.

9. Ср. Souchon, *op. cit.*, pp. 31 ff.

10. Ср. V. Brants, *Xenophon Economiste*, репринт из *Revue Catholique de Louvain*, 1881, pp. 4 ff.

11. Ely, *Studies in Historical and Political Science*, 2d series, pp. 48 ff., особенно p. 64, где он утверждает, что это возврат к греческим взглядам.

12. Ely, *Outlines of Economics*, 1908, pp. 4 ff.; ср. Seligman, *Principles of Economy*, (1905), pp. 4 ff., особенно p. 14, где он даже с одобрением цитирует фразы Рёскина: "Нет богатства, кроме жизни"; "Ничто не может быть богатством, кроме благородного человека" (*Unto This Last*, IV, 77 [Vol. XVII, 105]). Все цитаты приводятся по изданию библиотеки Аллена, если не указано иное.

13. Schoenberg, *Handbuch der polit. Econ.* (1890), I, 56.

14. Haney, *History of Economic Thought*, p. 52; ср. Ely, *op. cit.*, p. 48, n. 1, цитируемый в n. 1, выше, для аналогичного определения, основанного на Платоне.

15. Каутц (*указ. соч.*, с. 57) доходит до крайности, говоря, что античность представляет собой "отрицание экономических интересов и хозяйственной деятельности".

16. Даже отмена долгов и передел земель не были неизвестны в греческой истории. Гроте (*История Греции*, III, 105 f. и примечания) отрицает это, но гелиастическая клятва, которую

он цитирует (Dem. *Adv. Timoc.* 746, и Dio Chrysost. Or. xxxi. 332), доказывает, что такие меры были агитированы, иначе не было бы причин для защитных мер. Ср. *далее* Платона (*Законы*, 736E), который считает это само собой разумеющимся. Ср. фрагменты Солона; Изок. (*Panath.* 259) говорит, что трудно найти греческое государство, кроме Спарты, которое не впало бы в "привычные случайности", т.е, στάσιν, σφαγάς, φυγὰς ἀνόμους, ἁρπαγὰς χρημάτων, χρεῶν ἀποκοπάς, γῆς ἀναδασμόν и др.

17. См. *далее* цитаты и квалификации.

18. Ср. *далее* для оговорок. Циммерн (*указ. соч.*, с. 227) справедливо настаивает: "Вопреки тому, что часто говорят, Греция действительно производила экономистов".

19. *Erga* 308, 314, 397 f., 311 (ἔργον δ᾽ οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δέ τ᾽ ὄνειδος), 310, 303-6, 413. Любой материал у Гомера относится скорее к истории экономических условий. Ср., однако, *Il.* xiii. 730-32; iii. 65; xxiii. 667 о специализации даров.

20. Ср. *Эрга* и *Теогония* 969-75; ср. п. 2.

21. Ср. выше п. 2; общая тема поэтов седьмого и восьмого веков; ср., например, Сапфо (Bergk-Hiller, *Lyr. G. Vet.* [1897], I, 204, fr. 79 [45]); ὁ πλοῦτος ἄνευ τὰς ἀρετὰς οὐκ ἀσίνης πάροικος. Ср. также III, 168, fr. 49 (50), Alcaeus.

22. *Erga* 25 f.

23. Ср. его стихи, особенно fr. xiii. 43 и далее; Ar. *Ath. Pol.* x. 1; Plut. *Solon* 15, 22-24; Kautz, *op. cit.*, pp. 114 f. и примечание, о Солоне и других законодателях; Gilliard, *Quelque Réformes de Solon*. Корнфорд (*Thucydides Mythhistoricus*, p. 66) считает, что он был "на грани" открытия закона, согласно которому экспорт должен уравновешивать импорт.

24. *Элегии* 1117 f., 227 ff., 1157 f., 181 f., 267 ff., 173 ff., 351 ff., 393 ff., 523 ff., 621 f., 199 ff., 753, 145 f., 559 f., etc.

25. Об этой ошибке см. *далее*, о коммунизме до Платона.

26. Ср. Kautz, *op. cit.*, p. 114; Jamblichus, *De Pyth. vit.*, chap. xii, p. 58; chap. xvi, p. 69.

27. Diels, *Frag. d. Vorsokratiker* (1912), II, 20, 69.

28. *Ibid.*, p. 95, fr. 171; p. 73, fr. 40.

29. *Ibid.*, p. 119, fr. 283.

30. *Ibid.*, p. 77, fr. 77; ср. Stob. *Flor.* 94. 24; χρημάτων χρῆσις ξὺν νόῳ μὲν χρήσιμον εἰς τὸ ἐλευθέριον εἶναι καί δημοφελέα- ξὺν ἀνοίῃ δὲ χορηγίῃ ξυνή. Ср. Ксенофонт и Платон, *далее*, о ценности и богатстве.

31. *Ibid.*, p. 78, fr. 78.

32. *Ibid.*, p. 105, frs. 200, 218, 221.

33. *Ibid.*, fr. 219; p. 106, fr. 224. Этические фрагменты Демокрита, приведенные выше, могут быть поддельными. Ср. Mullach, *Frag. Phil. Gr.*, I, 138; Целлер (*Gesch. d. Gr. Phil.* I, 2, 925, n. 1) оставляет этот вопрос открытым. Diels (*op. cit.*, II, 1912) приводит вышеупомянутые отрывки под названием "echte fragmente", хотя некоторые из них сняты.

34. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 37.

35. Diels, *op. cit.*, I, 83, fr. 29; οἱ δὲ πολλὸι κεκόρηται ὁκώσπερ κτήνεα.

36. *Ibid.*, p. 82, fr. 22; cp. Clem. Alex. *Strom.* iv. 2. p. 565, и его комментарий.

37. Diels, *op. cit.*, I, 95, fr. 90: πυρὸς ἀνταμείβεται πάντα καὶ πῦρ ἀπάντων, ὥσπερ χρυσοῦ χρήματα καὶ χρημάτων χρυσὸς.

38. *Pol.* ii; подробности см. *ниже*.

39. Ср. предварительный аргумент Глаукона, представляющий теорию софистов, *Rep.* 358E и далее, очень похожий на аргумент Гоббса. См. превосходное изложение Баркером (*указ.* соч., стр. 27 и далее) возникновения этой теории и ее причин.

40. Ср. A. Dobbs, *Philosophy and Popular Morals in Ancient Greece* (1907), p. 48. В качестве примера можно привести Гиппия, цитируемого ниже, n. 6, или Ликофрона, против которого выступал Аристотель, цитируемого ниже в критике Аристотелем социализма (*Pol. 1280b10-12*).

41. *Rep.* i, и история Гигеса, *Rep.* ii.

42. *Gorg.* 482E и далее, хотя Калликл вряд ли был софистом.

43. Например, Гиппиас в *Protag.* 337C, где он говорит, что люди связаны (συγγενεῖς, οἰκείους) по природе, а не по закону, и что закон - это тиран людей, который делает много насилия вопреки природе (παρὰ τὴν φύσιν).

44. Ср. фрагмент Алкидамаса, цитируемый *далее* о теории рабства Аристотеля, и Ar. *Pol.* i. 3. *1253b20-23*; Ликофрон (псевдо-Плут. *Pro. Nob.* 18. 2) отрицает реальность различия между благородными и дурнорожденными. Ср. также о Еврипиде, *далее*. О развитии оппозиции рабству в Греции см. Newman, *Pol. of Arist.*, I, 139 ff.

45. Diog. L. ix. 55: δίκη ὑπὲρ μισθοῦ. Ср. Diels, *op. cit.*, II, 220, 231; Croiset, *Hist. de la Litt. Gr.*, IV, 54. Сушон (Souchon, *op. cit.*, p. 23, n. 1) считает, что она могла учить достоинству всякого труда. Ср. также Платон (*Sophist* 232 D): τὰ πρωταγόρεια ... περί τε πάλης καὶ τῶν ἄλλων τεχνῶν. Гомперц (*Die Apologie der Heilkunst*, p. 33) предполагает, что Протагор опубликовал *Gesammtapologie der Künste*. Ср. *Pol.* 299C, и Diog. L. ix. 8. 55.

46. Ср. Платон *Protag.* 328B, где Протагор излагает свое правило относительно платы за свои лекции. Ср. Целлер, *указ. соч.*, I, 2, 1080 и далее, о заработках софистов. Ср. Plato *Euthyd.* 304C: ὅτι οὐδὲ τοῦ χρηματίζεσθαί φατον διακωλύειν οὐδέν.

47. Платон *Очарование*. 163 B-D о Гесиоде.

48. Xen. *Mem.* ii. 1. 21-34, история Геракла (28).

49. Псевдо-Платон. *Эриксий* 397 D-E, обсуждается *далее*.

50. *Гиппий Малый* 368 D, где он представлен как мастер на все руки. См. *далее* об антитезе Платону.

51. *Орест* 917-22; *Supplices* 399-456, 238-45; *Phoenissae* 535-51 (Диндорф), цитируемые Дюммлером, *Proleg. zu Platons Staat* (1891), чтобы показать, что в Еврипиде есть следы политического трактата школы Антифона. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 25 и прим.

52. *Орест* 917 и далее; ср. также благородный характер крестьянина (αὐτουργός) в *Электре*, который является благородной душой (252 и далее), и который говорит пролог, хотя он является лишь второстепенным лицом в пьесе. Ср. также 367-82.

53. Фр. 345 (Nauck), несправедливый человек - благородный (δυσγενής), хотя рожден лучше Зевса; фр. 54 (Alex.), 514 (Melanippe), 8 (Electra); ср. n. 1 выше, и *infra*. Он вкладывает достойные чувства в уста рабов и одевает своих вельмож в лохмотья.

54. *Ion* 854; ἐν γάρ τι τοῦς δούλοισιν αἰσχύνην φέρει || τὸνομα; frs. 828 (Phrixus), 515 (Melanippe) (Nauck); *Helena* 730; cf. Decharme, Euripide et l'esprit de son théâtre, pp. 162 ff.

55. Его лучшие образы - это благородные женщины. Он не был ненавистником женщин, но свободно представлял обе стороны женского характера. Ср. *Медея* 230 и далее и другие подобные отрывки, жалующиеся на участь женщины; fr. 655 (*Protes.*), отстаивающий общность жен. Ср., однако, Decharme, *op. cit.*, 133 и далее.

56. Ср. Nauck, frs. 642 (Polyidus), 55, 56 (Alex.), 95 (Alcmene), 143 (Andromeda), 326 и 328 (Danae); ср. Decharme, *op. cit.*, pp. 163 ff. и примечания; Dobbs, *op. cit.*, p. 78, n. 5.

57. *Op. cit.*, p. 7: "Ich auch in volkswirtschaftlicher Beziehung von keinen Neuern mehr als von ihm gelernt habe." Ср. Kautz, *op. cit.*, pp. 123 ff.

58. Thuc. ii. 40. 1; i. 70. 8; ii. 40. 2; и т. д.

59. Thuc. i. 2.

60. *Thucydides Mythhistoricus* (1907); ср. критический обзор Шори, *Dial*, июль-декабрь, 1907, pp. 202 и далее; также W. Lamb, *Clio Enthroned* (1914), особенно pp. 34-67. Цитаты из Фукидида (стр. 35 и далее), приводимые Лэмбом, являются достаточным доказательством экономической проницательности греческого историка.

61. *Op. cit.*, pp. 18 f.

62. "Die wirtschaftliche Entwickelung des Alterthums", *Kleine Schriften*, 1910; ср. также Beloch, *Zeitschr. f. Socialwiss.*, II, 21 ff.; "Griechische Geschichte", ibid.; Poehlmann, *Geschichte des antiken Socialismus und Kommunismus*, I (2d ed., 1912, *Geschichte der sozialen Frage und des Socialismus in der antiken Welt*). Цитаты из Поэльмана во всей книге относятся к этой работе, если не указано иное. Он преувеличивает развитие капитализма. Мейер и Белох также несколько заблуждаются, используя современные термины для обозначения греческих условий. Франкотт (*L'Industrie dans la Grèce ancienne* [1900]) более консервативен. Более древний крайний консервативный взгляд см. в работах Родбертуса и Бюхера. Дальнейшее изложение темы см. *ниже*.

63. Haney, *op. cit.*, p. 17.

64. Полное обсуждение греческого отношения к труду с цитатами из древних и современных авторов см. *в infra*, p. 29, n. 4; pp. 32 ff., и примечания; pp. 47 ff. и примечания; pp. 69 ff. и примечания; pp. 93 ff. и примечания.

65. *Pol.* i. 8. *1256b2*.

66. Haney, *op. cit.*, p. 17.

67. Подчеркнуто Poehlmann, *op. cit.*, I, 593 f. Наши цитаты всегда будут приводиться по второму изданию 1912 года.

68. Судя по Xen. *Mem.*, это можно было бы сказать о Сократе, если бы он был писателем.

69. Робин (*Platon et la science sociale*, p. 239) делает его предтечей тройного деления экономики - производство, обмен, распределение, - но это вряд ли оправдано.

70. *Rep.* 369 B-C.

71. *Pol.* i. chap. 2. Но в *"Законах"* теория происхождения у Платона более социальная, восходящая к роду и семье.

72. Ср. *Законы* 889 D-E, 709 B-D и Robin, *op. cit.*, pp. 224 f.; также всю аргументацию *Республики* о справедливости.

73. *Законы* 921B. Слово ἀξία.

74. *Ibid.*: γιγνώσκει γὰρ ὅγε δημιουργὸς τὴν ἀξίαν.

75. Ср. с. 15, п. 7 выше.

76. *Euthydemus* 280B-E, 281B, D, 288E-289A; *Meno* 88D-E.

77. *Unto This Last*, IV, 62: "Полезные предметы, которыми мы можем пользоваться"; 64: "Богатство - это обладание ценным доблестными" (т. XVII, 86 и далее); *Fors Clavigera*, письмо 70 (т. XXVIII, 712 и далее); *Munera Pulveris*, I, 14 (т. XVII, 154); II, 35 (т. XVII, 166 и далее). Экономические идеи Платона оказали большое влияние на Рёскина. Ср. *далее*, p. 149, n. 2. Ср. также т. XXXVIII, 112; XXXIX, 411, Рёскина. В предисловии к *"До последнего"* (т. XVII, XVIII) он говорит, что его "настоящая цель - дать... логическое определение богатства", которое "часто давалось случайно на хорошем греческом языке Платоном и Ксенофонтом". См. там же, n. 1, другие подобные ссылки.

78. *Там же.*

79. Ср. вышеприведенное примечание и *Mun. Pul.*, II, 30, примечания; *Fors Clav.*, Letter 70, 3 (Vol. XXVII, 713), "хорошие вещи".

80. *Fors Clav.*, Lett. 70, 8 f. (Vol. XXVIII, 718 ff.), где он ссылается на *Законы* Платона 727A.

81. См. *далее* цитаты.

82. Ср. с. 23 и примечания.

83. *Законы* 697B, 631C, 728A, 870B; *Apol.* 29D-E.

84. *Апол.* 30B; также *Laws* 743E; *Gorg.* 451E; ср. Рёскин, *Fors Clav.*, Lett. 70, 6 и 11 (т. XXVIII, 717), где он цитирует *Законы* 726-728A о ценности души. Он также цитирует *законы* 742-743 и *Rep.* 416E (ср. *Mun. Pul.* [Vol. XVII, 89, 148]).

85. *Законы* 743E.

86. 831C-D. Рёскин (*Crown of Wild Olive*, 83, Vol. XVIII, 456 f.) ссылается на *Крития* 120E и последующие, призывая к той же идее. Он также цитирует миф Платона о металлах, *Rep.* 416E, в аналогичном ключе (*Mun. Pul.*, III, 89, Vol. XVII, 211).

87. 631C цитируется Рёскиным, *Mun. Pul.*, III, 88 (Vol. XVII, 210).

88. 661A, 661B; *Rep.* 331A-B.

89. *Законы* 661B; *Hipp. Maj.* 290D; *Menex.* 246E.

90. *Mun. Pul.*, II, 35 и далее; он ссылается на Ксенофонта и Платона как на правых в этом вопросе. Ср. *Fors. Clav.*, I, 8 (т. XXVII, 122); *Unto This Last*, 64 (т. XVII, 89).

91. *Rep.* 550D, 373D: ἐὰν καὶ ἐκεῖ νοι ἀφῶσιν αὐτοὺς ἐπὶ χρημάτων κτῆσιν ἄπειρον ὑπερβάντες τὸν τῶν ἀναγκαίων ὅρον. О ἄπειρος см. *далее в* разделе "Аристотель". См. Dobbs, *op. cit.*, pp. 202 f. и примечание, о дурных результатах чрезмерного богатства и бедности в Греции той эпохи. Как и Рёскин, *Mun. Pul.*, VI, 153 и прим. (т. XVII, 277), который цитирует *Законы* 736E; *Aratra Pentelici*, IV, 138 (т. XX, 295 f.) о деньгах как корне всех зол, цитируя *Законы* 705B.

92. *Законы* 729A.

93. 742D.

94. *Rep.* 421D.

95. *Laws* 742E, особенно πλουσίους δ᾽ αὖ σφόδρα καὶ ἀγαθοὺς ἀδύνατον. О современном применении этой доктрины см. *выше*; ср. также 743A, C; *Rep.* 550E, 551A.

96. *Rep.* 422; ср. 372E и далее о состоянии φλεγμαίνουσα.

97. 373E; *Phaedo* 66C. Сравните современное учение о том, что прочный мир невозможен при нынешней экономической системе.

98. *Законы* 744D: διάστασις; также основная идея *республики*.

99. Это дух *Республики* во всем, но ср. особенно 369C-374D и p. 25, n. 7.

100. *Laws* 736E: καὶ πενίαν ἡγουμένους εἶναι μὴ τὸ τὴν οὐσίαν ἐλάττω ποιεῖν, ἀλλὸ τὸ τὴν ἀπληστίαν πλείω. Ср. *далее* о Ксенофонте для аналогичных идей. Карлайл, *"Сартор Резартус"*, глава "Вечная жизнь": "Дробь жизни можно увеличить не столько за счет увеличения числителя, сколько за счет уменьшения знаменателя". Рёскин, *"Время и прилив"*, II, 5 и далее (т. XVII, 319 и далее); см. 320, n. 1, для других ссылок. Торо: "Человек богат пропорционально количеству вещей, которые он может оставить в покое" - утрированная истина.

101. Так говорили Сократ (*Apol.* 41E, 29D-E) и Иисус (Мф. 6:33).

102. *Законы* 634A.

103. *Rep.* 329E-330A, 330D-331B; ср. также молитву *Федра* 279C: τὸ δὲ χρυσοῦ πλῆθος εἴη μοι ὅσον μήτε ἄγειν δύναιτ᾽ ἄλλος ἢ ὁ σώφρων; *Laws* 679B; *Gorg.* 477E: τίς οὖν τέχνη πενίας ἀππαλλάττει; οὐ χρηματιστική; ср. также 452C.

104. Ср. предыдущие примечания; также *Rep.* 421D-E; *Laws* 744D.

105. Бонар (*Philosophy and Political Economy*, pp. 13 f.) критикует *Rep.* 400-402 за то, что они не видят, что неограниченное богатство необходимо для реализации высшего искусства и красоты.

106. Платон также подчеркивает это, *Законы* 743E, 870B: οὐ χρὴ πλουτεῖν ζητεῖν τὸν εὐδαίμονα ἐσόμενον, ἀλλὰ δικαίως πλουτεῖν καὶ σωφρόνως; 660E; хотя он подразумевает, что неограниченное богатство - это обязательно зло.

107. *Rep.* 552B-D; ср. Robin, *op. cit.*, p. 243, n. 1, о κηφήν.

108. В *Мун. Pul.*, III, 91 (т. XVII, 213), он делает свинью Цирцеи типом ложного потребления; ср. *Fors Clav.*, Letter 38 (т. XXVIII, 30 ff.); *Mun. Pul.*, Pref., 16 (т. XVII, 139 f.); *Queen of the Air*, III, 124 ff. (т. XIX, 404 ff.); *Pol. Econ. of Art*, I, 48 ff. (Vol. XVI, 47 ff.); *Unto This Last*, IV, 76 (Vol. XVII, 102); Милль также нападал на эту идею.

109. *Unto This Last*, II, 40 (т. XVII, 56); ср. также *Mun. Pul.*, II, 54 (т. XVII, 178 f.).

110. Обсуждалось выше.

111. Ср. *Pol.* 281D-283A, где дается прекрасное описание ткацкого производства; также *Crat.* 388C и далее; *Phileb.* 56B, о плотницком деле.

112. *Pol.* 287D-289B; ср. Espinas, *op. cit.*, pp. 35 f.; "L'Art économie dans Platon," *Revue des Etudes Grecques*, XXVII (1914), 106 ff.

113. *Pol.* 281D-E; ср. также *Phaedo* 99A-B; *Phileb.* 27A; *Timaeus* 46C-D.

114. *Sophist.* 219A-D. Бонар (*указ. соч.*, с. 20) критикует это на том основании, что обучение может породить нечто новое, в то время как искусство может лишь изменить форму вещей, слишком серьезно относясь к Платону. Здесь мы имеем лишь характерное платоновское обобщение. Ср. Shorey, *Unity of Plato's Thought* (1903), p. 64, n. 500, о приведенных выше отрывках из *Sophist.* и *Pol.*; ср. Robin, *op. cit.*, pp. 231 f.

115. *Rep.* 371C.

116. *Laws* 918B-C, особенно πῶς γὰρ οὐκ εὐεργέτης πᾶς ὃς ἂν οὐσίαν χρημάτων ὠντινωνοῦν, ἀσύμμετρον οὔσαν καὶ ἀνώμαλον, ὁμαλήν τε καὶ σύμμετρον ἀπεργάζεται.

117. См. DuBois, *Precis de l'histoire des doctrines économiques dans leurs rapports avec les faits et avec les institutions*, pp. 45-47, где сравниваются Платон и Аристотель по этому вопросу. *Законы* 743D и отношение Платона к сельскому хозяйству (см. *далее*), казалось бы, должны указывать на другое. Ср. *далее*, p. 41, nn. 7-10. Эспинас (*Revue des études Grecques*, XXVII [1914], 247, n. 1) проявляет крайность, называя его физиократом. Этот термин скорее применим к Аристотелю.

118. Ар. (*Pol.* vi [iv]. *1291a12-19*) так толкует его, потому что он находит происхождение государства в физических потребностях (*Rep.* 369C ff.), но это резкая критика. Бланки вряд ли справедлив к Платону в этом вопросе (*Histoire de l'économie politique en Europe*, p. 88). О другой теории происхождения Платона см. выше, p. 22, n. 4.

119. *Pol.* 279C.

120. Ср. *далее* и Poehlmann, *op. cit.*, I, 574.

121. Как мы увидим, третья причина была преувеличена философами. О благоприятном отношении к труду в Афинах см. V. Brants, *Revue de l'instruction publique in Belg.*, XXVI (1883), 108 f., 100 f.; он проводит различие между *философской* и *политической доктриной*. Также Guiraud, *La main-d'œuvre industrielle dans l'ancienne Grèce* (1900), pp. 36-50; Zimmern, *op. cit.*, pp. 382 ff., 256-72. Более старое мнение о всеобщем предубеждении против свободного

труда в Греции см. в Drumann, *Arbeiter und Communisten in Griechenland u. Rom* (1860), pp. 24 ff. Франкотт (*L'Industrie*) занимает более консервативную позицию. Подробнее об этой проблеме см. *ниже*.

122. Гесиод *Erga*; *Theog.* 969-975, хотя даже здесь он противопоставляет себя торговле.

123. *Laws* 743D, но он бы даже ограничил это, чтобы не превратить это в грязное занятие.

124. *Laws* 760E-761C, 763D. Рёскин цитирует это в *Fors Clav.*; ср. т. XXIX, 546.

125. Ср. с. 19 f. и примечания; ср. также с. 106, n. 1. Обширная торговля Афин требовала наличия сравнительно большого денежного капитала, и значительная его часть была также вложена в рабов. О терминах см. *далее*, с. 68, н. 8 и далее.

126. Но ср. *законы* 742C (κεφάλαιον), а также *infra*, под Ксенофонтом, об условиях для капитала.

127. Ср. *Rep.* 552B, и p. 27. Каутский (*указ. соч.*, с. 119) преувеличивает это; ср. Сушон, *указ. соч.*, с. 91, n. 2, который, однако, замечает, что Платон, настаивая на коллективизме в земельной собственности, подразумевает, что "la terre est toujours un capital, et que la fortune mobilière ne l'est jamais".

128. См. *далее* о деньгах.

129. Об общем отношении к труду в Афинах см. с. 30, n. 4. Об отношении Платона к работнику см. *ниже*, в разделе "Распределение".

130. *Rep.* 590C, но только для того, чья высшая природа (τὸ τοῦ βελτίστου εἶδος) от природы слаба, хотя подразумевается, что это характерно для ремесленников. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 49 f.

131. *Законы* 842D, 806D-E, 741E, 846D, 919D.

132. 847A.

133. 743D.

134. *Очарование*. 163A-C.

135. *Горг.* 517D-518E.

136. 292E, 289E-290A .

137. *Там же*. 300E.

138. Ср. *Rep.* 371C для контраста в его отношении к этим двум; ср. Bonar, *op. cit.*, pp. 21 f.

139. *Законы* 846D, 847A. Рёскин (*Fors Clav.*, Letter 82, 34 [Vol. XXIX, 253 f.]) противопоставляет лихорадочный досуг, возникающий в результате экстремального зарабатывания денег, истинному досугу, ссылаясь *на Laws* 831.

140. *Законы* 743D. Аристократическое греческое чувство независимости против продажи своих сил другому и откровенное принятие рабства большинством современных мыслителей как естественного порядка также оказали некоторое неосознанное влияние.

141. См. *далее* цитаты из Целлера, а также умелую, но несколько экстремальную защиту Платона у Поэльмана (*op. cit.*, II, 36 ff.). Он цитирует Адама Смита, *"Богатство народов"*, V, I,

п. 2, ст. 2, в том же духе, что и Платон, о вреде механического труда, несмотря на его несомненный интерес к промышленным искусствам.

142. Francotte, *L'Industrie*, I, 246, в связи с *Законами*.

143. *Op. cit.*, p. 26, n. 2.

144. Эйзенхарт (*"Geschichte der Nationalökonomie*", p. 5) также говорит, что Платон называет "Volkswirtschaft gerade zu den Staat der Schweine". Дитцель ("Beiträge zur Geschichte des Socialismus und des Kommunismus", *Zeitschrift für Literatur und Geschichte der Staatswissenschaften*, p. 397, n. 1) критикует оба вышеназванных мнения.

145. *Sympos*. 209A; *Phileb*. 56C.

146. *Protag*. 321E.

147. *Rep*. 420E, 421C; *Laws* 779A, 807A-E, 808C. Отрывки из *Законов* особенно применимы к работе солдата и гражданина. Ср. Рёскин, *Unto This Last*, I, 22 (т. XVII, 40) за аналогичную идею о том, что функция рабочего заключается не в том, чтобы получать зарплату, а в том, чтобы хорошо выполнять свою работу.

148. *Rep*. 433A.

149. *Rep*. 552A, C, 564E; ср. *Laws* 901A, где он ссылается на отрывок из *Erga* 304 Гесиода: κηφηνέσσι κοθούροις. Ср. с p. 27, n. 1, выше. Poehlmann (*op. cit.*, II, 87 f.) указывает на требование Платона освободить женщину, чтобы увеличить общее число свободных работников, но Платон думает только о правящем классе.

150. *Законы* 918B-919C, относящиеся к розничной торговле; но если он мог признать это для этого, то, несомненно, мог и для промышленности. Ср. пассаж Аристотеля о либеральном и нелиберальном труде (*Pol. 1337b5-22*).

151. *Мун. Pul*, V, 105 и примечание (т. XVII, 234 f.), где он ссылается на платоновское уменьшительное ἄνθρωπίσκοι, применяемое к рабочим (*Rep*. 495C; *Laws* 741E); *Time and Tide*, 103 (т. XVII, 402), 127 (p. 423 и прим.); *Crown of Wild Olive*, 2 (т. XVIII, 388), о печи; *Lectures on Art*, IV, 123 (т. XX, 113); о дурных последствиях искусств, нуждающихся в огне, как, например, железообработка, где Xen. *Econ*. iv. 2, 3. Он часто ссылается на греческое отношение, например, т. XVIII, 241, 461, и выше. Но он не был абсолютным противником машин; см. *Cestus Aglaia*, 33 за то, что называют лучшим панегириком машине в английской литературе. Он даже предвидел великое будущее развитие механики (*Mun. Pul.*, 17).

152. *Камни Венеции* (т. X, 201); ср. также IV, 6 (т. XI, 202 f.), где он цитирует Платона *Alc*. I. 129.

153. *Fors. Clav.*, VII, 9 (т. XIX, 230).

154. Ср. т. XXVII, Введение, с. lxv.

155. *Rep*. 370A-C и многие другие отрывки. Ср. *далее*; *Законы* 846E-847A. См. *далее* о несправедливой интерпретации *Rep*. 421A Целлером и другими. Платон подразумевает в этом отрывке лишь то, что специализация более важна для государственного деятеля, чем для сапожника (421C).

156. *Rep*. 369C. Адам Смит считает это основополагающим фактом обмена (*"Богатство народов"*, I, ii).

157. *Rep*. 370C: πλείω τε ἕκαστα γίγνεται καὶ κάλλιον καὶ ῥᾷον, ὅταν εἷς ἓν κατὰ φύσιν, καὶ ἐν καιρῷ σχολὴν τῶν ἄλλων ἄγων, πράττῃ. Впервые он излагает этот принцип менее правдоподобно, как литературный прием, *Rep*. 369C; ср. 433A.

158. *Rep*. 370C, B.

159. *Указ. соч.*, I, гл. ii.

160. Герберт Спенсер, *Принципы социологии* (1900), III, 342-49. Ср. также Рёскин, *Fors Clav.*, IV, 15 (т. XXVIII, 160).

161. *Rep*. 370B-C, 374B-E.

162. *Op. cit.*, I, chap. 1. Платон подразумевает рост богатства. Хейни (*указ. соч.*, с. 41) отмечает, что Платон думал о преимуществах разделения труда в первую очередь для государства, а не для отдельного человека. Ср. далее *"Богатство народов"*, II, введение.

163. *Rep*. 370C-371B; ср. DuBois, *op. cit.*, p. 37.

164. *Rep*. 370C-D.

165. 371C.

166. 371B; *Законы* 918B.

167. *Rep*. 370E-371A. В *"Законах*" он не распространяет этот принцип на международную торговлю. Ср. Бонар, *указ. соч.*, с. 17.

168. Поэльман (*указ. соч.*, II, 185 f.) отмечает противоречие между тем, что Платон настаивает на разделении труда, и его стремлением к простой жизни. Но философ осознает это и знает, что более простой идеал невозможен. Ср. V. Brants, *Revue de l'instr. pub. en Belg.*, XXVI (1883), 102-4, о факте широкого разделения труда в афинской промышленности.

169. δημιουργοὺς ἐλευθερίας; *Rep*. 395C, 434A-D; ср. также 420B-421B. В *Законах* ремесленники и торговцы - неграждане (846D, 847A, 918B-C), но не из-за предрассудков, а ради лучшего управления.

170. *Rep*. 374B-E.

171. 395A-B; ср. примечание Адама к 395A, объясняющее *Sympos*. 223D, где Платон утверждает обратное. Он считает, что в отрывке *из "Республики"* Платон говорит об идеале, а здесь - о факте. Но ср. Shorey, *Unity*, etc., p. 78, n. 597.

172. *Rep*. 433A-B, D, 434A-D, 432A, 443-444A, 396D-E; *Charm*. 161E. В своем широком применении закона он пошел дальше Адама Смита. Ср. Souchon, *op. cit.*, p. 81 и n. 2.

173. *Rep*. 397E-398A.

174. 443C-D; ср. Nettleship *Lectures on the Republic of Plato*, p. 71.

175. Онкен замечает (*Geschichte der Nationalökonomie*, pp. 34-36), что если Смит черпал из закона идею свободы торговли и промышленности, то Платон выводил из нее строжайшее подчинение их воле государства, и что он также основывал на этом принципе кастовую

систему. О предполагаемой кастовой системе см. Souchon, *op. cit.*, p. 82, и далее, в разделе "Распределение". Государство Аристотеля предполагает еще более жесткое разделение способных на немногих. О понимании Платоном экономических принципов см. Robin, *op. cit.*, pp. 229 и далее. Он критикует Гиро за принижение ценности социальных идей Платона и призывает судить его не по ценности предложенных им средств, а по его научной проницательности (p. 252).

176. *Rep*. 395A-B; 374E, 395B; εἰς σμικρότερα κατακερματίσθαι.

177. *Apol*. 21C-22E; ср. *Rep*. 495D-E, хотя это скорее относится к дурным последствиям банаусической жизни. Ср. Bonar, *op. cit.*, p. 16. Рёскин (*"Камни Венеции*", VI, 16 [т. X, 196]) говорит: "Разделяется не труд, а люди, разделенные на сегменты людей". Это подавляет их способности.

178. *Rep*. 552A.

179. 396C-373E; ср. Bonar, *op. cit.*, p. 27.

180. 579D.

181. Ср. Циммерн, *указ. соч*, p. 389, прим.; *Laws* 777B: δῆλον ὡς ἐπειδὴ δύσκολόν ἐστι τὸ θρέμμα ἄνθρωπος καὶ πρὸς τὴν ἀναγκαίαν διόρισιν, τὸ δοῦλόν τε ἔργῳ διορίζεσθαι καὶ ἐλεύθερον καὶ δεσπότην οὐδαμῶς εὔχρηστον ἐθέλει εἶ ναι τε καὶ γίγνεσθαι. О его предполагаемой кастовой системе см. выше, п. 2, и *далее*.

182. *Rep*. 469C; ср. *Pol*. 309A.

183. *Laws* 806D. Рёскин о рабстве, см. *далее* об Аристотеле.

184. *Законы* 776D-777E. Эспинас (*Revue des Etudes Grecques*, XXVII [1914], 256) замечает, что Платон в своем отношении к рабам занимает среднее положение между двумя крайностями.

185. Ср. Xen. *Ath. Pol*. i. 10-12 о легкой жизни рабов в Афинах, а также Циммерн, *указ. соч*. С. 382 и далее, который указывает, что это было вызвано экономической необходимостью. Ср. 777C-D; *ср. Rep*. 578D-579A об опасностях и бедах, возникающих при широком рабовладельческом хозяйстве.

186. Законы 915A и далее, еще одно яркое свидетельство фактического положения вольноотпущенников и рабов в Афинах.

187. Rep. 371B. Слово νόμισμα - то, что установилось в результате использования, отсюда "текущая монета", не обязательно указывающая на внутреннюю ценность, как χρήματα и металлы. Ср. Ar. *Clouds* 248 за игру слов, θεοὶ ἡμῖν νόμισμ᾽ οὐκ ἔστι. Ср. аналогию между ним и мудростью *в Frogs* 720 и *Phaedo* 69A.

188. Rep. 371B: ξύμβολον τῆς ἀλλαγῆς.

189. *Fors Clav.*, IV, 11, примечание (т. XXVIII, 134 f.); ср. также т. XVII, 50, 194 f.

190. 742A-B: νόμισμα δ᾽ ἕνεκα ἀλλαγῆς; 918B: ἐξευπορεῖν καὶ ὁμαλότητα ταῖς οὐσίαις, относящийся непосредственно к торговцам.

191. *Законы* 918B.

192. *Rep*. 553E; об Аристотеле см. *ниже*.

193. *Законы* 743D.

194. 849E.

195. 742C, 915D-E; *Rep*. 556A-B; *Laws* 850A.

196. 921C, обол в месяц .

197. *Rep*. 555E.

198. *Форс*. *Clav.*, примечания к письму 43, 14 (т. XXVIII, 121 f.), примечания к письму 81, 16 (т. XXIX, 212), где он ссылается на Платона и Аристотеля; *Mun*. *Pul.*, IV, 98, примечание (т. XVII, 220), где он абсолютно осуждает его; On the Old Road, т. XXXIV, 425, о ростовщичестве, заканчивается цитатой из Законов 913C; ἃ μὴ κατέθου, μὴ ἀνέλη.

199. Например, недавняя книга Дж. Скотта Неринга о *доходах*.

200. *Laws* 679B, 831C; *Rep*. 545B ff., 548B. Ср. Рёскин о зле, проистекающем от денег, т. XX, 295 f.

201. *Законы* 743D, 742A-B, 801B.

202. 742A.

203. Раскин, *Мун*. *Pul.*, I, 25. Он считает, что это пережиток варварства, который исчезнет с развитием цивилизации.

204. *Законы* 742A-B.

205. *Софист*. 223C-D; ср. *Pol.*, 289E за тройное деление коммерсантов, κάπηλοι, ἔμποροι и ἀργυραμοίβοι; ср. *Phaedo*, 69A за образное использование ἀλλαγή.

206. *Rep*. 370A-E, home; 370E-371E, foreign; ср. выше идею Адама Смита.

207. 370E-371A; Корнфорд (*op*. *cit.*, p. 66) ошибочно утверждает, что Платон не знал закона, согласно которому экспорт должен уравновешивать импорт. Ср. *указ*. *соч.*, с. 37.

208. Boeckh, *Die Staataushaltung der Athener*, I, pp. 382 ff.; Zimmern, *op*. *cit.*, 1st ed., p. 317. Но см. Brants, *Xenophon Economiste*, p. 18, n. 2 и ссылки, о протекционистской тенденции торговой политики Афин.

209. *Laws* 847C; Сушон (Souchon*, op*. *cit.*, p. 102) видит в этом меркантильную тенденцию, но цели совершенно иные.

210. 847B.

211. *Rep*. 371C-D.

212. *Законы* 918B-C.

213. *Rep*. 369C.

214. Об отношении обмена к производству см. выше, с. 28.

215. Pp. 19 и далее.

216. С. 41 и примечания.

217. *Законы* 918B.

218. 918D.

219. 918E.

220. P. 41 и примечания.

221. *Законы* 918A, 920C. Похоже, он считает, что торговля в том виде, в каком она ведется, - это форма мошенничества, при которой один получает то, что другой теряет. Ср. Рёскин, *Unto This Last*, I, 22 (т. XVII, 40 f.); IV, 66 ff. (т. XVII, 90 ff.); *Mun. Pul.*, IV 95 и далее (т. XVII, 217 и далее), где он ссылается на *Rep*. 426E о трудности излечения этой болезни торговцев; ср. т. XVII, *Intro.*, p. xlvi, цитируя Xen. *Mem.*, iii. 7. 5, 6, о тех, кто "постоянно думает, как бы купить подешевле и продать подороже".

222. *Rep*. 371C.

223. 416A-417A.

224. Ср. 415E, χρηματιστικάς в отличие от στρατιωτικάς.

225. 741E, 743D, 919D.

226. 920A.

227. 919D.

228. 915A-B, хотя это особенно касается вольноотпущенников.

229. 850B-C, и п. 1, выше.

230. 919C.

231. 849D-E, 850A, 915D; см. *далее* об этом и других положениях в их применении к современной экономике.

232. 916D-E; ср. 917.

233. 917B-D.

234. 920B-C. Рыночные правила Платона исключали бы из обмена всякую эгоистическую конкуренцию и всякую выгоду, выходящую за рамки простого вознаграждения за затраченный труд, и основывали бы его на духе взаимности. Таким образом, здесь, как и во многих других случаях, он является образцом для Аристотеля, который обычно не признает своего долга. Эспинас (*Revue des Etudes Grecques*, XXVII [1914], 246) едва ли соответствует современному духу, заявляя, что конкуренция - это социальная связь, и что Платон неправильно понимает природу этой связи.

235. 920A-B, 919D.

236. *Законы* 920C.

237. Циммерн (*op. cit.*, p. 280, n. 1) называет его "дедовским".

238. Но ср. Робин, *указ. соч.*, с. 212, н. 1, который утверждает, что многие из его предложений основаны на реальном законодательстве в Афинах или других частях Греции. Ср. также Hermann, *Ges. Abh.* (1849), pp. 141, 153, 159, на которые он ссылается; J. Schulte,

Quomodo Plato in legibus publica Atheniensium instituta respexerit (1907, диссертация), и библиографию, приведенную там. Но он очень мало занимается экономическими и социальными законами Платона.

239. Платон видел, что она может добавить значение времени и места (с. 41 и примечания).

240. Ср. выше, p. 42, n. 7; также *Fors Clav.*, Letters 45, 82; *Crown of Wild Olive*, II, 75 f. (Vol. XVIII, 450 f.). Он утверждает, что в обмене не должно быть никакой выгоды, кроме платы за труд, затраченный на него. Он настаивает на том, что "на каждый плюс в обмене приходится точно такой же минус". Аналогичную идею см. *далее* об Аристотеле, с. 107 и далее.

241. *Op. cit.*, p. 278, n. 2; ср. выше, pp. 42 f.

242. Ср. с. 43.

243. *Там же*.

244. *Там же*. Ср. более социалистическую идею Рёскина о том, что все розничные торговцы должны стать наемными офицерами (*"Время и прилив*", XXI, 134 [т. XVII, 427]).

245. Ср., например, Dem. *De corona* 87; *Cont. Lept.* xx. 31; *Cont. Andr.* xxii. 15; *Cont. Lacrit.* xxxv. 50; Lysias xxii; Hdt. vii. 102; Thuc. iii. 86, и многие другие отрывки. Современные дискуссии см. в: Droysen, *Athen und der Westen* (1882), pp. 41 ff.; Grundy, *Thucydides and the History of His Age* (1911), pp. 58-95; Zimmern, *op. cit.*, 1st ed., pp. 349 ff.; Gernet, "L'Approvisionment d'Athènes en blé," *Mélanges d'histoire, ancienne*, 1909; Beloch, *G. G.*, I, 406 f.; *Bevölkerung im Alterthum* (1898), p. 30, etc.

246. *Rep.* 372C: οὐχ ὑπὲρ τὴν οὐσίαν ποιούμενοι τοὺς παῖδας.

247. *Laws* 740D; но его конкретные методы осуществления его трудного предложения, если он мог их предложить, были, вероятно, неосуществимы, судя по его рассуждениям о женщинах и детях в *Республике*. Рёскин предлагает для решения этой проблемы колонизацию, мелиорацию пустующих земель и препятствование бракам (*Unto This Last*, IV, 80 [Vol. XVII, 108]).

248. *Laws* 740E; Ар. (*Pol. 1265b6-12*) несправедливо критикует его за то, что он ограничил количество имущества и сделал его неделимым, не предусмотрев при этом слишком высокой рождаемости.

249. 741A.

250. Ср. Рёскин, цитированный выше, с. 27.

251. Греческий термин, см. *далее* об Аристотеле.

252. Ср., однако, Xen. *Mem.* ii. 7. 12-14, обсуждаемые *далее*, которые могут быть предположением теории прибыли.

253. *Законы* 921A-D, обсуждаемые на с. 39, н. 8; ср. также 847B.

254. Процитированные выше отрывки из п. 1 не обязательно подразумевают труд для капиталистов. Не похоже, что в Афинах когда-либо существовало значительное число свободных гражданских рабочих, которые работали на капиталистов, хотя число свободных рабочих, если не считать труда на фермах, было довольно большим. Ср. записи *C.I.A.* о таком труде на постройках акрополя; Boeckh, *op. cit.*, I, 58: "Der geringere war durch seine Umstände

so gut als der arme Schutzverwandte oder Sklave zur Handarbeit genöthigt." О благосклонном отношении к свободному труду в Афинах см. выше, с. 29, н. 4. Поэльманн (*указ. соч.*, *на мест. яз.*) придерживается противоположного мнения относительно количества свободных рабочих для капиталистов.

255. *Rep.* 552B-D, характерный отрывок; *Gorg.* 507E; *Laws* 757B.

256. 920C.

257. 740B и далее, 923; но его цель - сохранить наделы в неприкосновенности.

258. 847B: μισθῶν δὲ αὐτοῖς περὶ καὶ τῶν ἀναιρέσεων τῶν ἔργων, καὶ ἐάν τις αὐτοὺς ἕτερος ἢ κεῖνοί τινα ἄλλον ἀδικῶσι, μέχρι δραχμῶν πεντήκοντα ἀστυνόμοι διαδικαζόντων, etc.; возможно, это натянутая интерпретация.

259. О его отношении к промышленности см. стр. 32 и далее.

260. Бонар, *указ. соч.*, с. 29.

261. Bussy, *Histoire et Réfutation du Socialisme* (1859), p. 119.

262. Онкен, *указ. соч.*, с. 34.

263. Haney, *op. cit.*, p. 16.

264. Целлер, *Phil. Gr.*, II, 1 (1889), 907; ср. также выше, с. 32 f. Историки экономической мысли в целом излагают дело предельно точно; например, Каутц, *op. cit.*, p. 59; Бланки, *op. cit.*, p. 45; Сушон также, в некоторой степени. Поэльман (*указ. соч.*, II, 36-108) ошибается в противоположную сторону.

265. Pol. ii. 5. *1264a11-17*, 36-38; *1264b11-13*.

266. 423D: ὡς δόξειεν ἄντις; также 425D, оба цитируются Poehlmann.

267. 415E-417B, 420A-421C не допускают иного толкования. Ср. 421C, где он переходит к следующему связанному с ним (τοῦ τούτου ἀδελφόν) вопросу о влиянии богатства или бедности на ремесленников (τοὺς ἄλλους δημιουργούς). Другие цитаты см. также *ниже*.

268. *Pol. 1264a36-38*, повторяется многими современниками.

269. *Rep.* 415B-C.

270. Ср. неразборчивое заявление Сушона, *op. cit.*, p. 41: "Et il'y n'y guère eu, au cours de l'histoire de la science politique, de conception plus aristocratique que le mythe fameux des trois races d'or, d'argent et d'airain."

271. *Pol. 1264b15-25*, повторено Гротом и другими.

272. *Rep.* iv. beg.-421C.

273. I Кор. 12:14 и далее; другие свидетельства интереса Платона ко всем классам см. в 519E и далее, а также весь аргумент против Фрасимаха, книга I.

274. *Реплика* 421A, приводимая Целлером, *op. cit.*, II, 1, 907, в качестве доказательства этого, гласит лишь, что важнее, чтобы были эффективные правители, чем эффективные сапожники. См. Poehlmann, *op. cit.*, II, 36-108, мастерскую защиту *Республики* по этому вопросу, критикующую как Целлера, так и Гомперца. Однако он ошибается и с другой стороны,

например, на стр. 96, где он делает вывод из *Rep*. 462C, что Платон хотел, чтобы его коммунизм распространялся на весь народ.

275. 416A-B, 417B.

276. 415A, представляя предполагаемый аристократический миф.

277. 463B, 417B, 416A, 547C.

278. 431E-432A, 443E, 423D .

279. 421C-E, цитируется по с. 48, n. 8. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 91.

280. 590C.

281. 431D-E, 434C.

282. 378B, E, 377B, настаивая на надлежащих историях для всех детей; 915E-520A, подразумевая, что ремесленники должны участвовать во всех благах государства в пределах своих возможностей.

283. 643B-C.

284. 847B, 921C-D.

285. 936B-C.

286. Милль является исключением, но, несмотря на его глубокие определения экономики.

287. Ср. Ar. *Pol*. ii. *1266b17-24*.

288. О спартанской системе см. Guiraud, *La Prop. fonc.*, pp. 41 f.; Poehlmann, *op. cit.*, I, 75-98, оба из которых выступают против более экстремальной теории коммунизма в Спарте.

289. По этому общему вопросу см. Guiraud, *La Prop. fonc.*, 573 f.; ср. S. Cognetti de Martiis, *Socialismo Antico* (1889), pp. 515-17, о социалистических тенденциях в греческих конституциях и политике.

290. Например, Esmein, *Nouvelle Revue historique*, 1890, pp. 821 ff. Опровержение см. Poehlmann, *op. cit.*, 1st ed., pp. 20 ff.; Guiraud, *op. cit.*, p. 37; Souchon, *op. cit.*, pp. 135 ff.

291. Опровержение распространенной ошибки см. в Zeller, *op. cit.*, I, 1, 317, n. 1, и 318, n. 2; Guiraud, *op. cit.*, pp. 574 f. и 7-11; Souchon, *op. cit.*, pp. 136-39 и примечания. Самые ранние свидетели пифагорейского коммунизма - Эпикур в Diog. L. x. 2, и Тимей из Тавромения, там же, viii. 10 отдалены от его времени и не заслуживают доверия. Более поздние авторы (Diog. L. viii. 10; Aul. Gell. i. 9. 12; Hippolytus *Refut*. i. 2. 12; Porphyry *Vit. Pyth*. 20; Jamblichus *De Pyth. vit*. 30, 72, 168, 257 и т. д.; Фотий, под κοινά) процитировали, и сделали традицию общей. Более древние авторы ничего не знают об этой традиции. Более того, некоторые отрывки свидетельствуют о наличии частной собственности у пифагорейцев (Diog. L. viii. 1. 15, 39). Происхождение традиции правдоподобно объясняется непониманием пословицы κοινὰ τὰ τῶν φίλων и доктриной моральной полезности у пифагорейцев. С. Коньетти де Мартис (*указ. соч.*, с. 459 и далее) называет его *socialismo cenobito*.

292. *Pol*. ii. 8. Пифагореец Гипподамас, цитируемый *Stob. Flor*. xliii (xli). 92 f., не следует путать с ним. Первый писал на дорийском диалекте и существенно отличается от него по своим идеям. Его три сословия - правители, солдаты и все рабочие, включая купцов и крестьян. Он

ничего не говорит о разделе земли или о том, кому она должна принадлежать, но предусматривает, что третий класс должен обеспечивать жизнь остальным. Но ср. Robin, *op. cit.*, p. 228, n. 1, который выделяет их.

293. *Pol. 1267b31-33*. Ср. провидческую статью Корнфорда (*Class. Quart.*, VI [1912], 246 и далее), в которой он пытается доказать, что тройственная психология *Республики* Платона является выводом из этого тройственного деления общества. Ср. аналогичную идею Поленца, *Aus Platos Werdezeit* (1913), pp. 229 ff.

294. ii. 8. *1267b33-36*.

295. *1268a34* и далее.

296. Так считает Сушон (Souchon, *op. cit.*, p. 141), который считает его индивидуалистом.

297. *Pol.* ii. 7.

298. *1266a37* f.

299. *1266a40*: φησὶ γὰρ δεῖ ν ἴσας εἶναι τὰς κτήσεις τῶν πολιτῶν; *1266b31-33*, для осуществления в старом состоянии, отчасти позволяя только богатым давать приданое и только бедным получать его; *1266b2-4*.

300. Ар. (*1267b10*) критикует его за это.

301. *1267b15*; ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 7 f.

302. *1266a37* f.; *1267a1* f. Рассказ Аристотеля об этих писателях, как и о Платоне, является неполным и неудовлетворительным.

303. *Rep.* 415A; см. выше, стр. 48 и далее об этом и следующем примечании.

304. 420B-C.

305. 416D-E, 458C; ср. также *Критий* 112B-C, где общие дома, общие трапезы и запрет на золото и серебро представлены как идеал.

306. 457D.

307. 462B-C.

308. 451D-455D. Поэльман указывает на эту доктрину об *эбенбюртигкейт* женщин как на передовую почву даже для христианства.

309. 451E.

310. Гиро (*La Prop. fonc.*, p. 578) выделяет такие элементы в системе Платона, *Республике* и *Законах*: исключительное право собственности, принадлежащее государству; пользование землей, предоставленное части граждан; распределение продукта между всеми гражданами; обязанность работать, сдерживаемая равенством в службе; неравенство классов и равенство людей в каждом классе; наследственность профессии, исправляемая отбором талантов.

311. Ср. стр. 48 f. и примечания. Даже Аристотель признает (*1264a33*), что Платон делает своих мужей абсолютными собственниками своих участков при условии выплаты арендной платы. Только правители (μόνοις) должны хранить себя от серебра или золота (417A). Ср. кн. IV, beg.: οἷ ον ἄλλοι ἄγρούς τε κεκτημένοι καὶ οἰκίας οἰκοδομούμενοι и др.; 420A, 416D-E, 458C,

464B-D, где община применяется только к стражникам, и 464A-D, где то же самое относится к семейному коммунизму. Несомненно, он распространил бы его и дальше, если бы счел это возможным (462B-C), но Поэльман (*op. cit.*, I, 569 f.; II, 96 f.) преувеличивает это требование Платона. Adler (*Geschichte des Socialismus und Kommunismus von Plato bis zur Gegenwart*, p. 44), DuBois (*op. cit.*, p. 40), Oncken (*op. cit.*, p. 34), Souchon (*op. cit.*, 148); Malon (*op. cit.*, pp. 90 f.), Shorey (*Class. Phil.*, October, 1914, art. on "Plato's Laws") все согласны с вышеприведенным выводом. Франкотт (*L'Industrie*, II, 258 ff.) оставляет вопрос открытым, но (261 f.) замечает, что третий класс, по крайней мере, удерживается от крайностей богатства и бедности.

312. 421D, 421E-422E.

313. *Там же*, основополагающая идея *Республики*. Л. Штайн (*Sociale Frage*, p. 164) справедливо говорит: "Denn der Kommunismus Platons ist seinem Schoepfer nicht Zweck, sondern blosses paedagogisches Mittel."

314. 415E-416A, 417B, 420D, 421A, 421C. Он также хотел избежать вульгаризации правителей через торговлю (416E-417A).

315. 421D.

316. Рёскин считает, что неравенство владений само по себе не обязательно означает ни зло, ни благо для нации (*Unto This Last*, II, 31 [Vol. XVII, 46 f.]); он утверждает, что каждый рождается с абсолютно ограниченными способностями, и называет идею естественного равенства людей "радикальным блокхедизмом" (*Fors Clav*, VIII, Письмо 95, 6 [т. XXIX, 496]); ср. *Unto This Last*, III, 54 (т. XVII, 74); *Modern Painters*, III, Pt. IV, chap. x, 22 (т. III, 189); *Seven Lamps of Architecture*, IV, 28 (т. VIII, 167); *Fors Clav.*, II, Письмо 14, 4 и примечание (т. XXVII, 248); *Stones of Venice*, III, 4 (т. XI, 260), все из которых подчеркивают ее невозможность. Он решительно выступает против социализма, см. выше, а также *Mun. Pul.*, 21 (т. XVII, 144), хотя его экономические идеи содержали, по сути, зародыши современной социалистической доктрины.

317. Ср. его ироническую критику демократического равенства в Афинах, 558C: ἰσότητά τινα ὁμοίως ἴσοις τε καὶ ἀνίσοις διανέμουσα; *Законы* 757B-D, 744B-C; ср. *далее* об идее Аристотеля. См. с. 61, n. 1 для дальнейшего рассмотрения этих отрывков.

318. Поэльманн (*указ. соч.*, I, 553, n. 3) проявляет крайность, утверждая, что платоновский рассказ о росте пролетариата и классовой борьбе (Книга VIII) содержит "все существенные признаки билдов, которыми руководствуется современная Плутократия", и (560), "Das vierte Jahrhundert v. Chr. hat uns den Kampf vorgekämpft in welchem wir selbst mittenhineinstehen."

319. Поленц (*указ. соч.*, стр. 240) считает свой социализм реакцией против индивидуализма Перикла, но при этом делает крайнее утверждение: "Основой, на которой Платон создал свой идеал, является сильный социализм".

320. Ср. p. 43, n. 10. Он, очевидно, признает свои идеи о семье и короле-философе утопическими; см. также 425D-E; но Poehlmann (*op. cit.*, II, 144-52) выступает против этого мнения. Ср. Шори, *Class. Phil.*, October, 1914, pp. 357 f., об идее закона в *"Законах* и *политике"*.

321. Когда ее отстаивали, это не было связано с возвышенными мотивами Платона.

322. Поэльман ((*op. cit.*, I, 579, 598) признает это. Гиро (*La Prop. fonc.*, p. 594) указывает, что аналогия с современным социализмом затруднительна из-за современной отмены рабства, больших размеров государств и значительного роста личной собственности.

323. Так же и Сушон (*указ.* соч., с. 145 и далее); Гиро (*La Prop. fonc.*, p. 638) хорошо говорит: "Если бы эти дерзкие [современные социалисты] отказались применить свои проекты, то общества, которые отделились от них, не имели бы ни малейшего сходства с адским обществом". См. также *ibid.*, p. 594, где он проводит различие между Платоном и современными социалистами. Франкотт (*L'Industrie*, II, 250, n. 1) делает *"Республику"* по сути социалистической, хотя и признает, что она не имеет современной цели (p. 255). Поэльман (*указ. соч.*, II, 123-43) делает ее "Koinzidenz der beiden Prinzipien" (p. 143). Вольф (*Gesch. d. Ant. Kommun. u. Individ.*, p. 96) различает две цели Платона: сильный дух общины и сильную центральную власть, лишенную эгоистических интересов. См. С. Коньетти де Мартис (*указ. соч.*, с. 524-89) о *философском социализме "Республики"*.

324. *Vierteljahrschrift f. Staats u. Volkswirtschaft*, I, 375 ff. Конечно, Аристофан мог карикатурно изобразить Платона, как он изобразил Сократа в *"Облаках"*. Однако, поскольку оба они выступали против крайнего индивидуализма, а комедия была написана до *"Республики"*, это маловероятно. Но см. Drumann, *Arbeiter u. Communisten in Griechenland u. Rom* (1860), pp. 133 f., который считает, что поэт сатирически изобразил устные дискуссии Платона. Поленц (Pohlenz*, op. cit.*, pp. 223-28) приводит доводы в пользу более раннего издания *"Республики"* и утверждает, что, хотя комедия не является прямой сатирой на *"Республику"*, ее многочисленные специфические идеи и выражения, сходные с платоновскими, позволяют сделать вывод, что поэт следовал Платону. См. также С. Коньетти де Мартис (*указ. соч.*, с. 541-61) о связи этих двух произведений.

325. 434D-E, а также весь план *"Республики"*. Ср. Poehlmann, (*op. cit.*, I, 527 ff.; также II, 210 f.), об идее Платона о заранее установленной гармонии между индивидуальным и общим благом.

326. Поэльман (*указ. соч.*, II, 205 и далее) предполагает, что это изменение стало результатом опыта общения Платона с Дионисием Сиракузским, но его можно легко объяснить естественным консерватизмом возраста. Ср. Шори, *Class. Phil.*, IX (1914), 353.

327. 739D, 740A.

328. 739C-E, 807B.

329. 737E, 741C.

330. 831C-D, хотя в нем говорится о любви к богатству, 807B, 713E.

331. Ср. Гиро (*La Prop. fonc.*, pp. 582 f.); подробности см. *ниже*.

332. 740-741A, 923A-B, замечательный отрывок, в котором говорится, что они не являются полными владельцами ни себя, ни своего имущества, но что они принадлежат всему роду, прошлому, настоящему, и будущему (ξύμπαντος δέ τοῦ γένους ὑμῶν τοῦ τε ἔμπροσθεν και τοῦ ἔπειτα ἐσομένου), и особенно государству.

333. 737E, 745C-E.

334. 745C-E.

335. 740B.

336. 741B-C.

337. 745A, 855A-B, 754E-755A, 744E.

338. 740B, 923C. Если семья большая, женщины должны быть выданы замуж, а мужчины усыновлены бездетными (740C). Личное имущество может быть завещано другим детям (923D); см. также выше, с. 45 f. и примечания.

339. 740C, 741B-D.

340. 847E-848C.

341. 741E.

342. 847D, 919D.

343. 846D, 847A, 919D.

344. 806E.

345. 920A; см. выше, об обмене .

346. 849C.

347. Ср. с. 39 и примечания.

348. Ср. с. 40 и примечания.

349. 742C.

350. Ср. с. 59 и примечания.

351. 744E. Таким образом, все богатство варьируется от голого лота до пятикратной его стоимости. Ср. Jowett, *Dialogs of Plato*, 3d ed., V, 127, хотя разделение на четыре класса может означать, что высший класс был только в четыре раза больше стоимости лота. Эспинас (*Revue des Etudes Grecques*, XXVII [1914], 237) принимает первое толкование.

352. 54D-E. Таким образом, стоимость лота составляла всего одну мину.

353. 744E, 745A.

354. 745A, 754D-E (который требует ее только за избыток), 755A. Эспинас (*op. cit.*, pp. 118 и далее) подчеркивает аскетическую направленность своих предписаний.

355. 729A и далее, 919B, 936B-C, против нищих.

356. 744B-E, и вышеприведенные заметки.

357. Книга VII.

358. 780B; женщины и дети отдельно, 806E; о его критском происхождении, 625E и далее.

359. 846D, 847A, D, 919D, 806E.

360. 744B; ср. с. 55 f. о равенстве; ср. 757B-D, противопоставляя простое арифметическое равенство (τὴν ἀριθμῷ ἴσην), которое легко осуществить, и истинное равенство, которое очень трудно. Это последнее распределяет каждому в соответствии с его природой (πρὸς τὴν

φύσιν αὐτῶν). Эти два понятия почти противоположны (ἐναντιαῖν). Эспинас (*op. cit.*, p. 236) считает, что деление на имущественные классы в *Законах* - это попытка реализовать этот принцип.

361. 744B.

362. 736C-D, 704.

363. *Op. cit.*, p. 143; ср. также pp. 163-65, где он сравнивает его с современным коллективизмом; ср. p. 162; также Poehlmann, *op. cit.*, II, 295.

364. 923A; ср. 877D, а также большую часть законодательства о собственности, см. выше.

365. Ср. с. 59 f. и примечания. Современная аналогия не близка, однако в каждом случае целью является предотвращение неправомерной выгоды, в результате которой угнетается общество.

366. Ср. с. 30, n. 3.

367. Ср. с. 59 и примечания. Социалистическая тенденция к чрезмерному подчеркиванию власти закона сильна и здесь, как и в *"Республике"*. Но ср. с. 36, n. 4, и *Законы* 807B, 746A-B, 747B.

368. *Время и прилив*, IX, 5-9. Современные художники, V, Пт. 8, гл. i, 6 (т. VII, 207). Эспинас (*Revue des Etudes Grecques*, XXVII [1914], 246) называет это платоновское отрицание "конфликта интересов" в торговле "вечной темой социалистической химеры".

369. Законы 626E: τὸ πολεμίους εἶναι πάντας πᾶσιν; цитируется по Poehlmann, *op. cit.*, I, 557; но он преувеличивает аналогию.

370. Ср. 742D-E, 743D-E, 729A, а также замечания о розничной торговле, 918B-919E, 870B; ср. также выше, о богатстве.

371. Как видно, все они - рабы или чужеземцы. Прямое сравнение вряд ли возможно, поскольку в *Республике* масса составляет большинство граждан, а в *Законах* - ни одного.

372. 744D; ср. Shorey, *Class. Phil.*, IX (1914), 363: "Цель Платона, однако, не социалистическое уравнивание "благ" жизни, а принудительное бескорыстие правителей и полная самореализация каждого типа человека в ограничении его собственной сферы и задачи".

373. Ср. с. 55 и 60, о равенстве; также примечание 4, выше.

374. Франкотт (*L'Industrie*, II, 250) полагает, что к *Законам* более применим термин *l'étatisme*, "национализм". Он отличает его от социализма, поскольку тот не так сильно ограничивает личность, как "социализм" *Республики*. Ср. Shorey, *Class. Phil.*, IX (1914), 358, о знаменитом "коммунистическом" отрывке в *Законах* 739C: ὄντως ἐστὶ κοινὰ τὰ φίλων, и т.д. Он называет это "риторическим возвеличиванием того идеального единства гражданского чувства, которое Демосфен порицает Эсхина за то, что он его не разделяет". О дальнейших коммунистических идеях Платона см. его неоконченную романтическую историю Атлантиды в *"Критиях"*. Идеал схож с идеалом более крупных произведений. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 348 и далее.

375. Мы не будем пытаться провести различие между реальными идеями Ксенофонта и теми, которые он объективно передает как сократические.

376. О ксенофонтовском авторстве *"Доходов"* см. Croiset, *op. cit.*, IV, 393 и примечания; Christ, *Griechische Literatur-Geschichte*, 4th ed., pp. 367 f. и примечания. Там же приводятся и другие авторитеты.

377. οἰκονομικός, по крайней мере, первый из дошедших до нас, посвящен частной экономике, особенно сельскому хозяйству, но обнаруживает практический интерес к деталям производства богатства. Дальнейшее обсуждение *Economica* в греческой литературе см. *далее*.

378. О некоторых оговорках см. выше, Введение.

379. *Econ.* i. 2: οἰ κονόμου ἀγοθοῦ εἶναι οἰκεῖν τὸν ἑαυτοῦ οἶ κον; ср. 3: τὸν ἄλλου δὲ οἶ κον. οἶκον используется в отношении всего имущества (5).

380. *Mem.* iii. 4. 6; ср. далее, p. 9, n. 4. Ср. Рёскин, *Pol. Econ. of Art*, I, 12: "Точно такие же законы экономики, которые применяются к возделыванию фермы или поместья, применяются и к возделыванию провинции или острова". См. рассказ об этой идее в Hdt. v. 29. Эспинас (*Revue des Etudes Grecques*, XXVII [1914], 111) противопоставляет Ксенофонту, для которого царская администрация - это значительно расширенное частное хозяйство, платоновское поглощение всего частного хозяйства государством.

381. *Econ.* i. 7-15; ср. 10: ταύτα ἄρα ὄντα τῷ μὲν ἐπισταμένῳ χρῆσθαι αὐτῶν ἑκάστοισ χρήματα ἐστι, τῷ δὲ μὴ ἐπισταμένῳ οὐ χρήματα. Ср. с. 23 и примечания о Платоне и Рёскине. Х. Сьюолл ("Теория стоимости до Адама Смита", *Публикации Американской экономической ассоциации*, II, часть III, с. 1) говорит, что концепция стоимости (ἀξία) как качества, присущего вещи, не подвергалась сомнению, но Ксенофонт, кажется, подвергает ее сомнению здесь. Как она отмечает в п. 1, этот термин первоначально означал "вес", сначала вес в деньгах, а также действительную стоимость.

382. i. 11 f.

383. *Unto This Last*, начало; ср. предыдущий п. 1; Рёскин взял *Xen. Econ.* как фундамент, на котором он построил все свои собственные экономические исследования. Ср. *Unto This Last*, Pref., том XVII, pp. xlix и 18; том XXXI, Introd.; pp. xv и далее. Она была первой в его *"Биб. Pastorum*. Ср. его Предисловие к переводу *Economicus*; *Стрелы Чейса*, т. XXXIV, 547; *Письма*, II (т. XXXVII, 350). В *Мун. Pul.*, IV, 105 (т. XVII, 230); также на стр. 288 и 88 он ссылается на "безупречное" определение богатства у Ксенофонта, цитируя *Mem.* ii. 3. 7. Ср. также т. XXXI, с. xvii и 27. Фонпертюи ("Filiation des idées économiques dans l'antiquité", *Jour. des écon.*, September, 1871, p. 361) считает, что это в основе своей истинная теория стоимости.

384. *Econ.* i. 2: ἀποδιδομένοις μὲν οἱ αὐλοὶ χρήματα, μὴ αποδιδομένοις δὲ ἀλλὰ κεκτημένοις οὔ, τοῖς μὴ ἐπισταμένοις αὐτοῖ ς χρῆσθαι. Брантс (*Xen. Econ.*, p. 8) чрезмерно подчеркивает это.

385. *Откр.* iv. 6-10, замечательный отрывок, хотя он и не включает серебро в закон. Ср. Kautz, *op. cit.*, p. 129; Kaulla, *Die geschichtliche Entwickelung der modernen Werttheorien*, p. 2.

386. Особенно в истории с Изомахом (*Экон.*) и в *"Доходах"*.

387. Ср. *далее*; также Espinas, *Histoire des doctrines economiques*, p. 20.

388. *Econ.* vi. 4; ср. i. 7 и далее, цитируется выше, p. 64, n. 1.

389. P. 64 и примечания. Бюхсеншютц (*Besitz und Erwerb*, p. 15) критикует ее как слишком широкую, включающую духовные блага; слишком узкую, включающую только то, что можно использовать.

390. В *Econ*. ii. 2-8 сравнение Сократом себя с богатым Критобулосом; *Hiero* iv. 6-10; *Mem*. iv. 2. 37 f.; i. 6. 1-10, где Сократ защищает свою простую жизнь, особенно 10: ἐγὼ δ᾽ ἐνόμιζον τὸ μὲν μηδενὸς δεῖσθαι θεῖον εἶναι. Если понимать это в экономическом смысле, то это приближалось бы к определению капитала как "избытка товаров над потребностями".

391. Ср. с. 25, n. 11, об аналогичной современной доктрине.

392. *Symp*. iii. 8 и iv. 34-44, приводится как доктрина киника Антисфена, хотя и с явным одобрением; *Mem*. iv. 2. 9.

393. *Econ*. xi. 9.

394. *Кироп*. viii. 2. 23.

395. *Mem*. ii. 7. 7; *Откр*. iv. 29.

396. Thuc. vii. 6. 2, о стенах; *Gorg*. 449D, ἱματίων; *Theaet*. 146D, ὑποδημάτων; Xen. *Econ*. vii. 21, ἐσθῆτος.

397. Hdt. i. 68; *Charm*. 173E; Thuc. iv. 105.

398. Ar. *Frogs* 1034; Isoc. *Areop*. 30.

399. Isoc. *Areop.*, *146d*, цитируется *далее* о терминах для капитала; *Ad Nicocl*. 18C.

400. *Mem*. iii. 10. 1; Dem. xxxiii. 4.

401. *C.I.A*. 3924: ἡ ἐργασία τῶν βαφέων.

402. Ar. *N. Eth*. vi. 4. 2 и далее.

403. *Op. cit.*, 1st ed., p. 55.

404. *Econ.*, особенно гл. v-vii; iv. 4; *Mem*. ii. 1. 6; *Econ*. v. 17: εὖ μὲν γὰρ φερομένης τῆς γεωργίας ἔρρωνται καὶ ἄλλαι τέχναι ἅπασαι, ὅπου δ᾽ ἂν ἀναγκασθῇ ἡ γῆ χερσεύειν, ἀποσβέννυνται καὶ αἱ ἄλλαι τέχναι σχεδόν τι καὶ κατὰ γῆν καὶ κατὰ θάλατταν, очень верное утверждение, которое не принижает другие отрасли.

405. *Ibid*. v. 2; iii. 15. 11, 16; *Откр*. i. 2 и далее и т. д.

406. *Pol*. i. 8 и 9.

407. *Mem*. ii. 7. 13 f., от Сократа. См. об этом *далее* в разделе "Распространение".

408. *Rev*. iv. 5-7; Cossa, *op. cit.*, p. 148; Kautz, *Histoire des doctrines économiques*, p. 127; Fontpertuis, *op. cit.*, p. 367.

409. *Econ*. v. 17, цитируемая на с. 66, n. 11, возможно, самое сильное заявление об экономической важности сельского хозяйства у греческих писателей. Рёскин следует за Ксенофонтом в своей высокой оценке сельского хозяйства. Он считает, что им должны заниматься в основном высшие классы (*Mun. Pul.*, 109 [Vol. XVII, 235]); ср. также Vol. VII, 341, 429; Vol. X, 201.

410. *Econ.* iv. 4; ср. *Rev.* v. и *Cyrop.* iii. 2. 17, которые выступают за мир ради экономического прогресса.

411. *Econ.* iv. 8 - конец главы, особенно 21.

412. *Econ.*, v. 1; 2-16; vi. 9-10; ср. Fontpertuis, *op. cit.*, pp. 362 f.

413. *Econ.* vi. 8.

414. Ср. *Доходы*.

415. *Econ.* ii. 10, περιουσίαν. Брантс считает (*Xen. Econ.*, p. 13), что эта теория подразумевается в его принципе экономии (*Mem.* ii. 7). Бланки (*указ. соч.*, I, 81) подчеркивает, что *в Econ.* i. 7-15 дается определение производительного и непроизводительного богатства, но это лишь отличает богатство от не-богатства с точки зрения потребления.

416. *Mem.* ii. 7. 11 f.

417. Thuc. i. 90. 2.

418. Ср. п. 1, хотя Лидделл и Скотт цитируют этот отрывок как имеющий значение "капитал"; *Mem.* iii. 12. 4, где оно должно означать не более чем богатство; *Econ.* i. 1. 16; Dem. xxxvi. 54: πίστις ἀφορμὴ πασῶν ἐστὶ μεγίστη πρὸς χρηματισμόν. Здесь πίστις почти называется капиталом. Ср. с. 106, п. 3.

419. Dem. xxxvi. 11: καίτοι εἰ ἦν ἰδία τις ἀφορμὴ τουτῳῖ πρὸς τῇ τραπέζῃ; xiv. 36; Lysias fr. 2. 2, p. 343, ed. Thalheim; *Rev.* iii. 9 и 12 и iv. 34 употребляется также в отношении крупных финансовых предприятий; ср. определение Гарпократа; ὅταν τις ἀργύριον δῷ ἐνθήκην, ἀφορμὴ καλεῖ ται ἰδίως παρὰ τοῖ ς Ἀττικοῖ ς; для термина в Ar. *Pol.* vi. *1320a35-1320b17* см. *ниже*. Ср. Isoc. *Areop. 146d* для аналогичного отрывка.

420. Дем. xxvii. 8 и 13.

421. Ar. *Rhet.* i. 5. 7.

422. Laughlin, ed., 1907, pp. 66 и 93.

423. Ar. *Pol. 1254a1* и далее; см. *далее* об Аристотеле ("Производство"); pseudo-Ar. *Econ.* ii. *1346b14*.

424. *Законы* Платона 742C; Dem. xxvii. 75.

425. Lycurg., p. 150, 22: τοὺς ἐράνους διενεγκεῖν; Dem. xxi. 184 f.; ср. Dem. lix. 8 за интересное образное употребление, τὸν αὐτὸν ἔρανον ἀποδοῦναι, "платить ему его же монетой"; также Lycurg., p. 168, 143.

426. *Mem.* iii. 9. 14 f.; ср. Brants, *Xen. Econ.*, p. 10, для отрывков об отношении Ксенофонта к труду.

427. *Mem.* ii 7. 7 f. Гиро (*La Main-d'œuvre indust.*, p. 46) считает, что этот отрывок является хорошим комментарием к оратории Перикла (Thuc. ii). Оба они видят в труде не неизбежное зло, а благо. Гиро считает, что таково было общее отношение к труду в Афинах. Ср. эту главу, с. 36-50, о "Мнениях греков о труде".

428. *Mem.* ii. 8. 1-5.

429. ii. 1. 20.

430. Ср. Döring, *Die Lehre des Socrates als soziales Reform-System*, pp. 387 ff.

431. *Rev.*, особенно i. 2 ff. и iv; *Econ.* v. 2; iii. 15; ii. 16; Kautz, *op. cit.*, p. 126. Но ср., с другой стороны, Xen. *Laced. Pol.* об ограничениях в Спарте против приобретения богатства с помощью торговли и искусств; ср. также (Xen.). *Rep. Ath.* ii. 11 ff.

432. *Rev.* iv. 51.

433. *Econ.* iv. 2; vi. 5-7; сельское хозяйство и война не включены.

434. iv. 3.

435. *Mem.* iv. 2. 22.

436. *Cyrop.* viii. 2. 5 f.; ср. также ii. 1. 21, о военном труде.

437. Ср. с. 70.

438. *Op. cit.*, I, iii.

439. *Op. cit.*, p. 40; ср. также Dühring, *Kritische Geschichte der Nationalökonomie und des Socialismus*, p. 22.

440. *Cyrop.* viii. 2. 5 f., цитировано выше.

441. *Mem.* iii. 9. 3.

442. *Econ.* viii.

443. *Econ.* iii. 4; v. 16; ix. 11; xiii; *Откр.* iv. 17 и далее.

444. *Econ.* iii. 4.

445. ст. 16; xiii.

446. *Econ.* ix. 11; ср. p. 38, n. 4, о фактическом статусе рабов в Афинах.

447. *Mem.* ii. 8. 4.

448. *Откр.* iii. 2: ὅπου γὰρ ἂν πωλῶσιν αὐτὸ, πανταχοῦ πλεῖον τοῦ ἀρχαίου λαμβάνουσιν.

449. *Там же*; ср. Souchon, *op. cit.*, p. 114.

450. *Откр.* iv, особенно 7-12; Хэни (*op. cit.*, гл. iv) и Сими ("Экономическая теория у греков и римлян", *Economic Review*, October, 1900, p. 472) указывают *на Откр.* iii. 2 как на различие между деньгами и богатством, но это вряд ли уравновешивает вышеприведенный отрывок. *Откр*. i. 12-14 означает лишь то, что серебро не является богатством, если оно не используется должным образом.

451. Так Брантс, *Xen. Econ.*, p. 21; ср. Lenormant *é La Monnaie dans l'antiquité*, I, 179; III, 3.

452. *Rev.* iv. 8.

453. *Rev.* iii. 4; v. 3; iii. 2; ср. Ingram, *History of Political Economy*, p. 15; Kautz, *op. cit.*, p. 129; Roscher, p. 12.

454. *Откр.* iv. 5-11.

455. iii. 2; и iv. Спрос будет расти вместе с предложением.

456. iv. 10: χρυσίον ὅταν πολὺ παραφανῇ, αὐτὸ μὲν ἀτιμότερον γίγνεται, τὸ δὲ ἀργύριον τιμιώτερον ποιεῖ .

457. iv. 5-7.

458. iv. 10.

459. iv, особенно 7-9, 11; против них у него нет ни слова. *Lac. Pol.* vii показывает, что он одобряет их свободное использование.

460. Брантс (*Xen. Econ.*, pp. 17 f.) говорит, что он понимал обе основы обмена, разделение труда и естественное разнообразие продуктов, но он основывает это на *Rep. Ath.* ii. 12. 3.

461. *Rev.* iii., особенно 5; *Hiero* ix. 9; ἐμπόρια ὠφέλει πόλιν.

462. iii. 3. 4. 12 f.

463. iii. 4; v-vi.

464. vi. 1.

465. *Econ.* ii. 18: χρηματιστής; ср. iii, где Сократ учит этому искусству. Ср. выше, с. 17, об отношении софистов.

466. *Rev.* iii. 4.

467. iii. 5.

468. iii. 14.

469. iv. 50.

470. *Откр.* vi. 1.

471. *Мем.* ii. 7. 12-14. Попытка Поэльмана перевернуть аргумент в пользу рабочего выглядит натянутой (*op. cit.*, I, 288), хотя этот отрывок может быть отсылкой к экономическим условиям в Афинах начала IV века. Ср. *Mem.* ii. 8. 4-5, где, как отмечает Поэльманн (*op. cit.*, I, 286 f.), свободный работник все чаще ощущал себя на одном уровне с рабом.

472. Ср., например, его оппозицию свободной демократии в Афинах, для доказательства которой нам не нужно полагаться *на Ath. Pol.*

473. *Rev.* iv. 17; ср. с. 70; но с. 69 может указывать на другое.

474. *Mem.* iv. 4. 16; ἄνευ δὲ ὁμονοίας οὔτ᾽ ἂν πόλις εῦ πολιτευθείν οὔτ᾽ οἶκος καλῶς, οἰκηθείν.

475. *Econ.* xi. 9, 13.

476. Ср. с тем, как наивно он принимает на веру осуществимость своих схем в "*Доходах*". Ср. начальное предложение работы: "Как есть правители [προστάται], так есть и правительства

[πολιτείας]", цитируемое Поэльманом (*op. cit.*, I, 299) как иллюзия социализма; но его легко мог бы выразить и консерватор. Платон (*Rep.* 544D) выражает аналогичную мысль.

477. *Rev.* iii и iv.

478. iv. 33. Рудники по большей части уже находились в государственной собственности, но работали в частном порядке. Ср. Ardaillon, *Les Mines du Laurion dans l'antiquité* (Paris, 1897).

479. iii. 14.

480. iv. 17.

481. iv.

482. iv. 49.

483. iii. 9 f.

484. iv. 30-32.

485. iv. 33; 49-52; vi. 1. Ср. превосходное резюме всего плана у Поэльмана (*op. cit.*, I, 299 ff.), хотя он вкладывает в него слишком много современного социалистического духа; например, 306-8, он делает его примером так называемой психологической необходимости, по которой социализм развивается из капитализма.

486. Ср. особенно iv. 14: τῆς μέντοι πόλεως πάνυ ἄξιον θαυμάσαι τὸ αἰσθανομένην πολλοὺς πλουτιζομένους ἔξ αὐτῆς ἰδιώτας μὴ μιμεῖσθαι τούτους.

487. Например, p. 106, n. 3, цитируя *Or.* xxxvi. 44 о πίστις.

488. *Mup* 12, хотя акцент делается на подкупе.

489. *Olynth.* iii. 25 f.; *Cont. Aristoc.* xxiii. 207 f.; *Or.* xiii. 29 f. (Dem.), хотя во всех случаях акцент делается на патриотизме. В этих отрывках он идеализирует прошлое в манере Исократа; см. *далее*, p. 143. n. 8.

490. *Or.* xxxvi. 44, *За Формио*.

491. *Op.* lvii 45.

492. *Cont. Aristoc.* 146; *Cont. Aristog.* xxv. 46, его презрительное образное использование термина κάπηλος.

493. *Cont. Steph.* i. 70: ἀλλὰ τοκίζων καὶ τὰς τῶν ἄλλων συμφορὰς καὶ χρειὰς εὐτυχήματα σαυτοῦ νομίζων.

494. Можно также отметить *Olynth.* i. 15, где говорится о тех, кто берет деньги в долг под высокие проценты и таким образом теряет свое имущество. Ср. с. 105 f. и примечания.

495. *Никокл.* 3. 50, против несправедливости в делании денег.

496. *Там же*. 59.

497. *Конт. Nicocl.* (2). 32; *Mup* 32; ср. p. 26, n. 1, об идее Платона.

498. Ср. также *Paneg.* 76.

499. *Cont. Nicocl.* (2). 4.

500. *Мир* 7; умеренность в зарабатывании денег наиболее трудна для большинства мужчин; ср. также 34 и 93 f.

501. *Ареоп*. 4.

502. *Cont. Nicocl.* 2; *Panath*. 184.

503. *Areop*. 51, 53, 83; νῦν δὲ πλείους εἰσίν οἱ σπανίζοντες τῶν ἐχόντων, поразительный комментарий к экономическим условиям в Афинах его времени. В 44 году бедность названа источником преступлений. Все эти отрывки идеализируют прошлое.

504. *Paneg*. 29, 33, 40; *Areop*. 74. Но ср. *Panath*. 29 для намека на предубеждение против них.

505. *Панег*. 42.

506. *Мир* 20 ф.

507. *Areop*. 32 f.; ср. *infra*, p. 97, n. 6, для более полной интерпретации отрывка Аристотеля; ср. *Письмо к Тимофею*. 3; *Areop*. 44.

508. *Бусирис* 16.

509. *Ареоп*. 35.

510. *Panath*. 259; *Paneg*. 79; ср. также цитаты о бедности, выше.

511. *Or*. 15. 159 f.

512. *Areop*. 21 f.

513. *Areop*. 35: αἱ δὲ χρήσεις κοιναί; 31 f., 51; дальнейшие упоминания об этих идеализациях древних Афин и Спарты см. *в infra*, p. 143, n. 8.

514. *Areop*. 53.

515. *Ibid*. 83: ὁπόθεν τὴν ἀεὶ παροῦσαν ἡμέραν διάξουσιν.

516. *Cont. Никол*. 31: ὅτι τὸ τῆς πόλεως ὅλης ἦθος ὁμοιοῦται τοῖ ς ἄρχουσιν.

517. Ср. *далее* об *"Экономике"*, которая, по общему признанию, принадлежит более позднему представителю перипатетической школы, около 250-200 гг. до н. э.; ср. Susemihl, *Economica*, Intro. к изд.; Croiset, *op. cit.*, IV, 710; Zeller, *op. cit.*, II, 2, 944 и далее. Кроме того, она посвящена в основном практической фазе экономики. С другой стороны, мы будем цитировать *Eud. Eth.* и *Mag. mor.* под Аристотелем, поскольку, хотя они и появились позже него, они лишь подражают его мыслям в той мере, в какой они касаются экономики. О многочисленных и разнообразных сочинениях, приписываемых Аристотелю, см. Christ, *op. cit.*, IV [1905], 684 и далее.

518. Б. Сент-Илер (предисловие к французскому переводу *"Политики"*, с. 4-11) называет его "создателем политической экономики". Змавц (*Archiv f. d. Gesch. d. Philos*. [1899], pp. 407 ff.) также склонен переоценивать его.

519. Змавц (там *же*, а также *Zeitschr. f. d. gesammt. Staatswiss*. [1902], pp. 48 ff.) подчеркивает этот факт.

520. *Pol.* i. 1. *1252a7-13*, цитируется на с. 9, n. 5, критика *"Политики"* Платона 258E-259C; о правде в этой путанице см. с. 10. Даже Адам Смит сказал: "То, что мудро в отношении семьи, вряд ли может быть глупо в отношении великого королевства".

521. Кроме Сент-Илера и Змавца, процитированных выше, к числу благоприятных относятся Косса, *Hist. des doctrines economiques*, p. 149; Бланки, *указ. соч.*, I, 49, 86. Более сдержанными являются Souchon, *op. cit.*, p. 127; DuBois, *op. cit.*, p. 50; Haney, *op. cit.*, pp. 47 f.; несправедливой интерпретацией - Dühring, *op. cit.*, pp. 20 f.

522. i. 9. *1257a6-9*: ἑκάστου γὰρ κτήματος διττὴ ἡ χρῆσίς ἐστιν ἀμφότεραι δὲ καθ᾽ αὑτὸ μὲν ἀλλ᾽ οὐχ ὁμοίως καθ᾽ αὑτό, ἀλλ᾽ ἡ μὲν οἰ κεία ἡ δ᾽ οὐκ οἰ κεία τοῦ πράγματος οἱ ον ὑποδήματος ἥ τε ὑπόδεσις καὶ ἡ μεταβλητική.

523. *Богатство народов*, I, гл. iv.

524. Cp. Souchon, *op. cit.*, p. 127; Haney, *op. cit.*, p. 47.

525. Если только это не подразумевается в κτήματος, *1257a6*, как ἔστι γὰρ ἡ μεταβλητικὴ πάντων (14 f.) может показаться, чтобы указать. Змавц (*Archiv.*, etc., p. 410) указывает на *1253b33-39*, об автоматических треножниках Гефеста, как на подразумевающий это, но если так, то это было непреднамеренно со стороны Аристотеля. Но ср. *далее*, стр. 84 и 86, n. 4, где это признается.

526. *1257a11*; 5-19, но не указано конкретно, и термин χρεία здесь не встречается.

527. i. 7. 14: καὶ τὸ σπανιώτερον τοῦ ἀφθόνου, οἷον χρυσὸς σιδήρου ἀχρηστότερος ὤν- ἄλλον δὲ τρόπον τε ἄφθονον τοῦ σπανίου, ὅτι ἡ χρῆσις ὑπερέχει- τὸ γὰρ πολλάκις τοῦ ὀλιγάκις ὑπερέχει- ὅθεν λέγεται ἄριστον μὲν ὕδωρ. Cp. Pind. *Ol.* i. 1 и Cope-Sandys ed. of Ar. *Rhet.* (I, pp. 130 f., 1877).

528. *Там же.*

529. V, v. 8-14. *1133a5-1133b10* и далее.

530. Например, Стюарт.

531. *1133a5-12*; 15 f.; 18; ср. *Eud. Eth.* vii. 10. *1243b28-38*.

532. *N. Eth. 1133a5-12*, etc., 12 f.: οὐθὲν γὰρ κωλύει κρεῖττον εἶναι το θατέρου ἔργον ἢ τὸ θατέρου. По-видимому, акцент делается на качестве труда, как предполагает κρεῖττον. Ср. как ὅσον, так и οἷον (15) и p. 84 n. 3.

533. *Там же, с.* 7-10; соединяя средства и крайности вместе, осуществляется пропорциональный обмен. Ср. также *1133b4* и далее; *1133a32* и далее. Как отмечают Ритчи (*словарь* Палгрейва, статья "Аристотель") и X. Сьюолл (*op. cit.*, p. 3, n. 2), пропорция более понятна современникам, если мы сделаем нашим стандартом один час труда каждого рабочего, а не самих людей.

534. Стюарт (*Notes to N. Eth.* I, 449) предполагает, что это дает то, что экономисты называют "естественной стоимостью", но что рыночная стоимость колеблется от нее из-за спроса и предложения.

535. *1133a25-27*; *1133b6* f. Ср. p. 34, n. 5, об использовании этого термина Платоном.

536. *Op. cit.*, pp. 47 f.

537. Ср. обсуждение и примечания выше; также *1133a15* f., где оба элемента, похоже, признаются, хотя смысл отрывка оспаривается. Ср. *далее*, p. 108, n. 3.

538. *1133a19* и далее; 29; *1133b10* и далее, цитируемые *далее*, о деньгах. В них четко выделяется качество обменности. Ср. iv. 1. *1119b26* f., цитируется *далее*, n. 7. Ср. стр. 38 и далее о теории Платона.

539. Так, Стюарт (Stewart, *op. cit.*, *in loc.)*; Змавц (Zmavc, *Archiv.*, etc., p. 415) критикует Карла Маркса (*Kapital*, 4th ed., I, 26) за отрицание этого. Баркер (*указ. соч.*, с. 379) говорит, что Аристотель не признавал "издержки производства продавца"; но ср. с 384, где он подразумевает обратное.

540. Но ср. его определение богатства, стр. 85 f.

541. Бонар (*указ. соч.*, с. 40) критикует его за это. Слова ἀξία и τίμη не используются в данном отрывке, но для первого в очень дорогом экономическом смысле, ср. iv. 1. *1119b26-27*; χρήματα δὲ λέγομεν πάντα ὅσων ἡ ἀξία νομίσματι μετρεῖται.

542. Дальнейшее обсуждение этого отрывка *из "Этики"* см. *ниже,* о деньгах, обмене и распределении. *Mag. mor.* i. 33. *1193b19-1194b2* повторяет эту идею, ссылаясь на Платона *Rep.* об обмене четырех производителей в первобытном состоянии.

543. i. 8. *1256b28-32*. Термин ἄπειρος, применительно к богатству, используется Платоном и Аристотелем для обозначения чрезмерной любви к деньгам (*Rep.* 373D, 591D; *Laws* 870A); об Аристотеле см. отрывок выше и *ниже*. Даже с экономической точки зрения есть смысл, в котором богатство не безгранично.

544. *Prin. of Pol. Econ.*, предварительные замечания и кн. I, гл. iii, 3.

545. Об этом термине у Платона и Аристотеля см. *далее* в разделе "Обмен".

546. *Op. cit.*, p. 374; см. *далее* о моральном отношении Аристотеля к богатству.

547. Его несправедливая критика Платона, кажется, утверждает обратное (*Rep.* 369C ff.; *Pol. 1291a12-19*), но см. *далее*.

548. ii. 7. *1267b10* и далее; *1254a16* и далее; *Rhet.* i. 5. *1361a12* и далее.

549. *Pol. 1254a16* и далее: κτῆμα δὲ ὄργανον πρακτικὸν καὶ χωριστὸν, аналогично термину Уокера "transferability" (*Pol. Econ.*, 3d ed., p. 5); ср. предварительные замечания Милля по поводу этого термина, *op. cit.*

550. *N. Eth.* iv. 1. *1119b26* f., цитируется по с. 84, п. 7.

551. См. выше рассуждения о ценности; ср. Милль, *указ. соч.*, кн. I, гл. iii, 3, о качестве "хранимости" как атрибуте богатства. Ньюман (*Pol. of Ar.*, II, примечание к *1256b26* и далее) спрашивает, можно ли применять θησαυρισμός к рабам и скоту и может ли это определение включать землю. Все это включено; ср. п. 1, выше.

552. *Pol.* i. 9. *1257a6* и 14 f., а также приведенное выше обсуждение *N. Eth. 1133a5* и далее.

553. Ср. п. 3.

554. См. критику этой основополагающей путаницы меркантильной теории в Smith, *op. cit.*, IV.

555. *Rhet*. B. 16. 1390-91.

556. *Pol*. i. 8. *1256b31* f.; *N. Eth*. i. 8. *1099a31-33*, особенно ἀδύνατον γὰρ ἢ οὐ ῥάδιον τὰ καλὰ πράττειν ἀχορήγητον ὄντα; *1101a14* f., в определении εὐδαίμων человека.

557. *Pol*. iii. 6. *1265a32* f.: ἐλευθέρως; *N. Eth*. iii., chaps. 13-14 о σωφροσύνη, и iv, гл. 1, 2, о ἐλευθεριότης и ἀσωτία; но показ богатства вульгарен (iv. 2. *1123a19-22*). Рёскин (*"Камни Венеции"*, VIII, 69 [т. X, 389]) ссылается на Аристотеля по поводу либеральности.

558. ἡ δὲ πενία στάσιν ἐμποιεῖ καί κακουργίαν.

559. v. 1. *1129b3*; так же *Mag. mor*. B. 3. *1199b6-9*, 14-35; ср. *N. Eth*. i. 8. *1098b31* и далее для аналогичного различия между привычкой (ἕξις) и практикой (χρῆσις) добродетели.

560. v. 1. *1129b4-6*; ср. *Pol*. i. 10. *1258a23-27* о долге ткача или государственного деятеля; iv (vii). 15. *1334a36* f.; 13. *1332a22* f.

561. *Pol. 1332a25* f.

562. *Pol*. iv (vii). 13. *1332a26* f.

563. *N. Eth*. i. 8. *1098b12-15*; ср. *Pol. 1323a25* f.; *Rhet*. i. 5. *1360b25* ff.; также *Mag. mor*. A. 3. *1184b1-5* и *Eud. Eth*. ii. 1. *1218b32*.

564. *Pol. 1323a40* f.; ср. фразу Иисуса: "Ищите прежде всего" и т. д.; ср. также *1323b19* f.; также pp. 24 ff., Plato.

565. *Pol. 1323b*, 1-6.

566. *N. Eth*. i. 5. *1096a5* f.: ὁ δὲ χρηματιστὴς βίαιος τίς ἐστιν. Ср. также *Pol. 1256b28-32*, рассмотренные выше, и i., гл. 8 и 9, рассмотренные в разделе "Обмен".

567. Ср. п. 2.

568. *Pol. 1323b7-11*, и обсуждение выше.

569. *1256b36*; *N. Eth*. i. 5. *1906a6* f.; χρήσιμον γὰρ καὶ ἄλλου χάριν; 7. *1097a27*: δῆλον ὡς οὔκ ἐστι πάντα τέλεια.

570. *Pol*. i. 9. *1258a2* и далее; ср. также *Mag. mor*. B. 3. *1200a-b*.

571. *1258a10-14*, аналогично Платону *Rep*. i. об искусствах и их функциях; ср. аналогичный отрывок у *Исократа* (*Paneg*. 76) о достоинствах героев Персидской войны.

572. *Pol*. iii. 9. *1280a25-32*; главное стремление государства - не τῶν κτημάτων χάριν, а εὖ ζῆν. Ср. выше о подобных наставлениях Платона, об их связи с современными экономическими идеями и условиями. Ср. Платон *Kputo* 48B: οὐ τὸ ζῆν περὶ πλείστου ποιητέον, ἀλλὰ τὸ εὖ ζῆν.

573. Ср. Souchon, *op. cit.*, p. 69; о греческих терминах, обозначающих производство, см. с. 66 и примечания.

574. i. 10. *1258a19-38*; 4. *1254a7*: ὁ δὲ βίος πρᾶξις, οὐ ποίησις ἐστιν.

575. 10. *1258a33* и далее, τῆς ὑπερετικῆς, невозможный для экономиста, но истинный, для моралиста; ср. с. 69 о его различии (*1254a1* и далее) между ὄργανα ποιητικά и κτῆμα πρακτικόν.

576. i. 2.; об обоих вышеупомянутых случаях см. Newman, *op. cit., in loc.*

577. Ср. особенно *1258a34* и далее: μάλιστα δὲ, καθάπερ εἴρεται πρότερον, δεῖ φύσει τοῦτο ὑπάρχειν. Ср. Сусемихи и Хикс, *Pol. of Ar.*, I (1894), Intro., p. 30.

578. *1256a40* и далее, αὐτόφυτος, "самосуществующий", с ἔργασία, как здесь, равно αὐτουργία, "земледелие".

579. *1258b9-27*.

580. *Op. cit.*, pp. 96, 98 f., n. 1; ср. Haney, *op. cit.*, p. 47; Kautz, *op. cit.*, p.138; Ingram, *op. cit.*, p. 18. Физиократы считали, что торговля и промышленность увеличивают стоимость сырья лишь настолько, чтобы оплатить затраченный труд и капитал. Торговля была дорогостоящей необходимостью, налогом на сельское хозяйство. Хорошее резюме см. в Haney, pp. 138 и далее. Кесней (*Tableau Econ.* [1776]) следовал Ксенофонту (*Econ.* v. 17) в качестве своего девиза. Но мотив физиократов был экономическим, а не морально-политическим, как у Аристотеля.

581. *Pol. 1258b21* и далее; возможно, подразумевается также в *1256a40* и далее; но ср. vi (iv). 4. *1291a1* и далее, где механик и наемный работник причисляются к необходимым частям государства.

582. 1256 и далее; *1256b23* и далее. Для него производство - это отрасль приобретения. Ср. с. 28 об использовании Платоном этих терминов.

583. *1258a19-38*; *1254a7*, цитируется по p. 88, n. 10.

584. *Op. cit.*, pp. 358, 375 f.

585. *Op. cit.*, p. 39, на основе *Pol. 1258b34* f.: τὸ δὲ κατὰ μέρος ἀκριβολογεῖ σθαι χρήσιμον μὲν πρὸς τὰς ἐργασίας, φορτικὸν δὲ τὸ ἐνδιατρίβειν. φορτικόν может означать просто "утомительный", а не "вульгарный".

586. Ср. Zmavc, *Archiv.*, etc., p. 431; ср. процитированные *далее* отрывки об отношении Аристотеля к труду; ср. vi (iv). 4. *1291a1* и далее, особенно ἔστι δὲ τοῦτο τὸ περὶ τὰς τέχνας ὧν ἄνευ πόλιν ἀδύνατον οἰ κεῖ σθαι.

587. *Pol. 1258a34-38*, цитируется по с. 89, n. 2.

588. *1258b9-21*.

589. *Ibid.* 40 и далее; ср. Newman, *op. cit.*, II, 204, о высказываниях Варро *De re rustica* i. 1. 8 и *Columella* i. 1. 7 о том, что Аристотель и Теофраст писали о сельском хозяйстве. Ср. также (Платон) *Аксиох* 368C.

590. *Pol.* iv (vii). 9. *1329a1* f.

591. *1254a1* и далее; греческие термины см. на с. 68 и 88.

592. *1254a2-4*.

593. *Указ. соч.*, ii, гл. i.

594. *Pol. 1254a7*; ср. p. 88, n. 10.

595. *Pol. 1254a8* и далее. Он думает главным образом о домашнем рабе.

596. *Unto This Last*, p. 61, несправедливая критика Милля; там *же*, IV, 78: "Производство в первую очередь предназначено для рта, а не для зернохранилища".

597. *Op. cit.*, IV, гл. viii: "Потребление - единственная цель и назначение всякого производства; ... и интересы производителя должны учитываться лишь в той мере, в какой это необходимо для содействия интересам потребителя".

598. Ссылки и греческие термины см. на с. 68.

599. О его термине ἀφορμή см. с. 68, n. 8 и *далее*. Вероятно, для него это было просто деловое слово. Дюбуа (*указ. соч.*, с. 38) считает, что он очень четко представлял себе его значение.

600. *Pol. 1258b12-21*; ср. *1258a37* f.

601. *Там же, с.* 21-27, и все главы, 8-11. О терминах см. *далее*.

602. iv. *1121a29*; *1122a14* f.; ср. ударение на δόσις и χρῆσις, а не на κτῆσις и λῆψις, *1120a8-13*; *b14-16*, и примечания Стюарта, I, 323.

603. *Rep.* 552B, рассмотрено выше.

604. Сушон (*указ. соч.*, с. 121), по-видимому, считает, что так оно и было.

605. *Pol. 1258b8*, но ср. с. 39 и *далее* об этом слове τόκος. Ср. также Ar. *Clouds* 20; 1285 и далее; A. Smith, *op. cit.*, II, chap. iv.

606. Сушон (*op. cit.*, p. 97) вряд ли справедлив к Аристотелю в этом вопросе, но ср. также p. 96, n. 1; ср. Ruskin, *Time and Tide*, XV, 81 (т. XVII, 388); *Mun. Pul.*, Pref., 21 (т. XVII, 144); ibid., VI, 139 (p. 264); ibid., 153 и примечание (p. 277), где цитируются *Законы* 743C, о доктрине, что справедливые не бывают ни богатыми, ни бедными.

607. *Pol.* v (viii). 2. *1337b8-11*. Термины, обозначающие механический труд: τέχνη - способность благодаря практике; δημιουργός - тот, кто работает для народа, а не для себя или одного другого; βάναυσος - первоначально работа у огня, но позднее общий термин для механического труда, обычно с уничижительным смыслом у философов; ср. βαναυσία, "пошлость", *N. Eth.* iv. 4. *1122a31*; βάναυσος, "вульгарный человек", там *же 1123a19*; *Etymol. mag*; Schol. to Plato *Rep.* 495E; Pollux i. 64. 50; Hesychius, *s.v.* Греки не проводили четкого различия между тонкими и механическими искусствами; ср. Büchsenschütz, *op. cit.*, p. 266; *Pol.* vi (iv). 4. *1291a1* и далее, где все они включены в понятие βάναυσον. Ср. Cope-Sandys, *Ar. Rhet.*, 2d ed., I, 9, 27, примечание. См. выше, p. 33, n. 7, об отношении Рёскина.

608. *Pol. 1337b12*; *1258b37*.

609. *1337b13* f.

610. *1258b38* f.

611. vii (vi). 4. *1319a26-28*.

612. v (viii). 2. *1337b5-7*.

613. iv (vii). 9. *1328b37-41*; ср. iii. 5. *1277b33* и далее.

614. *1329a1*; *1330a25-31*.

615. *1330a25-31*; ср. также псевдо-Экон. i. 2. *1343a26* и далее.

616. i. 3. *1260a40* и далее; обсуждение этой идеи см. в *дальнейшем*.

617. *1258b25-27*; *Rhet*. i. 9. 27, *1367a*; ἐλευθέρον γὰρ τὸ μὴ πρὸς ἄλλον ζῆν. Вся его аргументация в пользу раба как простого "инструмента" (см. *далее*) демонстрирует такое же отношение. Стюарт (*указ. соч.*, II, 316) говорит, что он не смог увидеть, что труд - это "существенная функция социального организма, нечто καλόν, а не просто ἀναγκαῖον".

618. *Pol*. iv (vii). 4. *1326a22-24*.

619. *1328b19-23*; vi (iv). *1291a1-3*.

620. *1329a1*; i. 11. *1258b38* f.

621. v (viii). 2. *1337b15-22*, особенно 17 f.: ἔχει δὲ πολλὴν διαφορὰν καὶ τὸ τίνος ἕνεκεν πράττει τις ἢ μανθάνει.

622. Разница между работой и учебой в основном заключается в методе и цели. Самое гуманное занятие становится ἀνελεύθερον и βάναυσον, если оно доведено до крайности или имеет гнусную цель. Ср. *Законы* Платона 918B-919C, а также критику поверхностного метода и чисто профессионального мотива в изучении математики (*Rep*. 525C ff.). Мысль Рёскина по этому поводу см. выше, p. 33, n. 7.

623. У Аристотеля также есть аристократическая идея о том, что труд лишает свободного человека независимости, *Pol*. v (viii). *1337b15-22*; *Rhet*. *1367a*, цитируется по с. 94, n. 9.

624. *Pol*. iv (vii). 9. *1328b39* и далее; *N. Eth*. x. 7. *1177b4*; ср. Jowett, *Ar. Pol.*, I, 144, цитируется по Stewart, *op. cit.*, II, 446.

625. *Pol*. ii 3. *1261b33-38*.

626. *1325a31-33*.

627. *1258b12-20*.

628. *Rhet*. ii. 4. 9. *1381a*, где употреблено слово αὐτουργοί; см. выше о Еврипиде.

629. Ср. выше о значении, а также *N. Eth*. v. 8-9. *1133a5-18*.

630. *Pol*. vii (vi). 6. *1320a38* и далее; ср. p. 92, n. 6.

631. i. 12. *1259b1* и далее.

632. *1252b1* и далее; ср. примечание Адама к *Rep*. 370B; примечание Суземиля и Хикса к *Pol*. *1252b3*, об исключении из правила (*De part. Anim*. iv. 6. 11. *683a22*). ἀλλ᾽ ὅπου μὴ ἐνδέχεται καταχρῆται τῷ αὐτῷ ἐπὶ πλείω ἔργα.

633. *Pol*. ii *1261a30* f.; *N. Eth*. v. 5.

634. *Pol*. *1261a37-39*; *1328b* ff. Фонпертюи (*указ. соч.*, с. 359) объясняет сравнительную поверхностность греческой теории труда тем, что их политическая конституция уменьшала ее значение, но см. наше введение. Капиталистическое использование свободного труда, вероятно, не было широким.

635. Ср. выше, с. 16, n. 6; с. 17, n. 1.

636. О теории софистов см. выше, с. 16 f. О киниках см. *далее*; также Zeller, *op. cit.*, II, 2, 376; Ar. *Pol. 1253b20-23*. Баркер (*указ. соч.*, с. 359), который очень четко и разборчиво критикует теорию рабства Аристотеля, также утверждает, что рабство было атаковано "логикой событий" - например, порабощение афинян в Сицилии и освобождение мессенских гелотов во время господства фиванцев, в результате чего греческие свободные стали рабами, а греческие рабы - свободными. Ср. *Pol. 1255a* и далее, особенно 17 f. и 21-23, по поводу этих двух теорий.

637. *Классическим местом изложения* его теории является *Pol.* i. 4-7. *1253b14* и далее; 13. *1259b21* и далее. Хорошую критику см. в Wallon, *Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*, 2d ed., pp. 372 ff.; и Barker, *op. cit.*, 1. Ср. также Newman, *op. cit.*, I, 143 ff.

638. *Pol.* i. 8. *1256b36*; *1253b32*.

639. *Ibid.* 33-39. Аристотель удовлетворился бы электричеством.

640. *1254a8*, цитируется по p. 88, n. 10. Это ослабляет суровость доктрины, поскольку показывает, что он думает главным образом о домашнем рабстве. Но в предлагаемом им государстве вся промышленность занята рабами. Ср. iv (vii). *1330a25-31*.

641. *Pol. 1254a9-13*; ср. *Eud. Eth. 1241b17-24*.

642. *1254a13-17*.

643. *Op. cit.*, p. 362.

644. *1254a28-31*; *1254b15*. Как указывает Валлон (*указ. соч.*, с. 391), его коренная ошибка заключается в постоянном смешении гипотезы с реальностью.

645. *1254a23-24*.

646. *Ibid.* 33 f.

647. *Ibid.* 30-40; *1254b10-13*; *1253b7*; 18 f., ср. *Eud. Eth. 1241b17* и далее.

648. *1254b16-19*.

649. *Там же*. 20-26.

650. *Там же*. 26 и далее.

651. *1254a21* f.

652. *1254b6-10*; 11 f.; 16-20; *1255b6-15*; доктрина, подчеркнутая Платоном, *Rep.* 590D; *Laws* 645B, 714A, 818A, 684C, а также Карлайлом и Рёскином; ср. Shorey, *Class. Phil.*, IX (1914), 355 и далее. Хотя Рёскин считал, что естественное рабство - неизбежный удел многих людей, он не поддерживал рабство негров, *Mun. Pul.*, v, 133 (т. XVII, 256 f.); Time and Tide, p. 149 (т. XVII, 438). Но он указывал на белое экономическое рабство как на столь же плохое, *Камни Венеции*, II (т. X, 193); Время и прилив, с. 105 (т. XVII, 403); *Корона дикой оливы*, 119; *Цестус Аглая*, с. 55.

653. *1254b32-34*; *1255b5* и далее.

654. *1254b38* f.

655. *1255a3-7*.

656. *Там же, с.* 19-21 и следующее примечание.

657. *Там же*. 24 f.

658. *Ibid*. 25 f.: καὶ τὸν ἀνάξιον δουλεύειν οὐδαμῶς ἂν φαίη τις δοῦλον εἶναι.

659. *Ibid*. 26-28.

660. *Там же*. 33 и далее.

661. *1255b20-22*. Баркер (*op. cit.*, p. 369, n. 1) хорошо замечает, что это оспаривание права на рабство, а не аргумент в его пользу, и что это могло произвести такое впечатление на его современников. Ср. Рёскин: "Итак, есть только один способ иметь хороших слуг; это быть достойным того, чтобы тебя хорошо обслуживали". (*Письма о слугах и домах*, т. XVII, 5-18, приложение V); ср. также с. 520 и далее.

662. *1259b26-28*.

663. *Там же, с.* 36-38.

664. *Там же*. 39-41.

665. *1260a2-4*; 14-16; ср. 33 и далее, где устанавливается предел добродетели раба.

666. *1260a39-42*; *1260b2* f. Ср. Рёскин, *Fors Clav.*, III, Письмо 28, 14, о добродетели "мужского" состояния.

667. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 370.

668. *N. Eth. 1161b1-10*, особенно 5: ᾗ μὲν οὖν δοῦλος, οὔκ ἐστι φιλία πρὸς αὐτόν, ᾗ δ᾽ ἄνθρωπος.

669. Ср. его упоминание о даровании Клисфеном афинского гражданства многим рабам, а также о его собственном освобождении, по завещанию, пяти своих рабов (Diog. L. V. 1. 9).

670. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 370.

671. *Сезам и лилии*, конец лекции о "Сокровищницах королей"; ср. *Fors Clav.*, VII, 9 (т. XXIX, 230); *Mun. Pul.*, 130, примечание; ср. *Fors Clav.*, III (т. XXVII, 515 f.). Lett. 28, 13 ff., о рабочем как крепостном.

672. Barker, *op. cit.*, 368.

673. О подневольном состоянии современного рабочего см. выше у Рёскина; это общая идея Карлайла и многих современных экономических трудов.

674. *Pol. 1257a31* и далее, высоко оценивается за точность и проницательность. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, I, 585; Dühring (*op. cit.*, p. 23) принижает его. Ньюман (*указ. соч.*, II, 184) указывает на ξενικωτέρας, подразумевая, что увеличение расстояния между продавцами и покупателями также привело к возникновению денег.

675. *N. Eth.* v. 5. *1133b26-28*.

676. *Pol. 1257a31-36*; ξενικωτέρας γὰρ γενομένης τῆς βοηθείας τῷ εἰ σάγεσθαι ὧν ἐνδεεῖ ς καὶ ἐκπέμπειν ὧν ἐπλεόναζον, ἐξ ἀνάνκης ἡ τοῦ νομίσματος ἐπορίσθη χρῆσις, etc.

677. *Ibid*. 36-38; εὐμεταχείριστον могло бы означать "податливость", но, вероятно, нет, поскольку он считает чеканку монеты делом второстепенным.

678. *Ibid*. 38 f.

679. *Ibid*. 39-41.

680. *1257b1-5*.

681. Как символ обмена (ξύμβολον τῆς ἀλλαγῆς) он является средством обмена и мерой стоимости (*Rep*. 371B; *Laws* 742A-B, 918B).

682. v. 8. *1133a18-1133b28*.

683. *1133a29*.

684. *Там же*. 5-19; 25; 27 f.; *1133b10* и т. д.

685. *1133a19-22*, 25 f.; *1133b16*; 22; ix. *1164a1* f.; *Pol. 1258b1-5*, μεταβολῆς χάριν; *1257a30* и далее. Стюарт (*указ. соч.*, I, 416 и далее) считает, что автор хотел применить корректирующую (διορθωτικόν) функцию справедливости также и к деньгам, поскольку она делает обмен более справедливым и равномерным. В качестве доказательства он указывает на *N. Eth. 1131a18* и далее и *1133a19-22*, где функции справедливости и денег определяются в аналогичных терминах. Ср. также его интересные замечания о дианемической функции, которая побуждает к обмену и распределению.

686. *1133b10-13*.

687. *Ibid*. 15-18: οὔτε γὰρ ἂν μὴ οὔσης αλλαγῆς κοινωνία ἦν, etc.

688. *Pol. 1257b8* f.

689. *1257b10-18*; о теории киников см. *далее*, особенно об *Эриксии*. Ср. Ньюмен, *указ. соч.*, II, 188, примечание, и его ссылку на примечание Маколея на полях его издания *"Политики"*.

690. *1257b19* и далее; ср. переходное предложение 18, легкий намек на то, что он принимает эту теорию.

691. *N. Eth*. v. 5. *1133a29-31*; ср. *1133b20* f., ἐξ ὑποθέσεως, ср. *далее*, где *псевдо-Экономика* принимает это как должное.

692. *Pol. 1257a36* f., цитируется на с. 102.

693. *N. Eth*. v. 5. *1133b13* f.: οὐ γὰρ ἀεὶ ἴσον δύναται- ὅμως δὲ βούλεται μένειν μᾶλλον.

694. Ср. с p. 86, n. 1, для отрывков.

695. Blanqui (*op. cit.*, pp. 36, 88), Ingram (*op. cit.*, p. 18), DuBois (*op. cit.*, p. 51 и n. 1), Zmavc (*Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss*. [1902], pp. 76 f.), Palgrave's *Dictionary* (art. "Aristotle", p. 54), все признают этот вывод. Баркер (*указ. соч.*, с. 380) говорит, что на эту идею есть намек. Сушон (*op. cit.*, pp. 110 f.) принимает другую точку зрения, утверждая, что в этом и состояла его цель - показать глупость превращения лишь воображаемых благ в цель всей жизни.

696. Ср. *N. Eth*. v. 5. *1133b13* f.

697. *Pol. 1257b5-8*, и вся *1257b*; *1258b1-5*.

698. *1258b25*.

699. *N. Eth. 1121b34*: καὶ τοκισταὶ κατὰ μικρὰ καὶ ἐπὶ πολλῷ Ср. перевод Зелла.

700. *Pol. 1258b1-8*; но ср. с. 39 по этому вопросу. Этимологию не следует принимать всерьез. Рёскин ссылается на Аристотеля по этому поводу. Ср. выше, p. 39, n. 10.

701. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 385 и n. 2, где он критикует Poehlmann за его идею, что Аристотель "нападает на систему великого кредита" и "провозглашает евангелие социализма". Но см. *далее*.

702. *Pol. 1257b5* ff.

703. *Ibid.* 33 и далее; дальнейшее обсуждение хрематистики см. *ниже*.

704. См. Haney, *op. cit.*, p. 49: "В Афинах обращение капитала было незначительным, и деньги давались в долг не столько для производительных целей, сколько для облегчения бедственного положения"; Souchon, *op. cit.*, p. 93, хотя (pp. 106 f.) он признает и другую сторону.

705. Ср. изд. Paley и Sandys, особенно *Or.* xxxvi; Isoc. *Trapeziticus*; Boeckh, *op. cit.*, I, 160 ff.; V. Brants, "Les operations de banque dans la Grèce antique," *Le Muséon*, I, 2, 196-203; Koutorga, *Le trapézites*, (Paris, 1859); ср. также E. Meyer, *Kleine Schriften*.

706. *Or.* xx. 25.

707. *Or.* xxxvi. 44: εἰ δὲ τοῦτ᾽ ἀγνοεῖ ς, ὅτι πίστις ἀφορμὴ τῶν πασῶν ἐστὶ μεγίστη πρὸς χρηματισμόν, πᾶν ἂν ἀγνοήσειας.

708. *Ibid.* 57 и далее.

709. Ср. p. 105, n. 7, о Сушоне; Э. Бём фон Баверк (*Capital und Capitalzins*, [1900] I, 17 f.) говорит: "Die Geschäftsleute und Praktiker standen sicher auf der zinsfreundlichen Seite". Он объясняет тот факт, что почти единственные отрывки против процента находятся у философов, выводом, что поддерживать интерес было излишним, а выступать против него - бесполезным. Поэльман преувеличивает как степень кредитных операций, так и предрассудки Аристотеля.

710. О греческих терминах см. с. 40.

711. *Pol. 1257a15-17*.

712. *Ibid.* 22-28; *N. Eth.* v. 5. *1133b26-28*.

713. *Pol. 1257a30* и далее. Эти два периода οἰκονομική и χρηματιστική вполне соответствуют немецким терминам *Naturalwirtschaft* и *Geldwirtschaft*. Каутц (*указ. соч.*, с. 137, п. 4) говорит, что эта антитеза была так же дорога Аристотелю, как и современникам. О терминах см. *ниже*.

714. *N. Eth.* v. 4. *1132b11-1133b28*; см. также в разделе "Стоимость и деньги", выше; ср. *Mag. mor.* i. 33. *1193b19* и далее.

715. *1132b11-20*; ср. *Rep.* 369B-C; 370B, за аналогичную идею Платона.

716. *1132b33*.

717. *Ibid*. 32-34, особенно τῷ ἀντιποιεῖ ν ἀνάλογον συμμένει ἡ πίλις; 17 f.; Stewart, *op. cit.*, I, 449.

718. *1133a5-10*, цитируется на с. 83, nn. 2-7; ср. *Eud. Eth*. vii. 10. *1243b28-38*.

719. *1133a10* f.

720. Ср. p. 83, n. 7. Менее ценный продукт должен восполнить количеством то, чего ему не хватает в качестве. Таким образом, пропорция становится такой: γεωργός : σκυτοτόμος : : *x* пар обуви : количество зерна равной ценности (*1133a32* f.). Ср. другие способы изложения, *1133b4* f., 22 Stewart, *op. cit.*, I, 453 f.

721. *1133b1-4*.

722. *1133a11* f.; 16-18: ἑτέρων καὶ οὐκ ἴσων. Ср. *Rep*. 369C, 370B; Ar. *Pol. 1261a22* для аналогичной идеи. Стюарт (*указ. соч.*, I, 464 f.), следуя Джексону, на основании *1132a33* интерпретирует два преимущества покупателя, если он покупает слишком дешево, как неоплаченную часть товара и деньги, которые он должен был за него заплатить. Ср. там же, стр. 455-67 для других интерпретаций.

723. *1133a15* f.: ἀνῃροῦντο γὰρ ἄν, εἰ μὴ ὁ ἐποίει τὸ ποιοῦν καὶ ὅσον καὶ οἷον, καὶ τὸ πάσχειν ἔπασχε τοῦτο και τοσοῦτον καὶ τοιοῦτον. Я следую Джексону (Jackson, note, pp. 97 f.); Рассоу (Rassow, *Forsch.*, p. 18) (перевод Петерса, p. 154, n. 2), принимая этот трудный отрывок как неотъемлемую часть его контекста и толкуя его так, как указано выше, хотя вне контекста он вряд ли имел бы такое значение. Стюарт (*указ. соч.*, I, 455 и далее) считает, что это интерполяция или примечание, относящееся просто к механическому факту в искусстве, что материал восприимчив к оттиску.

724. *1133a18* f.; 25-28; *1133b6-8*; 19 f.; ср. *Rep*. 369C.

725. *1133a19-29*; см. превосходные комментарии Стюарта, *указ. соч*. I, 459 и далее.

726. *1133b14-16*; 20-22: τοῦτο γὰρ πάντα ποιεῖ σύμμετρα; например, если дом равен пяти минам, а кровать стоит одну, то пять кроватей равны одному дому (23-26).

727. *Handwörterbuch der Staatswwissenschaft*, art. "Geld", 2d ed., Bd. IV, 82 f.

728. *Op. cit.*, p. 384.

729. Ср. цитаты выше, p. 42, n. 7, и p. 44, n. 2. Ср. DuBois, *op. cit.*, p. 46.

730. Ср. Хейни, *указ. соч.*, с. 48.

731. *Pol. 1259a2* f.; 33-35.

732. iv (vii). 6. *1327a25-30*.

733. *Rhet*. i. 4. 7: περὶ τῶν εἰσαγομένων καὶ ἐξαγομένων, как среди предметов для рассмотрения государственным деятелем; ср. также 11.

734. Стр. 89 и примечания.

735. *Pol. 1257a28-30*; vi (iv). 4. *1291a4-6*; *1291b19* f.; vii (vi). 7. *1321a6*, все они, по-видимому, считают розничную и оптовую торговлю в государстве само собой разумеющейся. Но она не названа в списке необходимых занятий в идеальном государстве, *1328b24* и далее; 5 и

далее; ср. также *1329a40* и далее. Конечно, граждане не должны заниматься ею (*1328b37* и далее).

736. *N. Eth.* v. 8. *1132b4* f.; *1133a27*; вся гл. 8; ср. выше, о справедливом обмене.

737. *Pol.* iv (vii). 6. *1327a25-28*.

738. vii (vi). 5. *1320a39*: ἀφορμὴν ἐμπορίας. Ср. с. 96.

739. Ср. выше обсуждение справедливого обмена.

740. *Pol.* i. chaps. 8-11. Рёскин, похоже, не использовал термин "хрематистика", и у него нет ссылки на этот отрывок, хотя, как видно выше, ему есть что сказать в том же общем духе.

741. *Pol. 1256a11* f.; ср. с. 40 о платоновских терминах для торговли. Для слова χρηματιστική см. *Rep.* 415E, противопоставленное солдатам; *Gorg.* 477E, искусство, освобождающее от бедности; 452C; *Euthyd.* 304C, о софистах; Xen. *Econ.* ii. 18, где не подразумевается предрассудок.

742. *Pol.* i. 8. *1256a10-12*; но ср. *N. Eth.* i. 1. *1094a9*: τέλος οἱ κονομικῆς δὲ πλοῦτος; и *Pol.* iii. 4. *1277b24* f.: ἐπεὶ καὶ οἱ κονομία ἑτέρα ἀνδρὸς καὶ γυναικός- τοῦ μὲν γὰρ κτᾶσθαι τῆς δὲ φυλάττειν ἔργον ἐστίν. Американский экономист вряд ли стал бы проводить последнее различие. Ньюмен (*указ. соч.*, II, 166) считает, что в этих двух отрывках он излагает фактическое состояние, но ср. *ниже*, где Аристотель допускает определенную степень приобретения в домашней экономике.

743. *1256a15* и далее.

744. *1256b26-39*.

745. *Там же, с.* 30-37; см. выше об определении богатства.

746. *1258a19* и далее. Он боролся бы с распространенной идеей, что первое дело экономики - обеспечить неограниченный доход (*1259a35*; *1254a1* f.)

747. *1256b40-42*; *1257a4* f.; 17 f.; ср. *Eud. Eth.* iii. 4. *1232a6-9*.

748. *1257b1* f.; 9 f.

749. *1257a18* f., 28-30; *1257b19* f.; 31 ff.

750. *1257a31* ff. Poehlmann (*op. cit.*, I, 599) цитирует Schaeffle, *Bau und Leben des sozialen Körpers*, I, 256, что этот анализ перехода от натурального к капиталистическому хозяйству содержит "в себе всю современную критику капиталов", но точка зрения обоих существенно отличается.

751. *1258a1-14*. Крайнее желание требует излишества (ὑπερβολή) .

752. *1257b20* f.

753. *Ibid.* 23 и далее.

754. *Ibid.* 35 f. Эти два употребления пересекаются (ἐπαλλάττει).

755. *Ibid.* 36-39.

756. *1258a16-18*.

757. *Ibid*. 19 и далее. Другая функция вторична (ὑπερετική).

758. *Ibid*. 39 f.

759. *Ibid*. 37 f.

760. *1258b12-21*.

761. *Ibid*. 1 f.; ср. *1256a40* ff., где καπηλεία противопоставляется αὐτόφυτον ἔχουσι τὴν ἐργασίαν.

762. *1258b20-23*.

763. *Ibid*. 25-27. Это контрастное, но пересекающееся отношение между двумя видами финансов хорошо представлено в работе Haney, *op. cit.*, 46. См. также Ashley, *op. cit.*, p. 340, где кратко описаны разделы κτητική.

764. *1258b27-33*.

765. *Указ. соч*. С. 333 и далее, более удовлетворительной, чем идея Джоуэтта, что промежуточность состоит либо в обмене на деньги непосредственных продуктов земли, либо в том, что рубка дерева и добыча полезных ископаемых сами по себе являются промежуточной формой; или чем теория Ньюмена (*указ. соч.*, II, 202 и далее), что она состоит в том, что в этом типе богатство ищется не от плодов или животных, а от вещей, подобно тому как обмен ищет богатство от других людей или от денег, как показывает Эшли. Однако два вопроса все еще остаются без ответа: почему у Аристотеля три формы в гл. 11 и только две в других местах; и почему термины ἀκάρπων, деревообработка и горное дело так заметны, если их отношение к мысли лишь случайное.

766. *Pol*. iv (vii). *1328b39* и далее; *1327a29-31*.

767. Это было общее греческое чувство (Dem. xxv. 46).

768. Но, похоже, он признает это и в другом месте (*N. Eth*. v. 8).

769. Ср. DuBois, *op. cit.*, p. 48.

770. Ср. всю критику хрематистики, и особенно *1257b40-42*, противопоставление ζῆν и εὐ ζῆν. Об этом см. выше, стр. 109 и 87 и далее. Змавц (*Zeitschrift*, etc., p. 52) справедливо утверждает, что даже Адам Смит сделал свою экономическую теорию подчиненной частью своей практической философии.

771. Несправедливая критика, как видно из вышесказанного.

772. *Pol*. *1266b8-14*; iv (vii). *1335b22* и далее.

773. *1265b6-12*.

774. *1270a40* и далее.

775. Ср. iv (vii). 4. *1326a25-30*, особенно, τῶν γοῦν δοκουσῶν πολιτεύεσθαι καλῶς οὐδεμίαν ὁρῶμεν οὖσαν ἀνειμένην πρὸς τὸ πλῆθος. Ср. всю главу.

776. *1130b* и далее; ср. в разделе "Стоимость, деньги и обмен". Термины: διανομή или ἡ τῶν κοινῶν διανομή.

777. *1131a11*.

778. *Там же*. 21: καὶ ἡ αὐτὴ ἔσται ἰσότης, οἷς καὶ ἐν οἷς. Об идее равенства у Платона см. выше, с. 55 f. и 60 f.; дальнейшие комментарии к Аристотелю см. *ниже*.

779. *1132b32* f.; см. с. 107 ff. и примечания для более подробного обсуждения, а также для греческих выражений.

780. *1131b27-32*: ἡ διανομὴ ἔσται κατὰ τὸν λόγον τὸν αὐτὸν ὅνπερ ἔχουσι πρὸς ἄλληλα τὰ εἰσενεχθέντα. Ср. *Mag. mor.* i. 33. *1193b36* и далее. Стюарт (*указ. соч.*, I, 432) говорит, что выражение ἡ τῶν κοινῶν διανομή должно означать нечто большее, чем распределение некой центральной властью, ибо наиболее важной его формой является распределение богатства, действующее в соответствии с экономическими законами, регулирующими заработную плату и прибыль.

781. *1131a24-26*.

782. *Там же*. 22-24. О Платоне см. с. 55 f.

783. *Ibid*. 26-29.

784. *Там же*; *Pol*. iii. *1280a7* и далее; *1282b23* и далее.

785. Ср. выше, с. 113 и 93 и далее о труде.

786. *Pol*. ii. 4. *1262b2* f.

787. *1264a11-17*; 36-38; *1264b11-13*, все рассмотрены выше в разделе "Платон".

788. iv (vii). *1329b41* ff.

789. *1271a29-37*; *1272a12-21*.

790. *N. Eth*. v. chaps. 4-5, рассмотренные выше.

791. *Pol*. vi (iv). *1295b35* ff.

792. v (vi). *1320a33* и далее; ср. с. 95 и далее; ср. особенно 35: τεχναστέον οὖν ὅπως, ἂν εὐπορία γένοιτο χρόνιος, и *1267b3* и далее о ненасытности масс. Он считал, что государственные дотации на простое потребление усугубляют зло - очень здравая доктрина, которую наши городские благотворительные организации склонны упускать из виду.

793. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 339 f., об этом отрывке.

794. Ср. выше, п. 4, и стр. 95 и далее.

795. *1320a36*: ἐπεὶ δὲ συμφέρει τοῦτο καὶ τοῖς εὐπόροις, и 34, τοῦτο γὰρ αἴτιον τοῦ μοχθηρὰν εἶναι τὴν δημοκρατίαν; т. е. чрезмерная бедность масс.

796. *Указ. соч*. С. 7; ср. по этому поводу Poehlmann, *op. cit.*, I, 600.

797. *Pol*. ii. 7. *1266b14-25*, как отстаивал Фалей; см. выше. См. *далее о том*, что Аристотель отстаивал равенство в земельной собственности.

798. *1267a37-39*.

799. *Там же, с*. 39-41.

800. *1267b1-4*; vii (vi). *1320a31*; ср. с. 117 об этой идее. Он не учитывает рост стоимости жизни.

801. *1266b28-30*.

802. Ср. Бонар, *указ. соч.*, с. 45.

803. Аристотель, как и Платон, делает сильный акцент на образовании как великом лекарстве от бед государства (*1310a15* и далее). Оно должно быть общим для всех граждан и находиться под государственным надзором (*1336a22* и далее).

804. *1267a13-17*.

805. *1266b38-1267a2*.

806. *Ecclesiazusae*. Поэльманн (*указ. соч.*, I, 403) утверждает, что подобные идеи были широко распространены в Греции.

807. *Pol.* iii. 9. *1280a14-21*: σχεδὸν δ᾽ οἱ πλεῖστοι φαῦλοι κριταὶ περὶ τῶν οἰκείων. Ср. 7-31, его дискриминационные замечания о равенстве в целом.

808. vii (vi). 5; iii. 10; ср. Haney *op. cit.*, p. 45.

809. Ср. выше о справедливом обмене; также с. 116 и примечания.

810. vi (iv). 4. *1292a4-38*.

811. vii (vi). 3. *1318b1-5*, особенно οἱ δὲ κρατοῦντες οὐδὲν φροντίζουσιν; ср. iii. 9. *1280a*, особенно 22-30, о ложной идее равенства обеих сторон.

812. i. 1: ζῷον πολιτικόν; *1280a31* ff.; *1252b30* f.; ср. всю гл. 9 до *1281a10*.

813. *1280b10-12*, против Ликофрона; ср. выше, с. 16; καὶ ὁ νόμος συνθήκη καὶ ... ἐγγυητὴς ἀλλήλοις τῶν δικαίων, ἀλλ᾽ οὐχ οἵος ποιεῖν ἀγαθοὺς καὶ δικαίους τοὺς πολίτας.

814. *Op. cit.*, II, 304.

815. *Pol.* v (viii). 1. *1337a27-30*, замечательный отрывок, наводящий на мысль о Платоне и аналогии с телом у св. Павла. Аристотель ярко рисует антитезу между политическим и экономическим равенством, при которой возникает государство внутри государства (*1295b13* и далее), ибо он считает, что вместе с автором *Eud. Eth.* vii. 10. *1242a*, что человек - это не только πολιτικόν, но и οἰκονομικόν ζῷον. Cl. Poehlmann, *op. cit.*, I, 276 ff.

816. *1266b8-14*; *1265a38-42*; несправедливо по отношению к Платону, как видно выше.

817. *1266b24-28*; *1265a28-38*.

818. *1265b22* и далее.

819. *1267b9-13*.

820. Ср. его критику спартанской системы, *1270a40* и далее.

821. О его мудрости см. *далее*; о его осуществимости см. *1263b29*: πάμπαν ἀδύνατος.

822. *1261a16-1261b15*.

823. *1261b30-32*; 24-28.

824. 32-35.

825. *1262b4-24*.

826. 22-24.

827. *1262a40-1262b3*.

828. *1263b30* и далее, и предыдущее примечание .

829. *1263a11-16*.

830. 22-26; 39 f.

831. 26-30, ссылаясь на пословицу κοινὰ τὰ φίλων. Ср. *1329b14* и далее. *N. Eth.* viii; 8 f. о φιλία; *Pol. 1252b29*; *1280a25*; ср. Xen. *Laced. Pol.* vi. 3-4.

832. Ср. предыдущее примечание, а также *1261b32* и далее.

833. *1261a30* f. *N. Eth.* v. 5.

834. *1263b22* f.

835. 37-42. Но Платон использовал оба метода.

836. *1263b27-29*; например, помимо личного удовлетворения (*1263a40* f.), возможность либеральности (*1263b11-13*).

837. iv (vii). 10. *1330a5* и далее. Он хотел сделать часть земли общественной. В *Законах* расходы покрываются за счет того, что продукт становится общественным.

838. *1271a29-37*.

839. *Там же*. 28 f.; *1272a12-21*.

840. Ср. выше о социализме в *Законах*.

841. *Pol.* ii. *1270a21* f.; viii (v). *1309a23-25*, хотя это скорее мера для олигархии; viii (vi). *1319a8-13*, для демократии, также против ипотеки на землю; ср. Guiraud, *La Prop. fonc.*, p. 591. Как и Платон, он выступает против свободного распоряжения приданым (*1270a23-25*).

842. Ср. p. 122, n. 1.

843. *1330a9-23*.

844. *1265b24-26*.

845. iv (vii). *1329a18-21*.

846. *1330a25-31*; *1328b40*; *1329a2*; ср. Souchon, *op. cit.*, pp. 169 f., о его системе по сравнению с системой *Законов*.

847. Ср. p. 120, n. 5; но ср. viii (v). *1308b16-19* о признании желательности такого регулирования.

848. Ср. выше, его критику хрематистики, *Pol.* i. гл. 8-10.

849. Souchon, *op. cit.*, p. 167; различия в деталях см. выше.

850. Ср. pp. 119 f.; *1280b35* ff. Он не упускает из виду дополнение этого принципа, что процветание целого предполагает процветание частей (iv [vii]. *1328b37* ff.; *1329a18-21*), его несправедливая критика Платона по этому поводу. Змавц (*Zeitschrift*, etc., p. 56, n. 3) справедливо замечает, что в этом греческом учении об отношении индивида к государству больше правды, чем склонны признавать современные люди.

851. *Op. cit.*, p. 391.

852. Франкотт (*L'Industrie*, II, 250) решительно подчеркивает их крайнее ограничение личности. Сушон (*указ. соч.*, с. 170) называет их предшественниками Маркса, хотя и признает разницу в их целях.

853. Третий век до н. э.; ср. Целлер, *указ. соч.*, II, 1, 986 и далее.

854. Cic. *De fin.*, iv. 18. 49; Plut. *Adv. Stoicos*, p. 1065: οἱ τοῦ Ξενοκράτους καὶ Σπευσίππου κατηγοροῦντες ἐτὶ τῷ μὴ τὴν ὑγείαν ἀδιάφοραν ἡγεῖσθαι μηδὲ τὸν πλοῦτον ἀνωφελές. О Кранторе см. *Ap. Sext. Emp.* (Bekker, p. 538, ll. 4 ff.); о нем см. Heidel, *Pseudo-Platonica* (dissertation, Chicago, 1896), p. 60, n. 5; ср. также *Def.* 140, Speusippus (Mullach, *op. cit.*, III, 80): πλοῦτος κτῆσις σύμμετρος πρὸς εὐδαιμονίαν.

855. Обсуждение всей *"Экономики"* см. *ниже*.

856. Родился *ок.* 370 г. до н. э. (Zeller, *op. cit.*, II, 2, 807, n. 1), объемный писатель, от которого сохранилось значительное количество произведений, в частности его *"Характеры"*.

857. περὶ πλούτου (*Aspas. in Eth.* 451; и Cic. *De officiis* ii. 16. 56).

858. Ср. Целлер, *указ. соч.*, II, 2, 856.

859. Stob. *Flor.* iv. 283, № 202, ed. Mein.: ὁ αὐτὸς (Theophrastus) ἔλεγεν ὀφείλομεν ἑαυτοὺς ἐθίζειν ἀπὸ ὀλίγων ζῆν и т. д.

860. *Theophrasti Opera*, ed. Wimmer, iii. 231. fr. 86 f.; Plut. *Lycurg.* 10.

861. Theoph. *Op.* iii. 182. fr. 78: οὐδὲν πλέον ἔχουσιν οἱ πλούσιοι τῶν μέτρια κεκτημένων, etc. (Plut. *Cupid. Divit.* 527).

862. Cic. *De officiis* ii. 16. 56.

863. Порф. *De abstin.* iii. 25.

864. Ср. выше о Ксенофонте.

865. Ср. *далее* о киниках; Diog. L. vi. 1. 16; не сохранилось.

866. Diog. L. iv. 12; не сохранилось.

867. περὶ οἰκονομίας; фрагменты см. в изд. Jensen (Teubner). Он был эпикурейцем; см. M. Hoderman, "Quaestionum Oeconomicarum Specimen", *Berliner Studien f. Class. Phil.*, XVI, 4 (1896), 38 f., для краткого изложения его учения.

868. Diog. L. x. 11. 24: περὶ πλούτου; вероятно, противопоставляется киническим представлениям о богатстве. Ср. Hoderman, *op. cit.*, 37 и прим.

869. Немногочисленные фрагменты стоической направленности см. в Stob. lxxxv. 21 (т. III, с. 150, изд. Mein.). Ср. F. Wilhelm, "Die Oeconomica der Neupythagoreer", *Rhein. Mus.*, XVII, 2 (1915), 162.

870. Для фрагмента, см. Stob. *Flor.* xlii. 12 (Vol. II, p. 78, ed. Mein.); 46 (Vol. II, p. 366); lxxiv. 59 (Vol. III, p. 362); lxxxv. 12 (Vol. III, p. 138); стоическая тенденция, хотя фрагменты могут быть и не от него. Ср. Wilhelm, *op. cit.*, p. 162; Hoderman, *op. cit.*, pp. 40 f.

871. Ср. его *Conjugalia moralia*, которая, хотя и не носит названия *Economica*, сходна с ними по содержанию. Ср. Hoderman, *op. cit.*, p. 43; ср. также его сочинение Περὶ Φιλοπλουτίας, в котором он морализирует о глупости неумеренного стремления к богатству, в стоическом духе, напр, ed. Bern., Vol. III, 524D, p. 357: πενία γὰρ οὐκ ἔστιν ἀλλ᾽ ἀπληστία τὸ πάθος αὐτοῦ καὶ φιλοπλουτία.

872. Ямблих (*Vit. Pyth.* 72. 89. 169 f.) говорит, что среди последователей Пифагора были те, кого называли οἰκονομικοί. Они датируются примерно серединой-концом II века до н. э. Ср. Wilhelm, *op. cit.*, pp. 161-224.

873. Ср. Stob. v. 28. 15 (p. 680, 7 ff., ed. Wachs.); называется οἰκονομικός. Вильгельм (*op. cit.*, p. 164, n. 3) полагает, что все сочинение может существовать в переводе на иврит. Брайсон был перипатетиком по наклонностям. Он делает третье разделение рабов, в дополнение к κατὰ φύσιν и κατὰ νόμον; а именно, κατὰ τρόπον τᾶς ψυχᾶς. Он также дает каталог призваний, подобный тому, что приводится в Xen. *Econ.* i. 1-4, и поднимает вопрос о функции экономики.

874. Ср. Stob. v. 28. 16 (p. 681, 15 ff.); iv. 22. 101 (p. 534, 10 ff.); v. 28. 17 (p. 684, 16 и далее); v. 28. 18 (с. 686, 16 и далее, изд. Вахс.): περὶ τᾶς τῶν οἰκήιων εὐδαιμονίας; состоит в основном из отрицательных высказываний о богатых и замечаний об отношениях полов; платонического и стоического толка. Ср. Вильгельм, *указ. соч.*, с. 177, 222.

875. Ср. Стоб. iv. 25. 50; v. 28. 19 (ed. Wachs.): περὶ γυναικὸς ἁρμονίας и περὶ γυναικὸς σωφροσύνας; аналогично стоикам.

876. Ср. Stob. iv. 23. 61 f. (p. 588, 17 ff., ed. Wachs.); стоики-перипатетики по тенденции. Две последние касаются главным образом брачных отношений. По общей теме *"Экономики"* см. Ходермана и Вильгельма, как указано выше.

877. Книга iii на латинском языке имеет более позднее происхождение и не представляет экономического интереса. Книга i, возможно, принадлежит Евдему Родосскому, ученику Аристотеля и Теофраста (Zeller, II, 2, 869 и далее), но Филодем (*De vita* ix) приписывает ее Теофрасту (Zeller, II, 2, 944); см. Суземиль, введение к его изданию *Economica*, 1887. Книга ii - более поздняя, но принадлежит к перипатетической школе (Zeller, II, 2, 945).

878. См. Susemihl, *op. cit.*, p. v, n. 1, для списка параллельных отрывков из Ксенофонта и Аристотеля.

879. *1343a1-4*, особенно ἡ μὲν πολιτικὴ ἐκ πολλῶν ἀρχόντων ἐστίν, ἡ οἰκονομικὴ δὲ μοναρχία. Ср. также 14 f. Ср. Аристотель, выше. Целлер (II, 2, 181, n. 6) указывает, что *Eud. Eth.* проводит аналогичное различие, помещая экономику между этикой и политикой.

880. *1343a8* f., хотя 25 ff. подразумевает ограничение, κτήσεως δὲ πρώτη ἐπιμέλεια ἡ κατὰ φύσιν.

881. *1344b22* ff.

882. ii. *1345b13* ff.

883. *Ibid*. 20 и далее: νόμισμα, ἐξαγώγιμα, εἰσαγώγιμα и ἀναλώματα.

884. *1343a25-27*.

885. *Там же*. 28-30. Ср. с Аристотелем, который считает войну естественным занятием.

886. *1343b2* f.

887. Ср. предшествующее п. 8.

888. *1343b3* f.

889. *Ibid*. 26 и далее.

890. *1344b15* f.; *1344a23-1344b11*.

891. *1348b17* и далее.

892. *1349a33* и далее.

893. *1350a23* ff.

894. *1349b31* и далее. Дебетование валюты было обычным явлением во времена автора .

895. *1346b24* и далее; *1347b3* и далее; ср. At. *Pol*. *1259a6-35*.

896. *1346a14-16*: τὸ τἀναλώματα μὴ μείζω τῶν προσόδων γίνεσθαι.

897. *1352a16* и далее; см. выше о Сократиках, в разделе "Обмен".

898. Из Киринеи (435 г. до н. э.), ученик Сократа. Подлинных фрагментов его сочинений не сохранилось. Ср. Целлер, II, 1, 346 и далее.

899. Ср. Гораций *Ep*. i. 17, 23.

900. Ср. Целлер, II, 1, 346, n. 2, и Xen. *Mem*. ii. 1. 9.

901. Zeller II, 1, 346, n. 2; ср. Oncken, *op. cit.*, p. 47, основополагающий принцип гедонизма.

902. Ср. Hor. *Ep*. ii. 2. 60.

903. 342-270 гг. до н. э. Его теория значительно отличалась от киренейской доктрины сиюминутного удовольствия.

904. Diog. L. x. 130, 144, 146; Stob. *Flor*. xvii. 23.

905. Usener, *Epicurea* (1887), pp. 300-304, ὥρισται.

906. *Ibid.*, p. 302, fr. 473; p. 303, fr. 476.

907. Diog. L. x. 130 f.

908. Usener, p. 304, fr. 479.

909. *Ibid.*, p. 302, fr. 473 f.; ср. Stob. *Flor*. xvii. 30.

910. Usener, p. 303, и фрагменты.

911. Stob. xvii. 34; Seneca *Ep.* 25. 4 f.; Cic. *Tusc. disp.* v. 31.

912. Diog. L. x. 119; Philod. *De vit.* ix. cols. 12 ff., 27, 40.

913. Ср. Barker, *op. cit.*, p. 37; ср. выше о софистах; также Dunning, *Political Theories Ancient and Mediaeval* (1913), pp. 103 f.

914. Ср. Hasbach, *Allgemeine philosophische Grundlagen der Pol. Econ.* (1890), pp. 76 и 36 f.; Даннинг, как указано выше.

915. О его жизни см. Zeller, II, 1, 280 ff., и Diog. L. vi. Сохранилось несколько фрагментов его философских диалогов. Ср. выше, p. 126, n. 7. о его *Economicus*. Мы обсуждаем его и Диогена, поскольку киническое движение в целом является логически пост-аристотелевским.

916. Диог. L. vi. 1. 15; ср. Gomperz, *op. cit.*, II, 117 и прим., с цитатами из Диона Прусского; также Zeller, *op. cit.*, II, 1, 325 f. и прим., который считает, что ироничный "город свиней" Платона (*Rep.* ii) вполне мог быть ссылкой на идеи Антисфена.

917. Ср. предыдущее примечание и *далее*, о более поздних идеальных государствах.

918. *Pol.* i. 1253a1-4: ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον, etc.

919. Дионис Прус. *Opera* (ed. Arnim, 1893, or vi. 25 f.), приписывается Диогену, но это была также идея Антисфена. Ср. Гомперц, *указ. соч.*, II, 118; ср. Руссо.

920. Diog. L. vi. 104.

921. *Ibid.* vi. 12; ср. гл. 9, 105.

922. Xen. *Symp.* iv. 34, 34-43, о преимуществах и недостатках двух видов богатства; iii. 8; *Econ.* i. 7 f.; ii. 2 f.

923. Xen. *Symp.* iv. 35

924. Mullach, *op. cit.*, II, p. 289, fr. 86: φιλάργυρος.

925. Diog. L. vi. 2, καὶ ὅτι ὁ πόνος ἀγαθὸν συνέστησε διὰ τοῦ μεγάλου Ἡρακλέους καὶ τοῦ κύρου. Геракл, труженик, был их покровителем. Антистен, как говорят, написал два диалога под названием "Геракл" (Diog. L. vi. 2. 18), но Целлер (*op. cit.*, II, 1, 307, n. 4) считает подлинным только один.

926. Ср. *далее* о Диогене. Ar. *Pol.* 1253b20-22, вероятно, относится к киникам, считавшим, что это κατὰ φύσιν, οὐδὲ δίκαιων и βίαιων. См. об этом Newman, *op. cit.*, I, 140, n. 2. Он цитирует Страбона, p. 15; 110, о противостоянии киника Онесикрита рабству. Ср. выше, с. 97 и далее; Zeller, *op. cit.*, II, 1, 280 и далее, 323 и далее.

927. Ср. *далее* о Диогене и *Эриксии*; Ar. *Pol. 1257b10*, вероятно, киник.

928. 412-323 гг. до н. э.; ср. Целлер, *указ. соч.*, II, 1, 280 и далее.

929. Mullach, *F.Ph.G.*, II, 326, fr. 276; ср. Diog. L. vi. 47: τὸν πλούσιον ἀμαθῆ, πρόβατον εἶπε χρυσόμαλλον.

930. Mullach, II, 302, fr. 27; 327, fr. 285; ср. *далее* о Телесе, для аналогичной идеи.

931. Mullach, II, 316, fr. 168; Chrysost. *Homil.* lxiv на Матфея указывает на параллель Павла, I Tim. 6: 10: ῥίζα γὰρ πάντων τῶν κακῶν ἐστιν ἡ φιλαργυρία.

932. Mullach, II, 305, fr. 63.

933. *Ibid*. fr. 66; 65.

934. *Ibid*. fr. 61; p. 327, fr. 285.

935. Гомперц, *op. cit.*, II, 133; Целлер (*op. cit.*, II, 1, 323 f.) не уверен, что киники учили позитивной антирабовладельческой доктрине, но ср. с. 132, n. 2.

936. Diog. L. vi. 66, 74 f.; ср. Epict. *Dissert.* iii. 24. 67.

937. *Athen.* iv. *159c*; Διογένης δ᾽ ἐν τῇ πολιτείᾳ νόμισμα εἶναι νομοθετεῖ ἀστραγάλους.

938. Diog. L. vi. 72: ἔλεγε δὲ καὶ κοινὰς εἶναι δεῖν τὰς γυναῖκας и т. д. Аристотель (*Pol.* ii. 7. *1266a34*) называет Платона единственным ее защитником, но ср. Целлер, *op. cit.*, II, 1, 321 f., n. 4, и Гомперц, *op. cit.*, II, 132, хотя они считают, что он не придерживался ее в крайней форме, указанной Диогеном Лаэрцием.

939. Конкретных доказательств нет, хотя это хорошо согласуется с другими его учениями. Ср. Гомперц, *указ. соч.*, II, 132.

940. Назывался "Тебайос"; род. *ок.* 328 г. до н. э.; ср. Diog. L. vi. 87.

941. Mullach, *F. Ph. G.*, II, 334, fr. 6; 338, frs. 38, 39; ср. также Diog. L. vi. 86.

942. Ср. *"Кошелек нищего"*, забавную пародию на *"Одиссею"* (von Arnim, *Leben und Werke des Dio von Prusa* [1898], 255 ff.). Гомперц (*op. cit.*, II, n. 545 to p. 125) сомневается в подлинности этого произведения для Кратеса, но считает, что оно происходит из кинического источника; см. также *ниже* о Телесе.

943. Псевдоаристотелевская *"Экономика"* - возможное исключение. *Экономика* Ксенофонта имеет более широкую тематику, а *"Доходы" служат* практическим целям.

944. *Pseudo-Platonica*, p. 59.

945. О ней лишь вскользь упоминается в Boeckh, *op. cit.*, I, 693; Hoderman, *op. cit.*, p. 9; Francotte, *L'Industrie*, II, 310, n. 1; Cossa, *op. cit.*, p. 146; Oncken, *op. cit*, p. 37; Bonar, *op. cit.*, p. 11, n. 1; Kautz, *op. cit.*, p. 121; Simey, *op. cit.*, p. 474; Hagen, *Observationum oec. pol. in Aesch. dialog., qui Eryx. inscribitur* (dissertation, 1822). Последний вариант не исследовался.

946. О его происхождении см. Otto Schrohl, *De Eryx. qui fertur Platonis* (диссертация, 1901), который приводит полную библиографию, стр. 5 и далее; Heidel (*Pseudo-Platonica*, p. 61), следуя Steinhart (Mueller, VII, 14), приписывает его позднему Сократу, сочувствующему Антисфену; стр. 69, n. 3, он считает, что оно выросло из *Euthyd.* 288E и далее; о других точках контакта см. Schrohl, 10 и далее.

947. О первом см. 393A-394E, 402E-403C; о втором см. 396E-397D, 405C-406B.

948. Ср. предшествующее п. 3.

949. 278E-282.

950. Ср. выше, *на месте*.

951. О стоиках см. *ниже*.

952. Xen. *Mem*. i. 6, особенно конец: ἐγὼ δὲ νομίζω τὸ μὲν μηδενὸς δεῖσθαι θεῖον εἶναι, etc.; ср. Schrohl, *op. cit.*, pp. 26-28.

953. 400E, 401A.

954. 401A: ἀλλὰ ποῖα δὴ τῶν χρησίμων, ἐπειδή γε οὐ πάντα. Ср. также 400E.

955. 401B, 401E.

956. 402E, 393E-394E, а также общий тезис о том, что мудрейшие богатеют.

957. 400A-E, 394D, утверждая, что экономический спрос может сделать мудрость одного человека более ценной, чем дом другого.

958. 399E.

959. Ср. 399E, где Эристрат определяет πλοῦτος как τὰ χρήματα πολλὰ κεκτῆσθαι.

960. 393A, 393D-394A; ср. выше, стр. 24 и далее, и примечания к Платону и другим.

961. 394D-E, 402E.

962. 393E, 396E-397E, 403E, настаивание на умении пользоваться, столь распространенное у Платона, Ксенофонта и Рёскина.

963. 394D-E, который читается как отрывок из Нового Завета.

964. 397E.

965. 396C: ἂν μέν τι ἔχῃς, ἄξιός του, ἐὰν δὲ μή, οὐδενός. Ср. *"Простая жизнь"*: "Кто ничего не имеет, тот ничего не имеет". Ср. Eurip. fr. 328, Danae (Nauck): κακὸς δ᾽ ὁ μὴ ἔχων, οἱ δ᾽ ἔχοντες ὄλβιοι.

966. 396E-397E; ср. *далее* стоическое учение о "безразличных"; но они включали здоровье и богатство в один класс, а *Эриксий* - нет. Ср. Diog. L. vii. 103; ср. аналогичный отрывок в *"Евтидеме"*; ср. Schrohl, *op. cit.*, p. 34.

967. 396E-397E, как указано выше; 393A.

968. 405D.

969. 405E.

970. 406B.

971. *Там же*, но ср. 134, n. 8, где Сократ подходит к этому аскетизму.

972. 403E, различая материалы для дома, инструменты, которыми они снабжаются, и инструменты для строительства. Подобное различие можно найти у Платона и Аристотеля.

973. 399E.

974. 400A-E.

975. 400A-B. Хайдель (*указ. соч.*, с. 61) указывает здесь на его "показную ученость".

976. 402B-C, 404A-B.

977. 400E.

978. 400C-E, особенно ὅσα μέν ἄρα τυγχάνει χρήσιμα ὄντα ἡμῖν ταῦτα χρήματα, хотя в этот момент термин стал включать все богатство; ср. также 402C: ἀλλὰ ταῦτ᾽ ἂν εἴν (χρήματα) οἷς τὰ χρήσιμα οἷοί τ᾽ ἐσμὲν ἐκπορίζεσθαι.

979. Ср. *Teletis Reliquiae*, ed. Hense, Freiburg, 1889. Древний источник - Стобей. Телес, киник из Мегары, писал около 240 г. до н. э. Ср. Hense, *op. cit.*, XXI-XXXV; Gomperz, *op. cit.*, II, 129 ff. Fr. iv. A, pp. 24 и далее, и iv. B, p. 34, представляют особый экономический интерес.

980. Фр. IV, A, стр. 24 и далее.

981. Fr. IV, A, p. 24: δι᾽ ἀνελευθερίαν καὶ ῥυπαρίαν.

982. *Ibid.* 27; ср. пример Форкίδες, которые имеют глаз, но не пользуются им; ср. также цитату из "древних" о различии между χρήματα, "используемым богатством", и κτήματα, "богатством, которым просто владеют" (ll. 13 f.).

983. P. 32, ненасыщенная жизнь не будет удовлетворена даже бессмертием, поскольку не может стать Зевсом. Л. 13 и далее, цари всегда в нужде, σπανίζουσιν. Ср. Xen. *Symp.* iv. 36.

984. P. 26, ll. 4 f., 6-12; p. 31.

985. P. 28, ll. 13-29.

986. P. 29, ll. 6 ff.

987. P. 29; ср. стр. 30 f.; p. 26, ll. 11 f.

988. P. 26.

989. Fr.; Περὶ αὐταρκείας; p. 9: καὶ τί ἔχει δυσχερὲς ἢ ἐπίπονον ἡ πενία.

990. *Там же.*

991. *Там же.* Цефал в *Rep.* i дает более взвешенное суждение.

992. *Ibid.*, pp. 6 f., цитируя Биона об ответе бедности своим обвинителям. Ср. Aristoph. *Plutus* 558 f. о силе бедности, цитируемый Рёскином, *Aratra Pentel.*, IV, 139 (т. XX, 296).

993. Фр. iv. B, p. 34, он нападает на противоположный тезис.

994. *Ibid.*, ll. 5 f.; p. 35, хорошее учение для бродяги; p. 34.

995. *Там же*, лл. 13 и далее.

996. *Там же*, с. 36 и далее, сравнение Аристида и Каллия.

997. Fr. iv. A, p. 28, якобы ответ Кратеса на вопрос, что он получит, став философом.

998. Ср. *далее*; также Cic. *De fin.* iii. 10. 33 f.; Zeller, *op. cit.*, III, 1, 214.

999. Cic. *Paradox.* 6, на тезис о том, что богатыми бывают только мудрые.

1000. Сенека *Бенефиций.* vii. 3. 2 f.; 6. 3; 8. 1.

1001. Диог. L. vii. 125. Обе приведенные выше цитаты см. в Zeller, III, 1, 251.

1002. По имени Цитий, родился в 320 г. до н. э., семитского происхождения.

1003. *Стоический ветеран*. *Fr.*, ed. Arnim, 1905, I, 47, fr. 190 (Stob. *Ecl.* ii. 7. 5, pp. 57 f., ed. Wachs.); Diog. L. vii. 101 f., 103-5.

1004. Von Arnim, *op. cit.*, p. 53, fr. 220; Cic. *De fin.* v. 84: "У Зенона eum (mendicum) non beatum modo, sed etiam divitem dicere ausus est".

1005. Фон Арним (p. 52, fr. 216 [Stob. *Ecl.* ii. 7. *11g*, pp. 991., ed. Wachs.]) цитирует Зенона, который относит к благам σπουδαῖος человека то, что он οἰκονομικός и χρηματιστικός, тогда как φαῦλοι противоположны; ср. также p. 100.

1006. Von Arnim, p. 61, fr. 264 (Clem. Alex. *Strom.* v. 12. 76, p. *691p*).

1007. Von Arnim, p. 62, fr. 268 (Diog. L. vii. 33): νόμισμα δ᾽ οὔτ᾽ ἀλλαγῆς ἕνεκεν οἴεσθαι δεῖν κατασκευάζειν οὔτ᾽ ἀποδημίας ἕνεκεν. Онкен (Oncken, *op. cit.*, p. 48) считает, что стоики были предшественниками физиократов.

1008. Plut. *De Alex. Fort.* i. 6: ἡ πολὺ θαυμαζομένη πολιτεία τοῦ ... Ζήνονος. Он говорит, что это в принципе согласуется с государствами Платона и Ликурга. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, II, 341 ff., но ср. *infra*, p. 140 f. Ср. n. 2, выше. Ar. *Pol.* ii. 4. *1266a*: εἰσὶ δέ τινες πολιτεῖαι καὶ ἄλλαι и т. д., показывает, что ряд идеальных государств предшествовал его, хотя он говорит, что платоновское было самым радикальным.

1009. *Plut. De Alex. Fort.* i. 6.

1010. Diog. L. vii. 33, 131; ср. пп. 3 и 5 выше.

1011. Diog. L. vii. 131; 33.

1012. Poehlmann, *op. cit.*, II, 342, n. 1.

1013. Ср. выше, n. 5; *Athen.* xiii. *561c*.

1014. Ср. Poehlmann, *op. cit.*, I, 11, n. 8; также 346.

1015. Diog. L. vii. 33.

1016. Об этой двойной тенденции у стоиков и причинах этого см. Сушон (*op. cit.*, pp. 173 f.); Poehlmann (*op. cit.*, II, 342 f., и I, 111) и Вольф (*op. cit.*, pp. 116 ff.) преувеличивают их социалистическую тенденцию. Дальнейшее обсуждение см. *ниже*. Ср. L. Stein, *Soc. Frage*, pp. 171-80.

1017. 280-206 гг. до н. э. Аристо и Клеанф, преемники Зенона, также подчеркивали аналогичные доктрины в отношении богатства. Ср. von Arnim, I, p. 89, frs. 396, 397, 398, из Аристо; ibid., p. 137, fr. 617, из Клеанфа.

1018. *Ibid.*, II, 79, fr. 240; III, 28, fr. 117; p. 29, frs. 122, 123; p. 32, fr. 135.

1019. *Ibid.*, III, 156, fr. 598; p. 159, fr. 618; p. 155, fr. 593.

1020. *Ibid.*, p. 155, fr. 597.

1021. *Ibid.*, p. 160, fr. 629: "Lucro autem numquam sapiens studet".

1022. *Ibid.*, p. 169, fr. 623: μόνον δὲ τὸν σπουδαῖον ἄνορα χρηματιστικὸν εἶναι, γινώσκοντα ἀφ᾽ ὧν, χρηματιστέον, καὶ πότε καὶ πῶς καὶ μέχρι πότε.

1023. Von Arnim, III, 168, fr. 674.

1024. *Ibid.*, p. 36, frs. 151, 152: "Bonum ex malo non fit: divitiae fiunt: fiunt autem ex avaritia divitiae ergo non sunt bonum" (Seneca *Ep.* 87. 22).

1025. Von Arnim, p. 172, fr. 686 (Stob. *Ecl.* ii. 7, p. 109, 10): .... λόγους κατηλεύειν, οὐ φαμένων δεῖν ἀπὸ παιδείας παρὰ τῶν ἐπιτυχόντων χρηματίζεσθαι.

1026. Von Arnim, p. 86, fr. 352: ἄνθρωπος γὰρ ἐκ φύσεως δοῦλος οὐδείς; p. 87, fr. 358; ср. с p. 141, n. 7, выше.

1027. *Там же*, fr. 357.

1028. *Ibid.*, 89, fr. 365; p. 86, frs. 356, 354.

1029. *Там же*, p. 86, fr. 355; p. 88, fr. 362; p. 89, 364. См. Espinas, *Hist. des doctrines èconomiques*, 56 f., об отношении стоиков к труду и рабству: "Ни киники, ни стоики не презирали труд"; "Единственное рабство, достойное уважения, - это рабство страстей и порока".

1030. Поэльман (*op. cit.*, II, 342 f. и примечания), ссылаясь на фон Арнима, III, 77, fr. 314, ὁ νόμος πάντων ἐστὶ βασιλεύς и т. д., считает, что принцип Хрисиппа о законе разума как царя всего является антииндивидуалистическим. Он цитирует также Cic. *De fin.* iii. 19 (64), где индивид, похоже, существует ради целого. Но ср. выше, p. 140 f. и примечания.

1031. Ср. Diog. L. vii. 131, и выше, p. 140, nn. 7 f.

1032. *Op. cit.*, p. 171.

1033. Ср. выше, о киниках и стоиках, и *далее*; ср. даже у Платона, *Законы* 679A-B.

1034. Сократики были пионерами и в этом отношении. О неисторическом характере предполагаемого раннего коммунизма в Спарте см. Poehlmann, *op. cit.*, I, 75 ff. и 100 f.; об этой тройной тенденции в послеаристотелевской социальной мысли см. *там же*, pp. 99 ff., о "Der Sozialstaat der Legende und das sozialistische Naturrecht"; также Souchon, p. 172.

1035. Ср. выше, с. 140.

1036. Ср. Порфирий *De abstin.* iv. 1. 2; Мюллер, *F.H.G.*, II, 233. Его Βίος Ἑλλάδοσς был историей вырождения греческой цивилизации из первобытного идеала. См. Poehlmann, *op. cit.*, I, 109 и n. 1, о его влиянии на Руссо, который ссылается на него. Ср. там же, n. 2, о схожей идее золотого века в Theoc. xii. 15.

1037. О его социальных идеях см. Poehlmann, I, 113 и далее.

1038. Страбон vii, p. 463 (*F.H.G.*, I, 256, fr. 76).

1039. Nic. Damasc. (*F.H.G.*, III, fr. 123): διὰ τὴν τοῦ βίου κοινότητα καὶ δικαιοσύνην. Ср. также ibid., I, 257, fr. 78, Ephorus.

1040. *Там же*; также fr. 76: πρός τε ἀλλήλους εὐνομοῦνται κοινὰ πάντα ἔχοντες τά τε ἄλλα καὶ γυναῖκας καὶ τέκνα καὶ τὴν ὅλην συγγένειαν.

1041. *Panathen.* 178: ἀλλὰ παρὰ σφίσι μὲν αὐτοῖς ἰσονομίαν καταστῆσαι καὶ δημοκρατίαν τοιαύτην, οἵαν περ χρὴ τοὺς μέλλοντας ἅπαντα τὸν χρόνον ὁμονοήσειν; также 153; для идеализированной картины ранней афинской жизни, ср. *Paneg.* 79; *Areop.* 31; 32, 35, 44, 83; цитируется по Poehlmann, *op. cit.*, I, 136 f.

1042. Ср. Polybius vi. 45, и примечание Poehlmann (I, 122).

1043. Книга vi. 10; 48 и т. д.; ср. Poehlmann, как указано выше.

1044. Ср. его *"Ликург"*, особенно 8, 9, 10, 3, 25, 30, 31.

1045. Ср. Poehlmann, I, 122 и n. 3.

1046. Ср. выше, примечания p. 143, nn. 4-6. особенно 6.

1047. Ср. выше, с. 140.

1048. Ср. выше, p. 62, n. 6.

1049. *Op. cit.*, II, 359 ff., хотя он был слишком готов видеть в них прямую аналогию с современным социализмом.

1050. Книга viii его *"Филипп. Истории* (*Athen.* xii. *517d* ff.).

1051. Ср. Poehlmann, I, 362 и далее.

1052. Мюллер, *F.H.G.*, II, 392, fr. 13; ср. 386 и далее.

1053. Diod. i. 6. 93; 4 - платонический идеал.

1054. *Ibid.* v. 45. 3 и далее.

1055. *Ibid.* 45. 3.

1056. Diod. v. 45. 5; 46. 1 показывает, что ремесленники были включены в коммунизм.

1057. *Ibid.* 45. 4: τοὺς κάρπους ἀναφέρουσιν εἰς τὸ κοινόν и т. д.; хотя за успехи в земледелии выдавались премии.

1058. *Ibid.* ii. 55-60.

1059. *Там же.* 59.6: ἐναλλάξ δὲ αὐτοὺς τοὺς μὲν ἀλλήλοις διακονεῖν, τοὺς δὲ ἁλιεύειν, τοὺς δὲ περὶ τὰς τέχνας εἶναι, ἄλλους δὲ περὶ ἄλλα τῶν χρησίμων ἀσχολεῖσθαι, τοὺς δ᾽ ἐκ περιόδου κυκλικῆς λειτουργεῖν, πλὴν τῶν ἤδη γεγηρακότων. Ср. с p. 34, n. 1, выше, об идее Рёскина о том, что все должны делать немного головной и немного ручной работы. Поэльман (II, 391, n. 2) сравнивает ее с социализмом Бебеля. Намек на то, что государство Платона отличается от этого, как общество граждан, которые не работают (402 f.), вряд ли справедлив. Правильное различие заключается скорее в том, что Платон настаивает на том, чтобы каждый гражданин занимался именно тем видом труда, для которого он лучше всего приспособлен. Нет нужды спрашивать, кто придерживается более здравой точки зрения, с экономической или какой-либо другой. Отказ Джамбула от разделения труда в интересах равенства - это, безусловно, одна из самых радикальных мер, когда-либо предлагавшихся в истории коммунизма.

1060. *Op. cit.*, p. 195; Рошер, конечно, крайний в своей оценке.

1061. См. Brants, *Les théories écon. au XIII et XIV siècle*; Espinas, *Histoire des doctrines économiques*, pp. 72 ff.; Haney, *op. cit.*, pp. 69 ff.

1062. В его *De origine, natura, jure, et mutationibus monetarum* (четырнадцатый век). Об их зависимости от Аристотеля см. Zmavc, *Zeitschr. f. d. gesammt. Staatswiss.*, 1902, pp. 54 и 77 f.; и *Archiv f. d. Gesch. der Phil.*, 1899, 407 ff.

1063. Ср. Souchon, pp. 199 f., который замечает, что греческой целью морали было совершенствование индивида через государство, в то время как целью Средневековья было индивидуальное спасение в другом мире.

1064. Ср. Онкен, *указ. соч.*, с. 38.

1065. Он называет Платона "мастером экономики" (*Fors Clav.* [Vol. XXVIII, 717]); см. также Vol. XXXVIII, 112 о его платоническом ученичестве. Он говорит (*Arrows of the Chace*, Vol. XXXIV, 547): "Экономика, которую я преподаю, - это экономика Ксенофонта"; ср. также Vol. XXXVII, 550, Письмо профессору Блэки, II: "Моя собственная политическая экономия - это буквально только расширение и объяснение политической экономии Ксенофонта". Ср. т. XXXI, Введение, с. xv и далее; т. XVII, с. xlix и 18; ср. его предисловие к переводу *Economicus*; ср. также E. Barker, *Pol. Thought in England from Herbert Spencer to the Present Day* ("Home University Library"), pp. 191-96, который подчеркивает это греческое влияние. Ср. выше, p. 23, n. 5; 64, n. 3.

1066. Баркер, цитированный выше, в п. 2, также подчеркивает этот факт. См. цитированное выше издание Рёскина, Введение к XVII тому, где превосходно обсуждаются экономические идеи Рёскина и их влияние, а также библиографию (p. cxii) и цитаты из многих современных экономистов по этому вопросу; напр, примечательное обращение в 1885 году в знак признания его работы, подписанное рядом ведущих английских экономистов; яркие цитаты из Ингрэма; из Стимсона (*Quarterly Journal of Economics*, II [1888], 445), что будущая политическая экономия будет делать свои кирпичи для строительства "из земли Рёскина, а не из соломы Рикардо"; из покойного профессора современной истории в Оксфорде Региуса: "Политическая экономия сегодняшнего дня - это политическая экономия Джона Рёскина, а не Джона Брайта или даже Джона Стюарта Милля".

1067. P. 46, n. 3 (Wagner, *Die Akad. Nat.-oek. und der Socialismus*, 1895).

1068. *Op. cit.*, p. 201.

Примечания транскриптора:

Пропущенные или неясные знаки препинания были исправлены.

Типографские ошибки были исправлены молчанием.